

Георгий ДЗЮБА

КАРУСЕЛЬ
И
КАНИТЕЛЬ

Рассказы

Москва
«Российский писатель»
2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д 25

Георгий Дзюба. Карусель и канитель. *Рассказы.* —
Москва: Редакционно-издательский дом «Россий-
ский писатель», 2015. — 320 с.
ISBN 978-5-91642-137-8

ISBN 978-5-91642-137-8

© Г.Е. Дзюба, 2015 г.

© «Российский писатель», 2015

НА СТРАЖЕ СЛОВА

Этот с подростковой фигурой человек, которого уже предательски коснулась седина, напоминал мне университетского преподавателя. Он, прирождённый интеллигент, как-то стеснительно приходил в еженедельник «Литературная Россия», где часто публиковались его живые, колоритные очерки о далёкой Камчатке. Даже не верилось (я узнал об этом позже): это настоящий генерал-майор пограничных войск.

Прошли годы. Профессиональный военный Георгий Евгеньевич Дзюба стал членом Союза писателей России. Выпустил замечательные исследования о своём гениальном земляке, великом русском писателе Н.В. Гоголе. Охраняя границы нашей Родины, Георгий Дзюба прошёл весьма сложный и трудный путь от рядового до генерала – главного Федерального инспектора по Чукотскому и Корякскому автономным округам и Камчатской области. Весь этот огромный автобиографический жизненный багаж он художественно отобразил в новой книге «Карусель...» в коротких рассказах, написанных мастерски с гоголевской самоиронией: «...Вкрапления испуганно косились на казарменные пятиэтажки, недвусмысленно угрожающие не толь-

ко им, но и всем советским гражданам нависающей с инкубаторских балконов престарелой мебелью, тюками, велосипедами и промёрзлым бельём. Пятиэтажки хамски громыхали и хрюкали дверями, вкрапления европейских зодчих затравленно жались к заснеженным деревьям и кустам. И можно было не раз пройти мимо невзрачного особнячка, а потом обнаружить вдруг на его лике замысловатые колонны с бантиками. Или роскошную мраморную гитару девы с ниспадающими на бюст соблазнительного размера локонами...» И таких примеров множество.

Удивительно, с ястребиной точностью и подробностями он воссоздаёт мир, в котором пришлось ему жить и служить. Музейные работники могут смело брать на вооружение любой этюд, где Георгий Дзюба исподволь восславляет исторические корни, живописуя о выдающихся гражданах в городах и весях нашей необъятной державы. Я бы назвал такое письмо, как в настоящей живописи, **ПАСТОРАЛЬНЫМ!**

Георгий Евгеньевич мягко, ненавязчиво с подробными деталями (за долгие годы пограничной службы выработался особый взгляд!) доходчиво и откровенно рассказывает о повседневной службе, размышляет о становлении, возмужании и необыкновенных приключениях воинов в зелёных фуражках. Непредсказуемость в развитии коротких житейских сюжетов и в то же время их философская и автобиографическая целост-

ность позволяют размышлять о рождении нового романа в рассказах о романе его автора с границей СССР.

Я не собираюсь разбирать этюды. Верю талантливому писателю Г.Е. Дзюбе и благодарю его за очень нужную в наши беспокойные и тревожные дни книгу, в которой он хранит и бережёт как зеницу ока самоцветное русское слово.

*Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН,
поэт, прозаик,
член Союза писателей СССР и России,
лауреат премии Ленинского комсомола*

*Кто что ни говори, а подобные происшествия
бывают на свете; редко, но бывают.*

Н.В. ГОГОЛЬ, повесть «Нос»

1. Бойцы вспоминают минувшие дни

«НАД ТИССОЙ». КИНО И НЕМЦЫ

Для тех читателей, что помнят советскую жизнь, вероятно, эта история покажется мифом, но и от этого она никуда не исчезнет. События взаправдашние. Свидетельствую. И как вы, наверное, знаете, существуют мелочи, уровень которых для одних людей может быть недостижимым, для других — недопустимым. Иные варианты если и случаются, то не часто.

Нет, над Тиссой я никогда не служил. А речка эта всегда была и даже сегодня остаётся, но на географических картах мира только с одной буквой «с» в имени. Погоны солдата срочной службы я кое-как приторочил себе в Бресте у другой пограничной реки — Буг. Конечно, никто не обещал, что нас там будут учить вышивке гладью, бисером или мулине. Получилось у меня это, может быть, и не совсем геометрически ровно по отношению к плечам. Но, как честный человек, признаюсь я вам, пришивал эти погоны тупой цыганской иглой долго, старательно и упорно, щедро кровь свою проливая и проявляя при этом, не побоюсь этих слов, чудеса личной выдержки и солдатского бесстрашия. Дело было прямо в Брестской крепости, где и стоял наш неприступный и непобедимый гарнизон.

Только лишь завязал я последний узелок, откусил как надо нитку, плюнул на пальцы и с чувством глубокого удовлетворения оглядел пока ещё безгрешно чистые, как слеза ребёнка, погоны рядового и зелёные петлицы на хэбэшке, как погнали нас прямоком в клуб на фильм «Над Тиссой» чтобы насытить должным патриотизмом. Нужно сказать, что озверевшие от безнаказанности сержанты нас никуда не водили. Прапорщик он, конечно, тоже оказался ничего себе, но сволочь привязчивая, как считали, и небезосновательно, считали некоторые из нас — неуклюже начинающих службу воинов. По правде сказать, хороший этот прапорщик был человек или так себе — лично я так и не понял. Такой приторный прапорщик. Сахарный пряник, а не прапорщик. Манеры неторопливые, барские, но глаза бегающие, всевидящие — вот и всё. Куртуазный маньерист какой-то, ей богу. Тьфу, я даже рад, что мы были с ним разной группы крови, а мои погоны были не такие, как у него, а чистые и ровные, как газон после сенокоса.

Ну, так вот. И сержанты, и прапорщик — все они нас никуда не водили. Они нас только гоняли и толкали куда не попадя, демонстрируя при этом и огромную радость от своей власти, и недовольство тем, что она не столь безгранична, как им того бы хотелось. А в тот день они решили, так сказать, трамбовать нас, пока ещё непуганых новобранцев, накопившимися вокруг казармы традициями. Естественно, что героическими традициями укатать решили и симп-

томы личной причастности к счастью укрепления обороноспособности державы привить нам задумали фильмом «Над Тиссой». Тогда это практиковалось, как сейчас у космонавтов с «Джентльменами удачи» перед полётами заведено. Ну что скрывать, к чему заниматься ложной скромностью? Видимо, у нас лётчики-космонавты такую традицию себе ещё в Бресте и приглядели и взяли на карандаш, только другой фильм выбрали.

Следует честно сказать, что большая часть новобранцев в тот день мало вглядывалась в привычки былых поколений. Многие измождённо повалились в клубные кресла и бесстыдно забылись беспробудным сном. Им эти традиции показались до лампочки Ильича. Да, кресла, клубные кресла... Вы же не придумывайте себе ещё чего-нибудь о ночных клуббах по сомнительным интересам или о каких-нибудь клубных карточках. А то вообразите себе ещё обнажённую Снегурочку на шесте. Никаких там дресс-кодов, фейс-контролей, заказных столиков или клубных привилегий тоже и близко не было — то был клуб воинской части, где на каждом месте можно было лишь упражнять память в области географии СССР или обогащаться знаниями в районах интимной лирики и наскального зодчества. Клуб был новый, красивый. Но тексты и картинки на спинках кресел здесь уже не раз стирали, сдирали, закрашивали, хотя искусство, как вы понимаете, бессмертно, потому что оноечно и принадлежит народу. Так вот, некоторые

солдаты в клубе и в тот день тоже просто хитро замолчали лишь для того, чтобы на спинках впереди стоящих кресел отразить свою личную роль в буквах или отношении к воинской службе в живописи.

Теперь вам понятно, а я подчеркну ещё раз — в кино спали не все. И те из молодых солдат и постоянно лающих на них сержантов, кто в отличие от гоголевского Вия удержал свои веки или пока ещё не поверил в свой талант в области изобразительного искусства, фильм увидели. Они-то и приняли, как говорится, к своему сведению, что одним из наиболее чудовищных врагов пограничников в фильме «Над Тиссой» предстал агент иностранной разведки и конченная сволочь (не путать с другими героями этого повествования) Стефан Янович Дзюба. С.Я. Дзюбу народный артист РСФСР Степан Каюков в фильме изобразил доказательно злокозненным и убедительно подлым гражданином, подонком однозначно. В погранвойсках такому бы уж точно места не нашлось. Ни при каких обстоятельствах. Тем не менее после просмотра фильма мне уже не помогло даже то, что в стане трусливой шоблы врагов нашей прекрасной Родины СССР у того Дзюбы были вполне интеллигентные и неслабые подельники. Диверсант Ральф Кларк, например, заслуженный артист РСФСР Валентин Зубков, другой враг народа и родного КГБ Граб — тоже хороший киноактёр Константин Старостин. Правда, он «рецидивист», так как ещё до этого фильма уже побывал разбойником в фильме «Мороз-

ко» и пиратом в «Марии-искуснице». Да и шофёром у Дзюбы, (не у меня Г.Д. — автора), а у Стефана вкалывал и волочился на подхвате не какой-то там Мишка Скибан, а народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР и Герой Социалистического Труда Николай Крючков.

В общем, после «кина» произошло-таки глупое по содержанию и публичное по форме оскорбление моих, пока ещё не сформировавшихся до той минуты патриотических чувств и кой-какого достоинства со стороны младшего сержанта Иваненко, который на том же строевом плацу и в луже в некотором смысле потерял и свои, уже сформированные фильмом чувства. Уж не знаю, чего он там нашёл, хотя, как вы можете себе представить, в любой луже всегда вполне возможно увидеть если даже не отражение звёздного неба, то, по крайней мере, хотя бы окурки. Бывают случаи, это вы и сами знаете, когда какое-то дело не по плечу и не по душе, а по зубам в самый раз приходится. То было именно такое дело.

Для детализации этого досадного события мало-пригодны вопросительные знаки — разогнём их и сделаем восклицательными. Так удобнее, ибо после этого младшие командиры побежали разом к начальству выяснять, какие действия им следует предпринять дальше. Что они там выяснили, неизвестно. Как это было, неясная тайна. Но и старшие командиры тоже почему-то занервничали всерьёз, и звону было немало. С гауптвахтой они тогда, конечно, очень сильно

погорячились, поскольку я к тому времени даже ещё и о присяге не слышал ни одного порядочного слова. Именно в этом-то и проявилась моя незаконченность на преступном пути неуставных взаимоотношений. В этом и состоял, конечно, хотя и не прогнозируемый для командиров, но просчёт или побочный эффект. Им пришлось выкручиваться даже больше, чтобы подобрать для меня такой угол отражения, который бы оказался адекватным углу падения младшего сержанта. И для меня это досадное падение сержанта на плацу не обошлось без моральных потерь, приведших к образованию невообразимо хитроумного дела.

Помню, что тогда сюжет вокруг рядового погранвойск Дзюбы (не Стефана) закрутился трагический, да и верхние мои конечности, исколотые цыганской иглой после незапланированного их приведения в форму кулаков, потом разболелись сильнее сильного. А настоящий цирк начался через месяц, когда окрепли мои товарищи и, воспользовавшись переполохом, невзирая ни на какие уговоры человека из политотдела, потребовали секретарём комсомола избрать Дзюбу (снова не Стефана). Вот это и было кино! Прямо, ЧП какое-то гарнизонного масштаба. Страшнее и не придумаешь...

Вот к чему приводит бессознательная энергия преодоления реальности в ликвидации последствий улетевшего слова, хотя оно и не воробей!

ГОЛОД НЕ ТЁТКА

У военных студентов практика называется стажировкой. Наш квартет курсантов, будущих офицеров-пограничников на стажировку отправили в город Черновцы, в лютую зиму. Забегая далеко вперёд, скажу, что центр этого губернского городка запомнился мне точечными вкраплениями удивительной стародавней архитектуры. Вкрапления испуганно косились на казарменные пятиэтажки, недвусмысленно угрожающие не только им, но и всем советским гражданам нависающей с инкубаторских балконов престарелой мебелью, тюками, велосипедами и промёрзлым бельём. Пятиэтажки хамски громыхали и хрюкали дверями, вкрапления европейских зодчих затравленно жались к заснеженным деревьям и кустам. И можно было не раз пройти мимо невзрачного особняка, а потом обнаружить вдруг на его лице замысловатые колонны с бантиками. Или роскошную мраморную гитару девы с ниспадающими на бюст соблазнительного размера локонами. Или нечёсаную башку ухмыляющегося льва, или кованые решётки с неподвластными воображению, линейкам и циркулям витражами арабесок за ними. Впечатления неделимого смысла оставляла лишь брусчатая

улица Кобылянской, вобравшая в себя все чудеса первозданных архитектурных фантазий. Стометровка, Кобылянская-стрит, Бродвей или Чернобасовская... Последняя вариация имени улицы, несомненно, была подкинута сюда Одессой или Софой. Имя Черновцам, авторитетно утверждала продавщица нашего гарнизонного буфета Софа, что верно знала всё и обо всех, случилось от коллектива чёрнорунных овец, которых якобы здесь ужас сколько, хотя на улицах они нам не встречались ни разу. Софе мы верили безоговорочно в силу её авторитетного положения в городе в целом и в буфете — особенно. Она и сама своего авторитета под прилавком не держала, нередко подчёркивая: «Вас тут много, а я одна».

Тамошняя община людей залегла в нашу память толерантностью, что каждодневно проявлялась на высшем уровне эпизодических бытовых контактов с дружелюбно хитроватыми молдаванами, сдержанно гордыми мадьярами и заносчивыми и импульсивными цыганами, относящимися к нам то как к старым добрым друзьям, а то и как к выдающимся полководцам. Их отношение к нам, курсантам, часто меняло полюса в зависимости от того, чего они от нас хотели добиться в том или ином конкретном случае. Парикмахерские запомнились пустынным безлюдьем и оголтелой реакцией хронически летаргических операторш машинного стрижения на появление косматых дядь и тётъ. Во всяком случае, на нас девушки-

парикмахерши бросались со своими расчёсками и ножницами с таким неуёмным энтузиазмом и заботой и стригли так старательно и долго, будто бы их главная задача состояла в выяснении численности волос, плотности их посадки на один квадратный сантиметр и динамики роста шерсти.

Овощные лавки запомнились толстыми бочками со сменившими свою ориентацию и потому непривычными для нас солёными арбузами. Уровень наших доходов запомнился его отсутствием. Офицерская столовая — умело отлаженной системой лечебно-профилактического голодания, ясельной порционностью блюд и агрессивностью жлобского персонала. Общежитие запомнилось докучливым голодом и высокими бесцветными потолками, а также толстыми казематными стенами и старинными изразцами на печке с вечным огнём газовой горелки.

Культура врезалась в память репертуаром саморучных спектаклей. В основе репертуара лежала игра в балду, созданная на базе домино путём модификации его правил талантом холостяков-лейтенантов. Поначалу в этом деле действительно натуральными классиками блистали проживающие с нами под одной крышей хвастливые лейтенанты-холостяки. Хвастливые лейтенанты тем чудным образом и запомнились, что вскоре в своём развитии безнадёжно остановились. Мы же последовательно трудились над повышением своих методических навыков в постижении

таинств комбинационного балдеизма. (Термин образован мною от слова «балда». Вероятно, его в русском языке пока не существует, поэтому запишите его или, лучше всего, забудьте). Вскоре продувающие нам сет за сетом лейтенанты по условиям правил и заявкам победителей уже самостоятельно по-обезьяньи взлетали на старомодный шкаф и художественно лаяли сверху, бляли оттуда, мычали или кукарекали ввиду своих бессчётных неудач. Затем в оптимизации доминошных правил мы пошли ещё дальше и, как бы это бахвалисто вам не показалось, обучили постоянно продувающих нам младших офицеров находить в зачерствелых кирпичах подушек кнопки и скрепки и премудростям управления бытовым электрооборудованием с помощью лейтенантских лбов и подтверждения этих рискованных операций голосом: «Товарищ выключатель, разрешите пожелать Вам спокойной ночи» либо «Добрый вечер, товарищ лампочка!»

Нас раздражали, пожалуй, лишь взводы, что по сорок новобранцев на каждого курсанта. У этих юношей была такая физкультурная выучка, что страшно не хотелось отсылать их в какие бы то ни было атаки или бои, что могло обернуться себе дороже. Конечно, безвреднее всего в случае войны было бы воевать против этих ребят. Но и тогда баталия выдалась бы неважной, а совершить подвиг было бы нестерпимо тяжело. Взводы запомнились также и многочасовы-

ми занятиями на морозе и яблоками на снегу, которые с известной песней никак не связаны. Яблоки проявлялись в заваленном снегом саду, где мы проводили тактические занятия по теме «Способы перемещения на поле боя». Занятия, как правило, заканчивались самым излюбленным способом перемещения на поле боя, а именно переползанием по этому замечательному боевому полю и синхронным сбором брошенного недобросовестными колхозниками урожая. Яблоки, правда, были не на снегу, как утверждал в своём шлягере эпатажный певец М. Муромов «...розовое на белом, что же нам с ними делать...», а под снегом. До появления этой песни оставалось ещё немало лет, но бойцы уже знали, что с ними делать. Они их съедали в перерывах между состязаниями в скорости перемещения по полю своим излюбленным способом, а своих прославленных полководцев-курсантов угощали бескорыстно и от души, на что наши несытые души всегда реагировали душевно. Нервировали несуразные требования начальства к темпам заполнения созданных его гением педагогических дневников с педагогическими наблюдениями о воинах. Начальство отпечаталось в памяти в абстрактных очертаниях массивной групповой скульптуры и тем, что до мелкоты нашего уровня не опускалось. Мелкота до уровня мегаизваяния начальства тоже не подымалась, чем она себе и запомнилась. Крепостная стена между

отцами-командирами и нами, курсантами, строилась по кирпичику, но уже через неделю после нашего прибытия на стажировку достигла небывалой высоты. Это тоже запомнилось.

Вероятно, вы давно уже сообразили, что для вкуса хотя бы одного малюсенького яблочка либо краткой пробежки по улочке имени поборницы прав всех женщин мира, кем считалась Кобылянская Ольга, нужно было ещё и добратся из Голицына, что not for from Moscow, до Черновицкого гарнизона. Отдельные детали того вояжа упускаю сознательно и даже не потому, что в плацкартном вагоне диапазон нашего общества был искусственно заужен, так как тела номенклатурных личностей и тогда перемещались в вагонах иного типа. И не потому, что тогда, как и сейчас, проводниками служили пролетевшие мимо институтов девушки и властолюбивые толстые тётки, которым были бы к лицу и плечам даже генеральские или прапорщицкие погоны. И даже не потому, что среди трудящихся из реального сектора экономики в плацкартном вагоне сидели четыре гренадёра с горящими от жажды подвигов глазами, буханкой хлеба, буфетными пирожками, 4 (четырьмя) банками кильки в томате, 4 (четырьмя) банками кальмаров в собственном соку и большой в суммарном эквиваленте ёмкостью сока. И не какого-то там, извините за выражение, морковного или томатного, а сока манго — элитного сока из нашей училищной чайной, как бы

это ни было жалостливо и прискорбно для наших зарплат в восемь рублей тридцать копеек у каждого.

В том случае к месту стажировки, где, по словам буфетчицы Софы, полно чёрнорунных овец, мы продвигались через открытую для пассажиров ровно за 106 лет до нашей поездки ж. д. станцию Нежин. Не исключаю, что моих боевых друзей мало заботили те факты, что город Нежин упоминался в «Повести временных лет», а также в указах королей, царей и гетманов Сигизмунда III, Владислава IV, Яна Казимира, Петра I, Екатерины II и Николая I, Богдана Хмельницкого и Ивана Скоропадского. Что в тамошних темницах сиживал легендарный повстанческий командир Устим Кармелюк. Что превратить этот город в руины считали своим долгом перед жёнами, роднёй и соплеменниками монголо-татары хана Менгу, польско-литовские войска Януша Родзивилла, отряды московского князя Ромодановского, гайдамаки и махновцы, войска польско-татарские, турецко-татарские и немецкие. Вряд ли мои друзья сияли и радовались от того, что в Нежин ещё до нашего визита успели заглянуть Ломоносов и Сковорода, Грибоедов и Фонвизин, Пушкин и Мицкевич, Глинка и Екатерина II, Гоголь, Шевченко, Репин, Горький, мореход Юрий Лисянский, баритон Марк Бернес, конструктор Сергей Королёв, актриса Мария Заньковецкая... Всех этих господ-товарищей Нежин хорошо встретил, а кого-то даже вырастил. Сговора относительно кон-

такта на вокзале со звёздами такой небывалой величины у нас не было. Просто финансовая часть дала нам такие билеты...

В отличие от меня прочих моих друзей-товарищей сближали с городом меркантильные интересы, а историческое мелкотемье их с Нежином никак не сближало. В отличие от моих друзей-товарищей корыстные вопросы меня никак не тревожили. По пути в Черновцы с этим городом меня роднило лишь волнительное счастье встречи с Нежинским Государственным пединститутом имени Н.В. Гоголя, в части касающейся студентки иняза — моей драгоценной невесты Надечки. Ей и только ей были посвящены мои сокровенные дорожные мысли и ожидания. Моих голодных боевых друзей, как потом проговорился один из наиболее психологически неустойчивых участников нашей экспедиции, как ни странно, именно этот факт тоже роднил с отмеченным в «Повести временных лет» Нежином. Моя невеста Надюша представлялась моим голодным друзьям-москалям чернобровой дивчиной в расшитых национальным орнаментом убранствах, с венком на голове, ленточками на плечах, однако бережно прижимающей к высокой груди глиняные крынки с тёплым парным молоком и сметаной. В другой руке моей невесты мои голодные друзья-москали оптимистично видели себе в мыслях увесистую плетёную корзину с рвущимися из неё в наш вагон брусками сала, кольцами копчёной

домашней колбасы и догоняющими их паляницами, галушками, варениками и цыбулей.

В те чарующие меня мгновенья на железнодорожной станции Нежин, построенной ровно за 106 лет до нашего похода за славой, одному лишь мне виделось, как стремительно рассыпалась густая мгла украинской ночи и загорались бриллиантовые россыпи сверкающих звёзд и сияющих солнц. Наша проводница всё ещё продолжала свою протокольную канитель с поручнями и ступеньками вагона, бессмысленно защищаясь воротником куцевого форменного пальтишки от безжалостных укусов шквального, занозистого, колючего ветра и злого снега. А меня уже озаряла и согревала светозарная и обжигающая, сказочно волшебная и обворожительная, опьяняющая и головокружительная, ангельски безупречная и нежная, загадочная, праздничная и такая же, как и я, счастливая Надя. Словно сотканная из солнечных зайчиков, моя прелестная моделька выпорхнула из кромешной бури с крошечным букетиком и купленной, быть может, за последние от стипендии гроши книжкой про войну. Трезвый расчёт моих товарищей на красочную снедь разлетелся, словно хрупкие брызги стеклотары, и застыл в форме удручённого недоумения. Моя завораживающая, божественная, ласковая и несмелая Надечка робко улыбнулась и обрадовалась скромному букету, доставленному ей из самой Москвы, и доверчи-

во уткнулась в грубый воротник курсантской шинели. Мы дышали друг другом ровно столько, насколько хватило выдержки у зимнего расписания движения поездов, бескомпромиссного и неподкупного механического служаки-машиниста и коченеющего в руках проводницы флажка.

Мои друзья тоже медитировали, погрузившись в состояние глубокой умственной сосредоточенности по существу честного распределения остающихся кальмаров и кильки на шестнадцать часов марша...

После Нежина, закатив глаза под лоб, наш никогда не убиваемый печалью и грустью жизни сержант Коля принялся конвертировать оставшуюся мелочь в пирожки с капустой и пряники с повидлом... Вот и всё.

Героизма, скажете, чего-то в этой истории мало заметно и ни одного подвига пограничников. Так на вкус и цвет, о мой возлюбленный читатель, товарища почти что никогда и нет, а в этом повествовании одна лишь тонкая деликатность...

У КАЛИНОВА МОСТА

К концу третьего курса учёбы в военном училище нас крепко загрузили теорией службы Родине и на месяц отправили в Азербайджан дублёрами заместителей начальников пограничных застав. До Баку добрались совершенно прекрасно, потому что из этой части пути ничего занимательного в памяти абсолютно не отчеканилось. Далее чеканилось всё, начиная с поезда Баку—Астара. В окнах состава стёкол катастрофически не доставало, зато выйти из вагона либо зайти в него можно было в любую секунду его движения, как на остановках, так и между ними. Строго говоря, эта ошеломительная демократичность несущихся конструкций не избавляла нас от липучей жары и назойливых бесчеловечных мух, которые, как вы понимаете, человеческими при любых условиях и быть-то не могли. Отмеченные косолапости бытия отчасти компенсировали яркие кавказские попутчики, оставшиеся в сознании навечно. Они, невзирая на раскалённую явь и малоаппетитные благоухания, без усталости кушали и прихлебывали некие тонизирующие жидкости, чем-то по виду и запаху напоминающие слегка забродившие компоты. Практически в каждом отсеке вагона на столах возлежали останки

жареных домашних животных, громоздились овощи, фрукты и сумки. Небрежно обглоданные конечности и хребты домашних животных время от времени с удивительной точностью, типичной лишь для профессиональных американских баскетболистов, целовались с придорожными столбами и семафорами или и того точнее — взлетали на багажные полки нашего вагона. В отдельных случаях они взмывали на эти же полки без снайперской меткости, однако, лишь после сумбурной толкотни на пяточке вокруг стола, по образу и подобию напоминающей эффективную тактику действий канадских хоккеистов у чужих ворот. В конце концов, если даже и после добивания с пяточка, то успешное взятие высот неизменно завершалось довольным гоготанием наших соседей. При этом они свободно размахивали острыми, как бритва в руках сумасшедшего, ножами и ничуть не боялись друг друга. Интересно, что бутылок джигиты никуда не кидали, потому что пили они свои компоты из разнообразных баклажек или жбанчиков. В общем, с непривычки для меня это был полный караул.

Запомнился ещё один удивительный очень древний и красивый кавказский обычай. Если какой лопоухий пассажир выходил в тамбур, будто бы покурить или насладиться пылким дыханием раскалённого полустанка, то его полку тут же занимал кто-то из числа граждан, не имеющих мест постоянной про-

писки или персональной полки в вагоне. Такие товарищи вливались в наш интернациональный коллектив на каждой новой остановке и с панической срочностью засыпали на чужих нарах, не обращая решительно никакого внимания на находящиеся там чужие вещи. «Захватчиков», что естественно, пытались будить. Они же, как правило, просыпались глухонемыми: странно водили ошалевшими глазами по сторонам, мотали котелками, что-то мычали и улыбались с чудовищной доброжелательностью потомственных горцев. Некоторые наши курсанты в поезде чуть было даже не бросили курить, сменив свои полки за ночь по два-три раза. В то время я ещё не знал запаха табака и потому свою полку от оккупации уберёг. А поскольку в настоящее время этот запах уже знаю, и даже не хуже самых опытных сапожников, то в поезде Баку—Астара теперь ехать было бы уже неохота. Тем не менее на станцию Массалы, а затем и в Пришибский погранотряд наша группа добралась без потерь, и это тоже запомнилось в качестве факта невероятного, поскольку поезд останавливался или трогался с места, как правило, довольно неожиданно. Для стажировки в отряде мне досталась застава имени Ивана Павловича Латыша на краю между Муганской степью и камышами реки Аракс. На протяжении месяца надлежало грызть чёрный и чёрствый хлеб будущей профессии.

В первый же день удалось прогуляться по линейке границы и убедиться, что ласковые лучи солнца бывают испепеляющими, буйволы чувствуют себя прекрасно, выстаивая целыми днями по шею в мутной воде, а блондинистые водяные гадюки толпами хороводятся вокруг ленивых парнокопытных и рогатых товарищей презирают. Там же выяснил у неформального и практически никем не управляемого предводителя заставских дембелей, которого мне подсунули в попутчики в целях его незамедлительного перевоспитания, что здесь за каждой кочкой или стебельком камыша «железобетонно» сидит либо змея, либо каракурт, либо скорпион. По мере укрепления наших взаимных симпатий авторитетный дембель заметно усилил свой тезис тем, что кое-где эти гады сидят даже вместе. И можно было понять его речи так, что эта тройка в своём кругу даже обсуждает, кого бы им укусить сегодня и кому из них достанется право первой крови. Тамошние солдаты, как потом выяснилось, умели изысканно и красиво путём демонстративного безразличия нагонять ужас и панику на любого офицера, прибывающего сюда в командировку. Это доставляло им истинное наслаждение и неподдельную радость.

— Товарищ курсант, — поинтересовался у меня в день приезда сержант, замещающий старшину, — вы в комнате для приезжих будете спать вместе со змеюкой или мне подготовить для вас кровать в казарме?

— Змеюка домашняя или дикая? — парировал я ему слегка презрительным тоном бывалого воина, типа: «Дядя, не надо ля-ля».

— Да нет, обычная. Гюрза, наверное. Толстая такая с треугольной челюстью и белыми зубами. С ней Синцов на той неделе встречался, когда там порядок наводил к вашему приезду. Она длиной с вас будет, сначала на подоконнике сидела и в окно на нас смотрела, когда мы строевой на плацу занимались. Потом куда-то смылась, потому что Колька её присмотрел себе на дембельский ремешок и начал выслеживать...

В комнате для приезжих, то есть в «ничейной» квартире дома офицерского состава, лампочек не существовало. По вечерам на заставе почти что везде висела беспросветная южная темень. Лампочки наличествовали лишь в дежурке, оружейке, канцелярии и на продовольственном складе. Засыпал я тяжело, в мученических потасовках с неутомимыми комарами. В целях повышения эффективности этой борьбы периодически включал и тут же выключал фонарь, поскольку его аккумулятор уже имел за своими плечами несколько инфарктов и инсультов. Я вспоминал всё, что видел и слышал днём, дёргаясь при каждом писке и шорохе, в чём слышалось одно лишь недоброе целеустремлённое и жадное шипение, а также скрежет белых зубов.

Проснулся рано. Не выспавшимся, злым, разбитым и измочаленным. Первым делом пришёл в ужас

оттого, что в полумраке зарождающегося дня обнаружил свисающую со спинки стула змею. Обомлел ненадолго, чуть-чуть и тут же расслабился... При детальном рассмотрении ею оказались концы брючного ремешка и ремень командирской сумки. Обрадовался, повеселел, успокоился. Дыхание выравнилось, тело наливалось силами. Пришло время собирать камни: проводить занятия, проверять наряды, сочинять отчёты о несовершённых подвигах и радоваться жизни. Воспламеняясь созидательными планами, продолжительно потянулся, огляделся вокруг и... снова оцепенел, но теперь уже по-взрослому. Огромная пятнистая змея, свернувшись кольцами, сидела (или лежала) на подоконнике, развернув приподнятую треугольную не челюсть, как говорил сержант со ссылкой на Синцова, а голову в мою сторону, молчаливо пошаливая языком и бесстрастно изучая меня холодными пуговицами немигающих глаз. Она не шипела на мою душу, видимо, лишь потому, что душа к тому времени уже находилась в пятках, рядом с которыми на табуретке стоял единственный твёрдый предмет — ФАС (фонарь аккумуляторный следовой). Интеллигентно зажмурившись, я пришёл к выводу, что сейчас не смогу ни пошевелиться, ни закричать, ни протянуть ватную руку к тяжёлому фонарю. (Сколько смертельного страха набрался за эти мгновенья, подробно не сообщаю ввиду незнания единиц его измерения). В принципе вместо предыдущей фразы мож-

но было бы предъявить вам и другую редакцию. Таковую, например: «Наши взгляды встретились, но рептилия не выдержала и поспешно отвела глаза в сторону». (Оставляю её для очередного романа).

Честно скажу вам, что в тот момент, когда мои глаза «отщурились» обратно, чтобы в последний раз увидеть поднимающееся над Кавказом солнце, то в растворяющихся предрассветных сумерках комнаты я заметил лишь ниспадающие с подоконника кольца змеи, а затем и соскальзывающий по батарее вниз кончик её хвоста... Вопрос о том, какой маршрут она изберёт дальше, некоторое время оставался открытым, но вскоре закрылся так, как мне бы того и хотелось.

Офицеров нашей заставы до невероятности возбудило, обрадовало и развеселило моё сообщение о состоявшейся встрече. А заявление о том, что ничего для меня особенного не произошло, поначалу вызвало их циничный смех, потом гомерический хохот, а в конце ещё и радостное негодование.

— Орден не получишь, потому что ты не первый, — сказал начальник, надеясь вызвать у меня досаду от провороненной славы. — После зимы ты третий, — утешил призовым местом. — Но, надеюсь, что не последний из числа заезжающих к нам бездельников в виде надзирателей и советчиков, — оптимистично добавил он. Потом сказал, что это, и правда, гюрза, хотя он лично её никогда не видел. В тот момент какой-либо завистливости в его взгляде на меня я тоже

не обнаружил, хотя мой рассказ начальника заставы чем-то раздражал и распалаял. Выйдя окончательно из берегов, он сообщил, что при случае задушил бы ту змею голыми руками. Затем подчеркнул её достоинства: «Хитрая собака. Как не перетаскивали кровать — всё равно садится рядом, чтобы ни один дурак не потянулся за пистолетом или кочергой».

Конечно, наш начальник заставы здесь, как вы понимаете, выразился менее прилично, употребляя безобразные слова, а варианты своих действий при воображаемой встрече с рептилией изобразил довольно легкомысленно. Этот лейтенант среди других заметно выделялся не только замечательным лексиконом, но и поразительным торможением в действиях. Поэтому решительность в предполагаемых им движениях немало ошеломила даже его заместителей, хотя они из последних сил и не расхохотались.

В общем, о том, чтобы следующую ночь спать в комнате для приезжих, я уже не заморачивался и без проволочек перетаскил свои пожитки в казарму, мотивируя тем, что без лампочек не могу готовиться к занятиям. Солдаты, конечно, всё сообразили правильно и в эту жалкую версию не поверили, о чём и сообщили мне в последний день моей службы на этой заставе, когда я там был уже своим в доску. Одновременно за пару блокнотов, авторучек, открыток и десятков юбилейных значков на подвесках бойцы растолковали мне методику примерно девятнадцати от-

носителем честных способов наглого обмана офицеров заставы, что мне потом заметно помогло в дальнейшей, но уже в офицерской службе. Кстати сказать, опасных змей в тот месяц я встречал на границе почти каждый день, однако в точности сравнить их со своей бывшей соседкой не взялся бы. За те секунды, что мы изучали друг друга, она показалась длиннее, толще и, в общем-то, намного страшнее, чуть ли не сестрой самого Змея Горыныча.

Здесь, пожалуйста, если вы мне верите, прошу вас: уберите с лица свою скептическую улыбку. Художник, как вы понимаете, имеет право на раскраску и поэтическую интерпретацию изображаемых событий. В славянских сказках нередко встречается зловещий Калинов мост над горячей рекой Смородиной, с берегом, усыпанным ломаными мечами, луками, стрелами и костями. Калинов — значит раскалённый докрасна, огненный или медяной, то есть красный или жаркий. Мост над горячей рекой, над границей Добра и Зла, и стережёт его Змей. Пройти можно, лишь победив его, охранника Тридесятого царства. В сказках присутствует и баба Яга, сторожиха подступов к главному входу в царство. У речки упоминается её избушка на курьих ножках или без них. Изба всегда «пустёхенька», где гостей не ждут, не встречают и не угощают, а отдых и сон в этом помещении для утомившихся ратников обычно заканчивается трагично, о чём свидетельствует захламлён-

ный костями двор. Как видно, в ЧОПе у старушки сложилась своя методика охранной деятельности.

На Кавказе я увидел чрезвычайно опасную реку Аракс, пустынную приездку, напряжённую боевую границу между социализмом и капитализмом и Змея. Правда, Яги не встречал. Возможно, в это время она как раз и бегала за угощениями для своего начальника, поскольку подчинена ему по службе. И это очень даже хорошо. Семейная жизнь у бабки явно не сложилась, а у меня в те июльские дни 1975 года до свадьбы оставалось меньше месяца. По записям «отца истории» Геродота, понтонные мосты через Аракс из своих судов строил царь Персии Кир, дабы покорить царство Массагетов, располагавшееся на территории современного Азербайджана. Не покорил. Погиб от рук женщины, царицы массагетов Томирис в 529 году до нашей эры... В Казахстане эти события приписывают к своим героям и берегам Сырдарьи. Берега у Калинова моста, что в ущелье Джилы-Су Кабардино-Балкарии я исследовал дважды в 2012 и 2014 годах, вспоминая эту историю.

У каждого народа есть своё место для подвига...

ПРЕЗЕНТ ОТ КОРОЛЯ И КАДРОВ

Учился я ровно, но училище закончил с золотой медалью. Плюс лишь один — место службы по выбору. Выбрал Украину.

— Ладно, — сказали в кадрах, — езжай в Западный округ, но там у них ещё и Белоруссия с Молдавией числятся. Разберёшься на месте. Приехал в Киев и повторил свою идею слово в слово. — Ха! — сказали в Киеве. — У нас все на Чёрное море рвутся, в Одессу, например, да и Ялта тоже неплохое место, а тебе просто Украина нужна, — покрутили у своего виска пальцем кадры. — Ладно, дуй во Львов. Там и правда, скорее медаль получишь или уволишься досрочно.

Во Львове на первых порах промолчали даже в ответ на моё «здрaсте». Дисциплина у них! А я пока ещё ни о Львове, ни об отделе кадров, ни о дисциплине в этом городе ничего не знал, но и они обо мне наверняка ещё ничего и не слышали. Так что наши потоки сознания лишь только подползали друг к другу. Потом кадры изрекли, что у них тут во Львове, кроме дисциплины, такая каторжная служба, что в глазах темно даже при фонарях, а вот в сельской местности хорошо: витамины, природа, девушки с косами стоят и тишина... Отправили к девушкам в

Краковец, в село. Думал, не повезло. Нет, это не «не повезло». Так было задумано на самом верху! А где верх, так разведать и не удалось. В 1976 году и до того самого дня я, конечно, не думал, что в Яворовском районе этой области существует Краковец. Понятия не имел, что ещё в 1423 году король Ягайло подарил этот Краковец семейству коронного маршала Фредро. Не помышлял, что в конце XVI столетия он перешёл волынскому воеводе князю Александру Острожскому, затем князьям Лотарингским, потом графам Потоцким, князьям Любомирским, а в конце ещё и графам Лубенским.

Теперь узнал — есть такая земля, есть! С синагогой начала XIX века и костёлом святого Иакова Апостола, построенным на средства графа Игнацы Цетнера — кавалера Ордена Белого Орла, воеводы белзского, маршалка великого коронного Королевства Галиции и Лодомерии Речи Посполитой, тайного имперского советника Австрии, что имел когда-то в середине XVIII века в Краковце ещё и замок. Узнал об этом лишь потому, что здесь оказалась теперь уже моя пограничная застава, которая, правда, к воеводам и князьям никогда не прислонялась и жила сама по себе. Замок, как оказалось, здесь уже тоже поломали без нашего и, тем более, моего участия. Ну, думаю, интересная проявляется картинка, если эти короли, князья и графы бесконечно дарили этот Краковец друг другу, значит, ни-

кому из них он оказался совсем не к столу. Ничего, думаю, мне теперь будет.

Застава понравилась сразу, отличная застава и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Природа виднеется вокруг чудесная, маршалы и графы, оказалось, глупцами не были, люди тоже в Краковце будто бы не злые, доброжелательные, хотя почти каждая семья здесь с «опытом» тесного общения и с красными, и с белыми, а особенно с зелёными... Братьями, но не прибалтийскими, а доморощенными. Отголоски тех событий иногда всплывали. Нечасто, да и то лишь в бытовых скандалах и, как правило, под пьяную лавочку. И основа для передрыг имелась. Здесь в каждой семье была своя правда, своё горе. Здесь каждый «дружил» против кого-то, здесь огонь ненависти окончательно не угас, а лишь подёрнулся пеплом, хотя формально социализм здесь, конечно, расцвел пышным цветом, как и в Ярославле или, скажем, в Пензе и в Свердловске.

Вскоре я, безусловно, узнал, что Краковец – родина Шухевича и место проживания его родителей. Роман Шухевич, он же Монах (Чернець), Туча, Степан, Колокол (Дзвін), Шука, Тарас Чупрынка, Роман Лозовский, он же выпускник разведывательно-диверсионной школы «Абвер-101», агент немецкой разведки «Тур». Он же замполит Украинского (карательного) легиона «Нахтигаль» («Соловей»). 18 июня 1941 Шухевич принял присягу на верность фюреру, а ру-

ководящий пост в ОУН, а также пост главнокомандующего УПА численностью более пятидесяти тысяч человек сохранил до 5 марта 1950 года, погубив десятки тысяч советских людей, включая своих земляков. А в тот весенний день 1950 года Шухевич и был уничтожен сотрудниками МГБ, возглавляемыми легендарным Павлом Судоплатовым.

О войне в посёлке Краковец в годы моей службы напоминала лишь братская могила погибшим в боях красноармейцам. Памятник похороненному здесь командиру танковой роты 45-й гвардейской танковой бригады Герою Советского Союза гвардии старшему лейтенанту Корюкину Геннадию Петровичу, который первым форсировал Днестр, Прут, Сан, но до победы так и не дожил – погиб в бою. Кто его знает, не от Шухевича ли пуля нашла сердце танкиста? Хотя вряд ли. Объединённые банды Шухевича воевали больше из-за угла, заходили со спины. В честных боях они не геройствовали.

И в кошмарном сне я, конечно, не мог тогда себе представить дальнейшего развития событий. О том, что пройдёт время и президент Ющенко за «выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины» присвоит главному командиру Украинской повстанческой армии генерал-хорунжему Шухевичу звание Героя Украины. Что в его честь будут переименованы улицы во Львове, где сначала Бехтерева станет

улицей Шухевича, а затем и Пушкина будет переименована в улицу Генерала Чупрынки. Что на здании польской школы, которая там находится, будет установлен барельеф Шухевичу. Или что в Одессе переулок Грибоедова станет переулком Романа Шухевича. Что улица Шухевича появится и в самом Краковце. Здесь я воздержусь, с трудом, но воздержусь от эмоционально окрашенных выражений и отдельных слов. Думаю, что так будет лучше для разно настроенных читателей.

Есть ли памятник танкисту в Краковце сейчас? Не знаю. Сегодня Краковец в сводках встречается. То акцию в пользу своих омайданенных граждан проведут. То покрывками перекроют трассу на международный пункт пропуска через границу, а то и ещё чего-нибудь придумают и воплотят из меню ураганных идей своих радикально настроенных активистов. Сообщают в газетах о взяточничестве таможенников, о разоблачении подпольных АЗС в Краковце тоже в Интернете толкуют. Словом, всё здесь, как и везде, ничего особенного не происходит.

Наверное, кто-то из тех сельчан-краковецчан, кого я знал, уже ушёл в мир иной. В моей памяти все они живы, и дай Бог всем посельчанам только хорошего здоровья. В памяти остались все те, что при встрече со мной снимали картуз или шапку, а я им в ответ прикосновением правой руки к козырьку фуражки обозначал воинское приветствие и личное ува-

жение. Те, кто с доброй улыбкой приветствовали мою супругу-учительницу не иначе, как: «Здравствуйте, пани, цилую ручки».

Что они думали тогда, представить трудно. Что думают сейчас их дети — легко. Воспроизвести свои мысли на этот счёт более подробно и в рамках нормативных оборотов речи всё равно не получится, а приложить к строке иную лексику не позволяет воспитание и уважение к людям моего поколения...

«ГЛАЗА ПОИЛИ ДУШУ КРАСОТОЙ»

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат поэту. Арабскому поэту Ибн аль Фариду, который ещё в XIII веке снискал себе титул царя влюблённых. Влюблённые, конечно, знают, насколько эти слова праведны. Вот и мы с моей Надей на волне благородной поэзии влюблялись вначале очень осторожно, а затем стремительно и красиво. Украина. Свежие и нежные цветы. Почему-то не розы, а гладиолусы. Не знаю, почему. Наверное, такая была мода в нашем райцентре. Прогулки под луной, трепетные заполуночные свидания у крыльца. «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в неё. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь!» Это уже Гоголь, Николай Васильевич сказал, ослепительно и горячо. Так сказал, что в каждую запятую веришь. Кто не помнит — «Вечера на хуторе близ Диканьки». А знаете ли вы украинскую свадьбу? — это уже я вас спрашиваю. — О, вы не знаете украинской свадьбы? У нас с Надей была как раз

такая. Посмотрите «Свадьбу в Малиновке»: столы во всю даль и ширь улицы, песни и танцы — это всё про нас. Только до революции и смены власти на свадьбе у нас дело не дошло. Ну, да ещё одно отличие. Если кое-где у нас на свадьбе порой, то происходило это, в отличие от фильма, без применения холодного и огнестрельного оружия.

А потом у нас с Надей случилась однажды примечательная встреча на пограничной заставе Краковец. Памятная встреча. Это уже через год после свадьбы. Почему так, вроде бы как уже и поженились по всем правилам? Рассказываю. Целый год, мучительные 365 дней из нашей юной семьи были безжалостно вырваны необходимостью завершения учёбы в пединституте и военном училище в разных городах разных республик страны. И вот она здесь, на заставе, моя почти ещё не целованная, моя желанная девочка с чемоданчиком, подушками и дипломом. Тёртый корифей брачно-семейных уз, пут и вытекающих из них сердечных реакций начальник заставы — лейтенант Иван проявил неслыханную заботу и безграничной властью своей с помпезным великодушием объявил нам Сутки Семейного Счастья, что и обозвал в Книге пограничной службы выходным днём. Райские секунды, минуты и часы с Надюшей неумолимо мчались, неслись, убегали и таяли, таяли, таяли, но продолжались... В памяти осталось всё без исключения. Всё в тех же зефирных и карамельных вкусностях, как

это и происходит в счастливой жизни. Счастье от нашей встречи, радость знакомства с квартирой, восторг от прогулки по заставе, восхищение от похода на настоящую границу. Граница, вот она!

— Здесь — мы, уже семья, наша семья, там — Польша. Это васильки и ромашки: тебе васильки, тебе ромашки. Это ежевика! Ну-ка пробуем! А это маслята и лисички — потом, когда-нибудь собираем. А это пистолет Макарова, берём его в правую ручку вот так, а теперь левой ручонкой...

День блаженства и райского наслажденья перешагнул в такой же радостный и сладкий вечер непривычного и непознанного триумфа домашних хлопот с церемонией первого в нашей семейной жизни независимого от мам и бабушек ужина. И снова на целом свете только мы — моя юная дамочка и я с полевыми цветами при ней. В 23 (время московское) блаженство оборвалось:

— Застава, в ружьё!

Какая досада! Испуганные прекрасные глаза жены, прелестные шелковистые локоны, манящие губы. В ответ лишь скомканный неловкий поцелуй, одежду в охапку и на границу! Прорыв в районе речки Шкло, что под мостом с КСП убегает в Польшу и где-то далеко присоединяет свои воды к реке Сан. Личный состав развёрнут по боевому расчёту: тревожная группа понеслась на автомашине к месту прорыва, район блокирован, я в одном из заслонов и, ка-

жется, даже и без оружия. Моя любовь осталась там, а здесь лишь досада и в мокрых кустах наша засада. Нарушителя границы на заставу привели уже под утро. Полдня сочиняли протоколы да «пытали» его о хитрых замыслах и коварных планах, о которых тот ещё и сам с похмелья подозревал не сильно внятно, а потому бесконечно просил пить.

Ближе к вечеру начальник заставы вспомнил о своём небывалом милосердии и тяжело задумался:

— Ну, ладно, комиссар. У нас выходные измеряются сутками, день без ночи с молодой женой у нас выходным не считается. Меня моя Света тоже не поймёт и даже обозвать может. Гуляй дальше. До самого утра гуляй, к семи на заставу.

В милых заботах вокруг любимой время снова побежало, полетело, понеслось и так оно стремительно таяло, что на циферблат будильника мы с Надей взглянули лишь в час ночи, когда наше счастье и общую пограничную тишину прожёт агрессивный зуммер. Обезнадёживающая новость: «Застава, в ружьё!» Эфирное ощущение всеобъемлющего рая с воем уносил вихрь границы. «Души встречаются на губах влюблённых», — это уже Перси Шелли, английский поэт, XIX век, да и у меня теперь уже проверенный вчерашней неуклюжестью практический опыт. Поэтому очень длинный, страстный и нежный поцелуй, а затем всё как обычно: одежду в охапку, пистолет на всякий случай и на границу.

На сей раз от судьбы досталась тревожная группа. К месту, где под сигнализационной системой нарядом был обнаружен подкоп, пробивались путём, что короче, но через болото. Собака держала след километра три, пока не потеряла его на шоссе. Здесь она почесала затылок и развела лапы по сторонам. Дескать, всё что могу. Поиск продолжался, но наобум Лазаря.

В тот раз нам медаль не светила. Нарушителя границы задержали с первыми петухами, но в другом месте. На рассвете из близлежащего села уходил рейсовый автобус во Львов и злоумышленник, заметив, что пограничников поблизости нет, решил им воспользоваться. Он, конечно, не предполагал, что этот маршрут вначале тянется по хуторам в пределах блокируемого заставой района, заходит в соседние сёла, и что прежде чем устремиться в областной центр повторно пролегает через Краковец. Здесь-то он и напоролся на нашего ефрейтора Николая Шахлана: мокрый дождевик, глина на сапогах, два-три коротких вопроса, ответы невпопад со странным акцентом, бегающий взгляд и всё. Всё, как обычно и должданное: «Застава, конец работы, всем на базу».

Тот гражданин предлагал нам деньги, много денег. Но разве мог бы даже он найти столько, чтобы компенсировать мои потери: утрату шести счастливых часов с молодой женой?

Чтобы не сильно расстраивать свою юную радость-хозяйку последствиями болотного марш-броска на одежде, домой пролетел через баню, где кое-как привёл себя в порядок.

— Что же, враги так и будут на нас каждую ночь наступать? — мягко спросила Надя.

— Теперь не будут, график нарушений возьму на себя, — отшутился, как смог. Следующий выходной мне выпал месяца через полтора, но нарушители и правда, до конца 1976 года к нам уже не совались.

Такая вот наша любовь на старте. «Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая в мир грёз, — на земле только она одна может дать счастье!» Это уже Чехов, Антон Павлович.

Кто она, настоящая женщина? Какой она должна быть? На эти вопросы у меня всегда есть своя формула. Настоящая женщина всегда и нежная, и податливая, и строгая, и сильная. В этом и состоит секрет моей Нади...

АРГУМЕНТАЦИЯ БЕСПЕРСПЕКТИВНОСТИ

На самом деле «на нейтральной полосе цветы необычайной красоты» не растут. Стоит себе пограничный столб и сияет нержавеющей гербом в сторону, например, Польши — сверкает колосьями бровей, контуром земного шара, лентами союзных республик. А напротив замер красно-белый польский столб. У него на фасаде белая орлица короля Пяста крепко зацепилась взглядом и востроглазо изучает соседа, ищет на земном шаре Польшу, сравнивает республики со своими воеводствами. Может, пригрезится кому-то, что между столбами и есть нейтральная полоса? Ан нет! Граница — это линия, здесь каждый квадратный сантиметр земли чей-то. Нейтральная полоса у В.С. Высоцкого — это поясок между инженерными заграждениями, которые строили, дабы границу не нарушали граждане по незнанию или по глупости да меньше лазили лоси и дикие кабаны. Хотя для них и забор не преграда. Шпионы обычно лазили с пассатижами, чтобы, не дай бог, костюмчик колючкой не повредить, а затем в интеллигентном виде раствориться в толпе законопослушных граждан. Поясок местности между линиями инженерно-технических сооружений — действительно изумрудно-мозаичный сказочный ковёр из разнотравья, цветов, грибов и ягод. А самые нежные цветы на границе —

женщины: жёны и дочери пограничников, которые в силу своих «привилегий» всегда могут побродить и по вышеупомянутому коврику — когда с лукошком, а когда и с пистолетом.

И вот моя любовь озарила собой первое место нашей совместной службы — прикарпатскую заставу. Наступил тот день, когда Надя извлекла из чемоданчика новенький диплом учительницы и засобиралась на работу. Но куда? В дипломе — английский, а в школе Гёте с Шиллером «сидят»? Мудрый директор Краковецкой школы Мыкола Олексийович подумал и нашёл-таки место для подвижницы языка Шекспира. Сверкнула яркая карьера с реальными часами английского языка для детишек окрестных сёл и группой продлённого дня на прицепе. Учительница Надежда Фёдоровна, затаив дыхание на стартовой меже необъятной педагогической нивы, взялась за подготовку к первому в жизни уроку. Она в прекрасной форме, выглядит — ну просто бутончик! Одета так, что можно только ахнуть от удивления! В селе её пока ещё не любят, но уже узнают и приветствуют с улыбкой доброжелательности. Здесь учитель или врач — это уже элита, президиум общества, и она счастлива.

— Требуется, чтобы Ваша жена, — безапелляционно уведомило меня начальство по телефону, — взяла два выходных дня для участия в слёте женщин границы!

Тут же мне и показалось, что наступает не очень лучезарная действительность. И точно! Далее начальством

в лице того же майора тоном, не допускающим возражения, сообщалось, где и когда женщины должны «слетаться» и о том, что Надежда Фёдоровна обязана там выступить так, чтобы чётко прозвучало: «Мы, молодые женщины границы, сделаем всё, для того чтобы...» Требовалось качественно подготовить ораторшу, а лучше всего слова для неё написать самому и потребовать от неё выучить этот доклад наизусть. Очаровывало указание «индивидуально поработать с женой лично». Подчёркивалась колоссальная важность затеи, а также анонсировались такие сопутствующие мероприятия как: а) демонстрация мод; б) встреча с сексопатологом; в) «с какими-то писателями»; г) концерт и особенно жирно пункт д), поскольку этим и предусматривалось наиболее серьёзное событие — выездная праздничная торговля дефицитными товарами.

Сексопатолог меня порадовал просто чудовищно: ведь мы и без него парили в небесах первых и самых волнующих часов и дней семейного счастья. А то, что нам выпала весьма высокая и сомнительная честь участия в слёте, по правде говоря, пока ещё не вдохновило. Мой натиск на Надю «отпроситься» с уроков, которые ещё не начались, преследовал цель лишь демонстрации высокой социальной активности нашей семьи в новом коллективе. Это как бы неизбежная целесообразность. Используя своё природное обаяние, я уговорил её. Надя поняла и согласилась. Директор школы вошёл в положение и переставил часы куда надо, а я принялся «работать с женой лично».

Но тут из центра теоретической сексопатологии поступило скорбное известие, что во изменение ранее полученных указаний слёт будет не там-то, а вот там. Что начнётся он не тогда-то, а именно 1 сентября — в день первого звонка. Затем ещё раз подчеркнули эпохальность мероприятия и строго спросили: «Кто у вас работает над текстом речи выступающей?!» Короче, не военная организация, а страна чудес в полный рост, причём и в окопе, и в наступлении одновременно.

Наша семейная резолюция долетела лишь до начальника ближней ступеньки — коменданта участка: директору школы больше голову не морочить, на эпохальный слёт не ехать, а первый день работы молодого педагога провести под аккомпанемент первого звонка на торжественной линейке. Комендатурское начальство, конечно, скорбело. Скорбело с мягкими оттенками взыскательной требовательности, но не сильно грубо, местами даже душевно, а по факту организационных потерь сокрушалось чуть больше, но вполне снисходительно.

В один из дней рассказчик этой тривиальной истории вдруг обнаружил, что его половинка Надюша пребывает не в самом улыбочивом настроении. Мало того. Он зорко выявил даже отдельные капельки ещё не высохших слезинок на её личике и свидетельствует вам об этом абсолютно объективно, невзирая на кажущуюся банальной логику субъективной проницательности по отношению именно к своей супруге.

Ситуация объяснилась тем, что «женщина границы», покамест ещё не взошедшая на трибуну слёта, удостоилась чести телефонного общения со штабом демонстрации необыкновенной моды, фокусов сексопатологов и «каких-то писателей»:

– Здравствуйте, я майор Грызун!

– Здравствуйте...

– Кто со мной говорит?

– Надя.

– Вы кто, Дзюба Надежда... э...?

– Да, Надежда...

– Здравствуйте, товарищ Надежда... э... Я майор Грызун! Вы знаете майора Грызуна?

– Нет, не знаю.

– Так Вы даже ещё и не знаете, кто такой майор Грызун?! Но Вы уже скоро узнаете, кто такой майор Грызун! Я для этого и позвонил, чтобы Вы вовремя узнали это. Я заместитель начальника политического отдела пограничного отряда Грызун Владимир Борисович! Я Вам рекомендую, и поверьте, это искренне: Вы обязаны поехать на слёт женщин! Вы должны там толково выступить – у Вас же высшее образование! Вы должны призвать женщин границы помогать кому надо в службе. Всех женщин! Ну и надо будет, конечно, заверить там командование, естественно. Вам скажут, кого лично... И не шутите с нами! Вы обязаны уже сегодня думать о карьере своего мужа. Уже сейчас знать, что его карьера не только в наших, но и в Ваших руках!

— Но, ведь начало учебного года, первое сентября и... я только устроилась в школу. Я неделю как приехала на границу. И как мне через неделю уже призывать кого-то и заверять?

— Это не имеет значения, — таскал собеседник из кармана козыри — один другого козырней. — Если надо, мы позвоним в обком, директору скажут, что делать. Школа — это мелочь! Не надо мне про школу рассказывать, я тоже в школе не один год просидел, без Вас всё знаю. Да и вообще, запомните, проблемы педагогики решаются по мере их поступления. Если Вам дорог муж и важен его служебный рост, не вздумайте мне отказываться. Вопрос решён, и я желаю Вам удачи!

После столь эмоционального пересказа моей супругой этого диалога я уже твёрдо понимал, что мои самые неблагоприятные прогнозы в отношении педагогического такта высшего руководства части полностью оправдались. Оставалось лишь утешить Надю и прокомментировать сложившуюся ситуацию вверх. Для неё я нашёл добрые извинительные и ласковые слова. По второму вопросу образовалось другое, но уже малосимпатичное желание. По второму вопросу я сжато сформулировал разочарование сложившейся практикой работы с семьями молодых офицеров коменданту пограничного участка и сообщил ему именно то, что думал. Комендант внимательно выслушал сказанное и принялся взамен старательно убеждать меня, что до Львова, если даже проверить это курвиметром (прибором для измерения расстояний по карте), то будет

не менее семидесяти километров и что у нас связь хоть и военная, но абсолютная дрянь, а не связь. Что даже не понятно, как мы с такой связью до сих пор ещё что-то охраняем и на работу ходим. И потому подругой дней моих суровых, вероятно, что-то было услышано не совсем так, чтобы до последней запятой, значка ударения над гласной буквой или, допустим, междометия после многоточия. А майор Грызун из политотдела на самом деле, отметил комендант, очень добрый майор, да и не стоит мудрые слова даже самых добрых и вполне умных товарищей воспринимать так буквально. Словом, наговорил он мне с три короба, и всё это, очевидно, в психотерапевтических целях. А в общем, показалось мне из его слов, что благоверная мне досталась даже чуточку глуховатенькая, а я, хоть и в одном классе с ней и учился, этого пока ещё не просёк...

На самом деле я просёк всё, и теперь уже полюбому никакому сексопатологу не суждено было видеть моё счастье на слёте и учить мою половинку своим фотографическим или журнальным фокусам про это... Для себя сделал вывод такой: больше никогда не разговаривать с людьми на их же языке, ибо они это воспринимают как хамство, а в устной речи кавычек нет. Потом никому не докажешь, что мои слова — всего лишь цитата из чужих речей.

Через неделю в соответствии с неизвестным нам планом на заставу приехала группа проверяющих товарищей во главе со специалистом по аргументации бесперспективности моей дальнейшей службы — майо-

ром из политотдела. Погожим осенним днём учительница Надя шла в школу как раз мимо крылечка пограничной заставы, ибо других путей к местному храму знаний у нас не существовало. Дорога в школу занимала не более двадцати минут, но над крыльцом, впрочем, как и над всей прилегающей территорией, в это время безраздельно господствовал майор Грызун, возглавляющий комиссию из центра.

– Здравствуйте, а я майор Грызун, – остановил он педагога.

– Здравствуйте, я Надя, – с патриотической улыбкой ответила педагог.

– Вы же знаете, кто такой майор Грызун?

– Да, слышала Вас по телефону, Вы начальник, из отряда...

– Да, это совершенно точно, начальник... Заместитель, правда, но начальник... Вы куда следуете, товарищ Надя?

– На работу, в школу.

– Очень хорошо, Надя, Надежда Фёдоровна, минуточку ждите, – и тут же в открытую форточку: – Дежурный, Сидорова на выезд. Немедленно!

Вскоре перед ними встревоженно и громко взвизгнули тормоза многоопытного «ГАЗ-69». Прекословия юной учительницы не принимались ни в какую. Наде было скомандовано ехать с Сидоровым, а Сидорову приказано и потом, повторно прибыть к школе ко времени окончания уроков.

Грызун контролировал процесс передвижения моей жены несколько суток и этим продемонстрировал практически отеческую заботу о первых шагах начинающего специалиста. Ежедневно, пока искали и вызывали водителя Сидорова, на крылечке он повествовал Наде о своей жизни, об учёбе в академии, а однажды даже полюбопытствовал: «Вас муж не бьёт?» Выяснив, что такого пока ещё не случилось, он, наверное, даже расстроился. Сидоров прочно обосновался в центре села у школьных ворот и энергично наращивал свой авторитет среди старшеклассниц. Краковец полнился слухами: «Замполитова жена точно дочка чья-то, и эта чья-то ого-го! Пешком ходить непривыкши. На заставе долго не задержится...»

Время проносилось вихрем, мы подрастали в должностях и званиях.

— Ты знаешь, Георгий, — сообщил мне подполковник Грызун перед убытием в другую часть к своим новым вершинам. — За время здешней службы во Львове на меня жаловалась только одна женщина.

— Этого не может быть, Владимир Борисович! Это невероятно! Я даже не представляю себе, чтобы на Вас кто-то мог бы жаловаться? Вы же самый человеческий человек!.. Ваша мудрость известна даже в подшефном детсаду!

— Представь себе, пожаловалась. Да. И это была твоя жена...

Тогда-то я и узнал, что великое начальство, прознав о моих горьких разочарованиях в практике ра-

боты с семьями молодых офицеров, выразилось в адрес Владимира Борисовича Грызуну очень неделикатно и весьма непочтительно, да ещё и шершавым языком простого народа. В общем, взбучку тогда получил Грызун от своего шефа. Ну, что ж: так ему и надо.

В.Б. Грызун завершил службу генералом. И нет уже того пограничного столба с колосистыми бровями. Его сменил жовто-блакитный столб с трезубцем. На трезубец, наверное, теперь уже с опаской косится белая орлица короля Пяста, с трудом представляя себе, чем такое соседство для неё может закончиться.

Рядом со мной и сегодня — моя учительница, а может быть, больше я рядом с ней. Первого сентября в нашу семью всегда приходит праздник, и в каждый раз вместе с детьми и внуками мы рассказываем нашей мамуле и бабуле о том, как крепко её любим. С ней мы успели насобирать немало цветов необычайной красоты у сухопутных границ с Польшей, Ираном, Афганистаном или морских — с Японией, США и Кореей. И всюду самыми нежными в букетах неизменно были женщины границы, независимо от того, взбирались ли они на трибуны слётов или без всяких трибун спокойно и уверенно делали «...всё, для того чтобы...» Они заботились о мужьях, метко стреляли из всех видов стрелкового оружия, мёрзли в кузовах грузовых автомашин, самолётов и боевых вертолётёв, растили детей, варили из «топоров» кашу и хранили семейный очаг..

ЦЕНА КРЕПКОГО СЛОВА

В мире служивых людей специалистов экспрессивной фразеологии и виртуозного мата не перечесть. Думается, что поручик Ржевский или комдив Чапаев со своими боевыми друзьями анекдотчикам на язык попались не случайно. Существует даже такая формула, что в армии матом не ругаются, а разговаривают. «Замысловатый, отборный мат — одно из важнейших средств, помогающих адаптироваться в сверхсложных условиях», — считал известный филолог Ю.М. Лотман. А мы вспомним для примера поэму «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, где Чичиков пресекает бред хамоватого Ноздрёва: «Всему есть границы. Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы...» Кое-что и хочу вам в этой связи поведать из былого.

Согласитесь, что каждый из нас на своём веку не раз слышал удивительные фамилии. Фамилии напыщенные, печальные, комичные, досадные, как у Бендера-Задунайского, Сироткина, Нетудыхатки и Трусова или полезные: Морковкины и Колбаскины, например. Старший прапорщик Александр Алексеевич носил фамилию простой капусты. Почему так, неизвестно. Известно лишь, что это воинское звание придумал царь Алексей Михайлович, когда повелел

прапорщиками называть знамёнщиков, а назначать их из числа самых отважных воинов. Это звание то упраздняли, то возрождали. Помню, как нам в 1972 году разжёвывали: «Прапорщик – первый помощник офицера. Введение этого звания – новое проявление заботы КПСС». К этому мы привыкали долго: «Товарищ старшина, разрешите обратиться!» – по-старому зывали к первому помощнику офицера. Тот думал: «Стоит ли?». Затем стучал перстом себе по погону, объяснял итоги проявления заботы о себе и наконец разрешал сделать это.

А.А. Капуста погонами тоже гордился. Из особенностей, связанных с сортом, цветом и периодом его созревания знаю лишь то, что он отличался зрелостью. В его возрасте люди уже не служили. Удивительно, но он служил и был полным единомышленником Достоевского, а Фёдор Михайлович, как известно, считал что «сила не нуждается в ругательствах». Вряд ли Капуста слышал об этих словах или о Достоевском, или о том, что тот Фёдор Михайлович, но считался он умелым и требовательным воином.

Вы, конечно, встречали фото, где пограничники с автоматиками да упитанной овчарочкой весело чешут вдоль контрольно-следовой полосы. Рядом с КСП всегда прямой, как стрела, проволочный забор. А поскольку проволока на заборе висела неизменно колючая, то и критики, что за бугром, невзлюбили эти заборы и вечно клеймили их позором, находя в

них символ «железного занавеса» на пути к победе мировой демократии (теперь они ваяют такой же забор со стороны Киева, но уже его хвалят). В отличие от врагов Капуста в заборах души не чаял. Любую не-санкционированную им пылинку на заборе стерпеть ему было никак невозможно. За упущения на колючке рубил сразу: «У вас занавес империализму плохо содержится». По-другому и быть не могло: забор был частью сигнализационной СИСТЕМЫ, а лучшего прапорщика А.А. Капусты СИСТЕМУ не знал никто. Он был системным человеком, и милел он к ней беспредельной лаской.

Вероятно, это и способствовало развитию отдельных особенностей Капусты. Его командировки на заставы приносили начальникам одни лишь неприятности. В собственное отражение Капуста был тоже сильно влюблён, а лясы точить не предрасположен. Всегда заявлял прямо и безапелляционно что, дескать, окружающие его воины по отношению к технике в некотором роде неумёхи, бездельники и даже (он не боялся и этого слова) дубы. Первое было чистой правдой, а всё остальное им провозглашалось абсолютно справедливо, но подольститься к нему никто не мог. Синдром влюблённости в себя и в забор выталкивал из Капусты мириады капризов и даже издержек деликатности. Начальникам застав Капуста дерзко «тыкал» и поносил их безо всяких любезных оборотов, хотя матом и не гнул. «Ты, капитан, рабо-

тай пока, да смотри, а то наработаешь ты у меня, — мог заявить Капуста прямо по ходу маловыразительного обеда по случаю его личного прибытия на заставу, — мухой все недогляды твои актирую, и выговорешник схлопочешь, как пить дать. У соседа система красивше, а у тебя хужее хужего».

А ефрейтор наш Петренко как раз вернулся из отпуска. Он и раньше употреблял лишь правильные слова, и порой даже казалось, что и к электропаяльнику, и к розыскному псу ефрейтор не смог бы обратиться иначе, чем на «вы». Служил он старшим мастером по электроприборам. То есть заведовал он СИСТЕМОЙ. И если уж совсем на «пятёрку» рассказать о системе, то следует вам понять, что периодически на ней, как и на границе в целом, встречаются «стыки». На заборе системы какой-то очень неприметный столб принадлежит, например, заставе под кодовым названием «Лена», а уже следующий — заставе «Памир». Там и находится стык, куда доходят дозоры соседних застав, где передают почту или банки с кинофильмами. (В то время наука о фильмах даже на видеокассетах была ещё не курсе дела). Ефрейтор Виктор Иванович Петренко систему знал прилично, а вот фамилии своего нового начальника Александра Алексеевича пока ещё и не слышал. С отпускного корабля ефрейтор загремел сразу на бал или дежурным по заставе. И его служба уже катилось к экватору, когда начался дождь и запищал телефон.

Что будет дальше и будет ли вообще, вам станет известно прямо сейчас, после того, как Петренко возьмёт трубку:

— «Лена», это «Памир», через двадцать минут на стыку будет капуста, — слышался голос дежурного соседней заставы.

— Обычный случай, — решил ефрейтор, — бывает, то перловка закончится, то рыба, тогда и выручают соседи друг друга, чтобы меню не нарушать. Значит, с капустой напряжёнка, хотя какая-то странная напряжёнка, колхозная капуста вот за окном — целое поле...

— «Лена» слышит, прохождение пять баллов, Петренко принял, капуста на стыку будет в 12.20, — подтвердил ефрейтор и записал в журнал. — Машина сейчас на выезде, дождь крепчает. Кормов у зайцев и так завались, не съедят они эту капусту за час, — подумал ефрейтор и занялся текущими делами.

Следует отметить, что всё, случившееся далее, абсолютно не характерно для наших героев, хотя в «сверхсложных условиях» события и развивались именно так, как это предрекал Ю.М. Лотман. Кроме того, автор подчёркивает, что в его повествовании могло бы быть множество однозначно непечатных фраз. Вместе с тем автор с глубоким удовлетворением замечает, что вовремя подоспевший закон РФ о запрете мата в СМИ, литературе и кино в значительной мере позволяет ему избавиться от неиз-

бежных трудностей и значка возрастной классификации на обложке 18+ и даже более.

А тем временем лампочка на панели дежурного известила: кто-то подключился к стыковой розетке связи.

– Странно, – подумал Виктор, подняв трубку, – пограничный наряд там будет не скоро. Кто может звонить?!

– «Лена», дежурный...

– Это Капуста. Где машина? Если там тобой никто не командует, то я тобой так закомандую, что мать родную забудешь... Фамилию свою забудешь, обо мне будешь думать и на губе с метлой, и в стройбате с лопатой. Во сколько машина вышла?! – далее неизвестный абонент вспомнил кого-то из Нижнего Тагила и окрестностей Чугуева, высказал мнение о перспективе неуставных отношений в своём исполнении применительно к различным частям тела дежурного, повторил базовый вопрос о машине и замолчал в ожидании аргументированных оправданий.

Начался грандиозный кипеш. С целью недопущения излишнего травматизма читателей, среди которых могут оказаться даже дети, здесь и далее прямая речь цитируется фрагментарно. Кроме того, не лишним будет вам знать, что ефрейтор Виктор Иванович после отпуска перешёл в иную категорию военнослужащих и многие слова из его прежнего лексикона в соответствии с табелем о рангах ушли в архив. А накопленные первым годом службы знания теперь уже

позволяли ефрейтору выразиться так, чтобы его язык не стеснялся любого собеседника, включая сержантов и старшин. То есть на этот раз Капусте никто раболепно в ноги не падал.

— Это «Лена». С тобой говорит супердед погранвойск, — сообщил Петренко. — Предупреждаю тебя и всех тупокочанных с «Памира»: ещё раз загавкаешь и будешь капусту ко лбу прикладывать.

Далее он напомнил неизвестному грубияну что-то о методике боевого применения вёдерной клизмы, добавил чуток уместных в таких случаях эпитетов и сравнений и завершил ударом зуммера по ушам. Зуммер — это очень громкий вызов на фланг в тот момент, когда на другом конце провода кто-то держит у своего уха трубку, это несимпатичная проделка и травмоопасная штука.

Время шло. Погода не баловала. Дождь и ветер усиливались. Температура на термометре показывала заметно ниже той отметки, которую утром по радио пророчили синоптики. Пытался, было, ефрейтор отвлечься приятным гулом дождя за окном или чайком побаловаться, но повела себя капуста с дерзостью чеснока и хрена в самой грубой форме. Рисовала она ефрейтору картины, где самые мягкие намерения связывала с тем, чтобы «сгноить щенка на губе» или оторвать ему некоторые жизненно важные органы. Требовала она даже позвать «к трубе недоделанного начальника заставы». Слова «осёл» и «валенки» обоснованно возму-

тили и обидели ефрейтора. А вот «щенок» и «салага» даже самыми незлобивыми «дедами» погранвойск в то время уже никому не прощались...

С Петренко мы встретились спустя годы на Киевской областной комсомольской конференции. После её традиционного финала с фанфарами, пионерами и забавными речёвками октябрят вспоминали пограничные будни. Случай с Капустой обсуждался, конечно, в ефрейторской проекции. Так мне стали известны детали его диалога со старшим прапорщиком о намерении засунуть «Памир»... в звёздное небо, отполировать его рога на дембель или сравнения этого незримого оппонента с асоциальными гражданами обеих полов. Он весело рассказывал, как по телефону на него набросились львовские начальники. Те с любопытством выясняли детали диалога, хохотали и забавлялись над содержанием доклада ефрейтора. Как они просили повторить его высказывания и намерения Капусты, вставляли свои советы по части тыковки или старого хрена и лишь в последнюю очередь выясняли, ушла ли всё-таки за Капустой автомашина или нет.

Забавно проходило разбирательство в штабе, где формулировка «о недоделанном начальнике» в объяснительной записке ефрейтора по совету командиров сначала приобрела вид «неопытного офицера», затем «молодого руководителя коллектива», а потом и «товарища старшего лейтенанта». Virtuозные словосочетания, поэтические сравнения, красочные эпитеты

ты и предполагаемые меры изошрённого насилия или ампутации отдельных органов в письменных свидетельствах участников событий обретали воспитательное содержание. «Он напомнил мне, что самое позорное для солдата наказание — это пребывание на гауптвахте» или: «Старший прапорщик, выяснив моё воинское звание, сказал, что я веду себя словно солдат первого года службы...» Александр Алексеевич Капуста излагал свои мемуары на том же уровне: «Я потребовал от дежурного по заставе строго выполнять свои уставные обязанности...» — писал он, а высказывания ефрейтора представлял приличным уставным языком.

Словом, и у первого помощника офицера, и у старшего солдата с лексикографией, фразеологией и этимологией оказалось всё в порядке. И как тут снова не вспомнить Н.В. Гоголя и продолжение того эпизода с «казармами»? Тогда Павлом Ивановичем Чичиковым помещик Ноздрёв был мысленно «...так отделан со всех боков и сторон, как разве только какой-нибудь плут староста или ямщик бывает отделан каким-нибудь ежжалым, опытным капитаном, а иногда и генералом, который сверх многих выражений, сделавшихся классическими, прибавляет ещё много неизвестных, которых изобретение принадлежит ему собственно. Вся родословная Ноздрёва была разобрана, и многие из членов его фамилии в восходящей линии сильно потерпели».

Правда, объяснительные записки во времена Гоголя, наверное, писали не так часто...

К ЮБИЛЕЮ ГОТОВЬСЬ!

Состязательность бушевала, страну штормило, к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции готовились нешуточно. Шахты и мартепы доносили о досрочных свершениях. Руководители, остающиеся без надежд на рекорды и поцелуй славы, обещали стать чемпионами в следующий раз, телевизоры шумели, газеты шуршали, пограничники не отставали. Начальство строго требовало досрочных побед и подзуживало, а вглядываясь в стенгазеты и боевые листки, ещё и бранилось хлёткой критикой: «Что у вас за наглядная агитация к юбилею? Она же никого не бьёт и не зовёт!» Застава с прошлого года считалась «отличной». Требовалось нацелить пацанов на дубль и отколошматить все тройки и четвёрки козырными пятаками.

— К какому празднику готовимся? — справляюсь у будущего отличника, кто бы мне на глаза ни попался.

— К 60-летию ВОСР, — мигом отвечает солдат и смотрит так, будто бы тянет командиру руку помощи по причине его служебного несоответствия.

«ВОСР» солдаты писали в конспектах по «политике» для краткости, ясности изложения и экономии канцелярских товаров.

— Какого-такого ВОСР? — затаив обиду снова нападаю.

— Ну, того, что в Великом Октябре и в соцреволюции. Личный вклад должен быть большой у каждого из нас... — солдат бойко рассказывал о своих социалистических обязательствах, ленинском зачёте, о КПСС, а напоследок вворачивал ещё и об империализме, что нам мешает во всём подряд вместе со своим НАТО. Ну, и о бдительности, конечно, о дисциплине. Без них и шагу не ступить...

Служба на отличных заставах для каждого молодого офицера — трамплин. В штабе мне так и вещали: «Повезло тебе, парень, влетаешь в опытные руки». Влетел. Этими «руками» оказался начальник заставы: на пару месяцев меня старше и тоже лейтенант. Ещё год назад в училище бегали мы с ним по одним и тем же коридорам и буфетам. В день моего прибытия начальник распахнул настежь душу и решил познакомиться заново: «Зовите меня просто Иваном Леопольдовичем... Нам не до чинов и званий». Недостатков у него было лишь два. Слова «тряпка» и «порядок» он произносил как «трапка» и «порадок». Остальные его качества лишь тонко оттеняли и углубляли его бесспорные достоинства...

И было бы для замполита всё в этой жизни прекрасно, да вот только готовился Иван Леопольдович к долгосрочной зарубежной командировке и посчитал он, что прочный фундамент для его работы

им создан, поэтому и обязанности свои свободно делегировал вниз: «Набирайся опыта, комиссар. Скоро уеду, ты меня потом ещё и благодарить за такое безграничное доверие будешь». А пока суд да дело, каждую ночь ответственным дежурным на заставе должен бдеть только офицер. Офицеров двое, значит, и у нас ночь через ночь получается.

Начальник любил анализировать политическую карту мира, читать географические энциклопедии и рассуждать, в какую же из стран забросит его судьба для охраны посольства? Таким вот он был любознательным географом и рассудительным философом, да ещё и неистовым шахматистом. По такой причине лучшие спортсмены заставы, а их среди солдат было ровно трое, в ночные дежурства начальника неизменно занимали все командные посты: дежурного, дежурного связиста и повара. В такие ночи шахматные баталии у них продолжались до утренней зари. Времени для этого у начальника было навалом, а у бойцов ещё и лишнее оставалось.

И вот он уехал, и теперь уже каждая ночь оказалась в ведении замполита, а требования сверху нарастали: «60-летию Великой Октябрьской социалистической революции – достойную встречу!», хоть тресни. Застава отличной должна оставаться навсегда, навечно, то есть: «Ни шагу назад!»

Но вот ведь какие дела. Оказалось, что в период шахматных турниров одни любовались деревянными королевами, а другие под водительством неверо-

ятно авторитетного водителя Артамонова бегали в соседний Краковец. Там хозяйничал люд гостеприимный и добросердечный. Солдатиков люд знал поимённо, обожал их и уважал, всегда старался угостить тем, что бог послал. Богу эти места тоже приглянулись, а вот гарным королевам местные деревенские парубки уже опостытели. Чего-то им явно хотелось. Где-то, может быть, у них и зачесалось что-то от однообразия пользования старым, а новое?.. Так вот же оно, по улицам слоняется ночь через ночь и ничейное...

Вскоре известия об основных итогах шахматных турниров наши сельские «шпионы» хитро и незаметно доставили мне на заставу. Добавилось ещё, что девица из ближнего к нам края села принялась свою изящную талию приводить в формы округлые и женственные. Для местного народа этот факт имел первостатейное значение. Крайне важным для народа оказалось быть в полном курсе дела, с кем именно, когда и на каких условиях состоялся тот или иной акт у этой девушки? Что она думала в эти минуты, что ощущала? Как это действие совершалось, при каких обстоятельствах и погоде, кратность событий. Больше всего сельчан изводило отсутствие информации по вопросу: было ли достигнуто достигнутое по согласию сторон или же в результате необузданной акции со стороны одной из сторон, и какой?..

Даже одна прогулка солдата за забором заставы — это уже самовольная отлучка. И даже единичное гру-

бое нарушение воинской дисциплины не позволяет заставе претендовать на звание «отличной». А тут десятки «ходок». Ладно бы в сельсовет кто-то с флагом ходил или в библиотеку за книжкой, а то ведь подозрение пало на чувал с комбикормами и кукурузой россыпью под навесом в районе дислокации хлева...

В состоянии переполнения созерцаниями, озарениями и гипотезами пришлось сдаваться. Осознав позор происшедшего и будучи твёрдо уверенным в том, что лично ни на кукурузу россыпью, ни на грубые комбикорма с этой девушкой я до сего дня ещё не лазил, нанизал личные амбиции на острие несгибаемой принципиальности и доложил о печальном состоянии плачевных итогов достойной встречи, сами знаете чего, наверх. Однако моя ясная, но почему-то не понятая начальниками логика натолкнулась на их неясную для меня мотивацию. Они очень участливо выслушивали мои слова о печальном состоянии предварительных, но плачевных итогов достойной встречи, сами чего знаете, в области дисциплины. Затем они посыпали наводящими вопросами. А поскольку вопросы были действительно-таки наводящими, то и наводка оказалась применительно к прогнозируемым ответам точной: «Какие факты подтверждают вашу гипотезу о том, что это «наша» работа? Какие у нас имеются доказательства тому, что она (или девушка) забеременела именно от солдат? При каких обстоятельствах и кого поймали лично вы? Когда вы лично видели то, что могло

бы привести к этому? А не задумывались ли вы о том, что такое огульное обвинение нашей молодёжи может нанести вред всему вашему коллективу? А к юбилею-то нацеливали ли вы, как следует, людей на достойный результат? А не сгущаете ли вы краски над ситуацией по причине своей неопытности в работе с личным составом? Хотя у вас, возможно, всё ещё только начинается?..»

Были и другие контакты с начальством, звонки и перезвонки, и все они сводились к тому, что во всех этих гнусных слухах, собиравшихся на сковородке воспалённого воображения, подозрительности и неуверенности лейтенанта, правда, может быть, где-то местами и есть, а вот аргументов нет. Со свечкой не стоял? Значит, карта бита! Советов по ликвидации моих пробелов в области повышения эффективности воспитательной работы сыпалось немало. Точно не помню, предлагали ли они выслать мне рецепты, которыми пользовались индейцы майя в воспитании своих воинов или испанские конкистадоры в работе с коренным населением Америки или нет, но рекомендации не иссякали.

Потом на заставе появилась комиссия. Старший группы с зевком во весь рот нехотя сделал себе копию моего списка: кто с кем, когда и кто об этом знает. Поначалу даже показалось, что ему на содержание списка и доклад было начхать, а во мне он обнаружил всего лишь один из источников зла, не позволяющего достойно встречать юбилей любимого Октября. По-

том майор вдруг обрадовался, что мною никому ещё не объявлено взысканий за самовольные отлучки и тому подобные вольности.

— Это мудро, — подчеркнул опытный офицер, — хороший командир с этим делом никогда не спешит! Наказать человека всегда можно. Был бы человек хороший, остальное приложится!

В течение двух дней все наиболее авторитетные «жертвы» моих досужих домыслов планомерно убыли на другие пограничные заставы «в связи со служебной необходимостью». На смену им приехали другие ребята с такими же специальностями: водитель «Газ-66», связист, стрелок, старший стрелок... По всем показателям мы блестяще подтвердили звание отличной пограничной заставы. Лишь гимнастического коня пересдавали дважды. Он о юбилее знал мало и готовился к проверке если не спустя рукава, то опустив копыта. К 60-летию Великого Октября в нашей части должно было быть шестьдесят отличных пограничных застав, подразделений, боевых расчётов и экипажей. Ровно столько их и было. Главное, что мы не подвели!

Володя Артамонов после дембеля уже с другой пограничной заставы вернулся в посёлок, женился на гуцулочке с ребёнком. Жил неподалёку от нашей цитадели, да ещё и нарушителей границы помогал нам ловить. Тогда я и подумал, а стоит ли сгущать краски по всяким пустякам? Во всём надо разбираться последовательно и фундаментально. И это мудро...

С ЛЁГКОСТЬЮ В МЫСЛЯХ

О природе необыкновенной лёгкости в мыслях мне, конечно, кое-что было известно и ранее. Да и вы, в чём я уверен, эту тему просекаете точно и, может быть, даже насквозь. Вспомним хотя бы «Ревизор» Гоголя, школьную программу, где наш прославленный соотечественник Иван Александрович Хлестаков в разговоре с женой мэра уездного городка Анной Андреевной Сквозник-Дмухановской и её дочуркой Машенькой иллюстрировал свои чувства: «Лёгкость в мыслях необыкновенная». Вспомнили? Вот и у меня такая же воздушность однажды в голове запульсировала. Правда, Хлестаков у Гоголя числился в роли ревизора, то есть инспектора, а ко мне эта невесомость явились, напротив, после инспектирования нашей пограничной заставы руководящими товарищами. То есть ощущения пришли и сильно запомнились сразу после окончания проверки, хотя в ней Иван Александрович Хлестаков и не участвовал.

Воцарилась тогда, как сейчас помню, приятная лёгкость во всех моих членах, радостное возбуждение от наличия отсутствия на заставе «чужеземцев» из штаба и эйфория от возможности заняться наконец-то своими экстренными делами. Душу усладда-

ло всё: солнышко над головой, картинки и слова на чужих заборах, паутина на фуражке, муха на окне и, естественно, что прилюдный вердикт комиссии «Так держать!» после того, как она чуть ли не с фонариком исследовала всю нашу боеготовность и дисциплину, известную всем как мать порядка.

Мы, конечно, обязались так дальше держать и старательно держали дальше. За успехи в службе шефы подарили заставе новый телевизор, тыловики прислали амуницию для лошадей почти что новую, эпидиаскопом в заводской упаковке и таким ящиком красок и кистей, будто бы у нас не застава, а прифронтная художественная студия Сурикова и Грекова вместе взятых, отметился политотдел. Сам командир скупно похвалил нас по телефону, а потом ещё и добавил: «С рыбхозом вашим переговорите, я к ним на рыбалку завтра приеду. Скажите, чтоб клевало там у них, ну и всё остальное было. На заставу не приду, потому что у вас и без меня всё хорошо, а я в отпуске. Так что служите по плану, сами знаете как».

Не жизнь, а красота! Как говорил великий граф Толстой: «За что мне такое счастье?» Вот и я этого не знал... А как вы думаете, долго такое состояние могло продолжаться? Вот и я тогда подумал, что нет. До первой новости обычно такое продолжается. А новости, будь они неладны, всегда поперёк жизни. Пуговицу потерял — новость. Теперь надо искать и при-

шивать новую, дождь пошёл — новость, вспоминая, где плащ: в канцелярии или дома. Честно скажу вам, что после того звонка командира внутренний голос как-то предательски подзуживал и прищёпывал: «Добра не будет, не к добру, добра не будет, не к добру...» Голос, правда, недолго так бормотал, потому что визуально и действительно ничего беды не предвещало или голос что-то знал, но не мог сосредоточиться на главном. Или боялся сказать мне об этом. Или стеснялся. Не знаю, но следующий день, как и предполагалось, ничего хорошего не принёс.

Сигнализационная система сработала в привычное время и высветила на табло пятый участок левого фланга. Здесь и к бабке ходить не надо. Здесь не надо даже задаваться таким древнеримским вопросом, как, допустим, кому это выгодно? Ясно и так: на системе замыкание Глиницких ворот. Это сельские хлопцы по асфальту на велосипедах примчались, подложили нам свинью и смылись, чтобы потом из кустов похихикать. Вот и вся история. Такое уже не раз было, но выезжать всё равно нужно. Хотя сейчас нам всё это точно не выгодно. Выходной день, кино по телевизору хорошее. В фильме чекисты как раз дурят, как детей, Абвер и водят по Берлину за нос всё их хвалёное гестапо. Там уже и на Штирлица замах наметился, и тот чего-то выжидает, думает, спит даже за рулём, а потом просыпается и плетёт им ответные интриги. Ну, да ладно...

В тревожной группе ни одного человека из дублёров, вся элита заставы: старший сержант, сержант, ефрейтор и рядовой — водитель «Газ-69». Все круглые отличники боевой и политической подготовки. Собака, разумеется, тоже с ними. Она ещё на гражданке нахватала себе медалей больше, чем наш командир части завоевал. По причине элитности состава я из приказа для выезда на границу искр не высекал, командовал им коротко, да бойцы и сами, как проголодавшиеся волки в овечью кошару, односекундно влетели в машину, а шофёр на углу с нашей бессмертной лужей у парадных ворот даже стопами не пошевелил...

Езды для тревожной группы до сработавшего участка десять минут, но и через двадцать доклада о причине замыкания не поступило. Такое бывает, но охота было узнать, в чём же дело? Заставил дежурного выяснять, а тот плечами пожимает, будто бы даже не понимает, о чём речь. Ничего внятного сказать не хочет, плетёт невнятное, хотя по глазам вижу, знает подлец, что командир части, оказывается, скрывается на границе именно на том участке! А сказать боится, потому что информацию получил по неофициальному каналу от водилы-земели, что не уполномочил его кому-либо выше говорить и докладывать об этом. А выше — только я. То есть старший тревожной группы занят, потому что «балагурит» с командиром части, а младшие оглядывают-

ся, значит, на него, чтобы разрешение получить и мне доложить о командире части. А без разрешения у нас на заставе никогда и ничего не делается. Даже двор не подметается. Такая вот дисциплина!

Но у рыбаков такой дисциплины ещё не завелось. Они быстро позиционировались в отношении к происходящему. Они мне и засвидетельствовали по телефону: у колхозной рыбы после прикорма тихий час начался, и командир рванул к нам на озерцо, чтобы потягать карасей, а оно у нас за системой именно на левом фланге. Мы своих карасей не кормили, так что у нас они жили всегда без тихого часа. А то, что командир сам и «сработал» систему, чтобы приехали с заставы и открыли ему ворота к озеру, я уже и так почти самостоятельно догадался по совершенно точным, хотя и непроверенным признакам.

И расскажу вам напоследок о финале без прикрас и драматических диалогов, рассчитанных на любителей динамичного сюжета и впечатлительных слезливых дамочек. Тем более что тогдашнее томительное ожидание доклада от тревожной группы закончилось вызовом командира на линейку, взбуктованием и произнесением всяких обидных слов в адрес отличной заставы и меня лично, несмотря на наше отчаянно авангардное положение и подарки со всех сторон света.

Сначала по всем нашим заставам автономно гуляла недобрая слава, которую добрые языки припи-

сывали нашей элитной тревожной группе. Потом состоялся партактив, где с докладом выступил наш командир. Он-то и рассказал выдуманную им про нас возмутительную сплётку. Прежде сказал, что на некоторых заставах тревожные группы не обучены для серьёзной работы и назвал их, нас даже не вспоминая, что сильно обрадовало. Затем отметил, что такой тревожной группы, как у нас, нет ни у кого, что не только меня, но и весь партийный актив озадачило и немало удивило. А завершил он свою речь рассказом о том, как на его глазах наша элитная тревожная группа не доехала до места сработки системы триста метров по причине технической поломки автомашины. И вместо того, чтобы продолжать выдвижение к Глиницким воротам ускоренным шагом или бегом, как того требовалось инструкциями, занялась другими делами. Инструктор службы собак и системщик якобы залезли на ничейное фруктовое дерево и стали трясти груши, а старший сержант с собакой собирали их и складывали в фуражки. При этом водитель засунул голову под капот, чтобы не видеть такого стыда и держал её там. Насчёт собаки наш командир однозначно загнул, он это у нас иногда любит. Не могла наша собака груши в фуражку собирать, да и не было у неё фуражки. Но всем коммунистам на партактиве эти слова очень понравились, хотя повода для ощущений необыкновенной лёгкости в мыслях мне этот пример уже чего-то не добавлял.

Но, а если по-честному, то наш пёс мог что хочешь «отмочить» и обмочить. Были такие случаи. Стырят по незнанию у кого-то из наших прикомандированные к заставе воины пачку сигарет или душистое мыло — пёс их находил за две минуты и совершенно бесплатно. Мог показать голосом, как старшина ругается. Мои политзанятия тоже правдиво цитировал и копировал звуками, но уже другими: протяжно так, с большим выражением и сочувствующим взглядом на своих друзей и сослуживцев, отличников политзанятий и отстающих в учёбе товарищей, включая даже ленивого котяру Дембелька.

Научили же его, черти. Хорошо хоть командиру нашему не додумались это продемонстрировать, а то у него доклад ещё длиннее бы оказался...

О МЕСТЕ ДИСПУТА В ПОДВИГЕ МОЛОДЁЖИ

В нынешнее время кусать грудь политических кормилиц советского общества смел каждый. Прижму лишь губами самую маленькую и нежную ячейку Ленинского комсомола, первичную комсомольскую организацию. Там члены ВЛКСМ без дела никогда не сидели. Те граждане, кто не попали в её ряды, нередко твердят, что в комсомол «не ходили по политическим мотивам». Полная ерунда, конечно. Не пускали туда плохих мальчиков и нехороших девочек, потому что ВЛКСМ был хоть и не без греха, но правильной и полезной организацией...

Помнится пора, когда в местности нашей от Калининграда до Камчатки повеяло из Москвы свежим вихрем перемен и над отполированными трибунами все начальники вдруг жутко заактивничали. Да и что им оставалось делать?.. «Мы не сможем продвинуться ни на шаг, — затребовал тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС, — если не научимся работать по-новому...» Ход и исход этой работы не был понятен сильно заранее. Поэтому «агу!» — возопила и промедуметила партия в смысле установки старшенькому сынишке — комсомолу. «Ага!?» — порывисто хватанул быка за рога ликующий первенец. Приня-

лись немедленно сгребать до кучи и сортировать старые формы работы и открывать себе новые, вовлекая туда молодёжь. Потребовалось партии воспитать через комсомол таких воинов, чтобы во время боя могли ещё и подискутировать о жизни, затем поспать, поесть, а потом ещё и победу обеспечить. Приказано было искать и внедрять формы активные, поскольку предыдущие показались до тошноты пассивными. И хотя время не проведёшь, решили проводить его по-новому. Заварилась каша и опредметилась: засверкали поэтические чтения и брейк-ринги, мозговые штурмы, атаки, налёты и деловые игры. К ним подкрались незаметно ринги, но уже музыкальные, а потом даже комсомольский трибунал вломился: с судьями, прокурором, а также храбрыми до поры до времени или заведомо трусливыми меланхолическими защитниками подсудимых, то есть «неправильных» членов ВЛКСМ. Хотя ясно было сразу, раз Петю на трибунал втащили, точно за что-нибудь изобьют, да и защитников его заодно подстригут так, что больно будет.

В общем, из старья, в виде форм работы с молодёжью, лишь викторина с диспутом и выжили, да и те дышали прерывисто и редко.

Так вот, диспут. Выходит специально обученный и одухотворённый Калиф на час, а то и меньше и, дерзко уткнувшись в тетрадкин лист, спрашивает тре-

бовательно: «Товарищи комсомольцы! Есть ли в нашей жизни место для подвига?!»

Тут озадаченные защитники и полужащитники границ родины немедленно бледнеют или краснеют от такого сюрприза нападающего на них комсомольского секретаря и чешут затылки... Какой там подвиг, из дозора да в секрет, из кухни да за дровами, проснулся — и вновь продолжается бой. То кобыле сенца подкинуть, то за метлу — и на уборку территории. Подвиг?.. Нашёл, что спросить. Отпуск будет, там подвиг и совершу с Катькой или с Наташкой... обе обещали.

Тогда корчагинец и молодой гвардеец пятилетки ещё больше смелеет, заводится и без всякого конспекта торжественно зачитывает газету. Выясняется, что где-то далеко-далеко, находясь на архиважном посту, рядовой Тюткин нежданно-негаданно среди ночи, однако своевременно, обнаружил пожар. Он срочно позвал караул, а до прибытия этого вооружённого коллектива самоотверженно бился с красным петухом, обжёл себе руки и даже казённый тулуп, но с огнём справился, победил и по такому случаю получил медаль!

— Так есть ли место для подвига в нашей жизни? — ещё более взыскательно вопрошает комсомольский харизматик с плохо скрываемой завистью к отважному герою Тюткину.

— Да-а-а, — буркнул кто-то из самого угла. — У нас тоже огнетушители ни к чёрту, а на конюшню их во-

обще после зарядки не вернули. Как забрали в марте ещё, так до сих пор и нет... Да и курят у нас где попало, как тот часовой, что свой пост с тулупом чуть не сжёг...

Божака молодёжи сдаваться не учили. Он немедленно встряхивает над головой журналом «Советский воин». Задыхаясь от нового приступа энергии, он с выражением объявляет, как кто-то и где-то с риском для жизни вытащил из горного потока детишек и в результате получил уже не такую, другую, но красивую медаль. И рисует секретарь чудный и многоцветный образ подвига. Да так искусно и умело, будто бы сам лично в эти незабываемые и овечьные мужеством минуты и мгновения сидел он на скалистом берегу под хрустальными брызгами гремящей на перекатах стихии и, рискуя собственным здоровьем, хронометрировал события и заносил в блокнот эти душеразгрызающие детали чужого героизма во имя детей.

— Ну, так что?.. — снова цепляется за аудиторию креатура замполита. — Я о месте в нашей жизни для подвига говорю вам?.. Где оно у нас?..

— Так у нас же Васька-пензяк тоже плавать не умеет, хоть и фамилия Речкин, — мечтательно отозвался чей-то ломкий басок уже из другого угла.

— Када топить его будем? — с одобрительно-вопросительным просторечием выступил как бы сам перед собой другой басок...

Ваське такая идея не понравилась, а юмор насчёт медали для сослуживцев показался юмором плоским и даже не смешным. Он обречённо опустил голову и съёжился, с опаской озираясь на подпольных ораторов. У остальных «салаг» героическая роль Васьки в истории страны вызвала уважение с радостным вздохом облегчения. Один из анонимов тут же подметил, что «наш Васька для де-ла тяжеловат будет». Голос другого анонима это мнение тут же дезавуировал и даже назвал фамилии людей, для которых тащить пензяка из пучины — пустячное дело. Васька героические новости с собой в главной роли отрицал категорически, но молча. Ясное дело, ещё молодой, чтобы рот открывать.

Обстановка неудержимо усложнялась. Оказалось, что один из членов комитета ВЛКСМ энской погранзаставы, кандидат в члены партии, отличник боевой и политической подготовки, естественно, и ефрейтор в день открытия XXIV съезда КПСС бдительно заприметил хорошо натренированного, подлого и циничного врага. А чтобы задержать этого негодяя, он снял свои любимые валенки, босиком побежал по снегу и, конечно же, лихо уложил шпиона на обе лопатки. За это он получил медаль ещё более почётную и красивую, чем у Тютюкина и пловца вместе взятых.

Стало понятно, что сегодня погранзастава без подвига не останется...

— Ну, это в принципе можно сделать. Только не я, пусть эта медаль Серёге Болтенке или Витьке Ремезу достанется, — началось выдвижение номинантов. — Они достойны, хоть и молодые ещё.

— Так-так-так, — обрадованно забурлившей дискуссии переходил на повышенную передачу начинающий политик, щедро добавляя к этому звательные формы наиболее популярных у солдат существительных.

— От дисциплины до геройства один шаг! Если не Ты, то Кто? — заводил себя засиявший в лучах наползающего на заставу подвига лидер, попутно взывая к совести безответственных бузотёров с галёрки.

— Так пока съезд будет, я уже и на дембель уйду, 39 дней осталось, — с ехидным сожалением констатировал голос посланца орденосной Херсонщины, — а Серёге с Витькой, как медным котелкам...

Серёга с Витькой, воткнув очи под столы, лихо-радочно считали дни то до своего дембеля, то до XXV съезда КПСС. Что-то сопоставляли, вздыхали, переглядывались, затем повеселели оба — до съезда оставалось более трёх лет... Солдаты столько не служат!

В общем, всё у нас как у людей. Первые участники диспута кивали на вторых, вторые — на первых. Третьи сидели молча и ни на кого не кивали. Однако сама идея о том, что кто-то должен непременно совершить подвиг, народу понравилась, и аудитория забродила. Из мести к начальству начали придумы-

вать самые невероятные проекты подвигов, но все они сводились к тому, чтобы либо что-то аккуратно поджечь и вовремя потушить, либо всё-таки заниматься Васькой дальше.

Но вдруг сверкнула новая, хотя и плоская, как блин, но сильно объединяющая идея совершения подвига. Кто-то предложил за медаль спасти от хулигана девушку в том случае, конечно, если ею будет медсестра сельского травмопункта Оксана. Другие живо вмешались, аргументированно утверждая, что пионервожатая Марыся очень даже ничего себе, когда в короткой юбке, а может быть, даже и симпатнее Оксаны, если делает губки обиженным бантиком. И что вместе с Марыськой можно было бы хоть когда пойти на медаль и против двух хулиганов или даже против трёх, но если с автоматом, конечно... А можно было бы и просто так, без всяких подвигов куда-нибудь пойти с любой из них, дали бы только время.

Затем ребята дружно заёрзали, забеспокоились, начали демонстративно тыкать в циферблаты своих «Полётов», утюжить взглядами волейбольную площадку и выкладывать неодобрительные реплики в адрес президиума. Философский вопрос о том, «чем отличается подвиг от отчаянного поступка», затонул в галдёжи.

Секретарь скомканно произнёс итоги в том направлении, что если Родина прикажет, то подвиг ей нужен от каждого из них. Колька Зуб сначала по при-

вычке заискрил и вспыхнул, хотя и сидел без казённого тулупа. Потребовал, чтобы оратор себя с Родиной не путал, а лучше бы порядок навёл с доставкой на заставу газет, а то читать уже нехрен. Потом и он неожиданно успокоился, будто бы только что вылез из холодной воды и высадил на травку спасённый им детсад вместе с нянечками, а также Оксаной и Марысей. Оратора Зуб в целом поддержал и сказал, что если случай подвернётся, то подвиг будет. Кому дембеля скажут, тот его и сделает. С этим согласились и остальные товарищи, решили, что подвиг — это правильно, очень хорошо и надо бы быть смелым, таких девушки любят, но сейчас страшно некогда, потому что время спортивно-массовой работы...

Тут волейбол и начался. Полтава против сержантов или все инструкторы и вожатые-собачники против сборной СССР. Теперь уже точно и не помню...

КУРОЧКА РЯБА

Есть такая замечательная формула: если обращений в полицию становится меньше, стало быть, преступность катится вниз, а если их больше — значит, растёт доверие к полиции. А тогда наш замечательный участковый милиционер ничего этого не знал. Считал ли он обращения — тоже неизвестно, но славился поразительной близостью к людям. О тяготах своей службы обожал в мельчайших деталях рассказывать любому и каждому, цепляя на ходу счетовода, почтальона или того же тракториста, заскочившего в сельмаг за спичками. И тогда трактор молотил поршнями, механизатор учтиво топтался у колеса и тербил мозолистыми руками картуз. А участковый, кажется, его звали Петровичем, и было это 35 лет назад точно, клал свою дерматиновую папку на капот тархтелки и, не считаясь с грохотом и дымом, закуривал и с нескончаемым удовольствием рассказывал о том, как много у него работы. Он мог закурить и ещё, и ещё дважды. Курил он много, но Петровича у нас на заставе уважали и любили. То он сигареты у детворы отберёт и солдатам раздаст, а то и ящик яблок или парочку арбузов закинет. Мужик полезный. Ни служебной машины, ни мотоцикла у него, понятно дело,

не было, зато под колпаком тьма сёл: Свидница, Червоная Воля, Волчья гора, кажется, даже и Руда-Кравковецкая. Свой ресурс Петрович эксплуатировал, как надо, а потому пешком не ходил никогда.

Пограничники Петровича уважали ещё и за то, что тот хорошо знал людей. У нас ведь как случилось? Надавал спьяну мужик своей бабе тумачков, узнал, что его милиция ищет и куда-то пропал. А у нас одно на уме и в сводке: «Нарушение государственной границы возможно жителем села N Степаном Пудренко с целью уклонения от ответственности за совершённое преступление». То есть, по нашим меркам, у него от милиции одно спасение — ноги в руки и в Польшу. Петрович сразу же вычислял адресок, а вскоре и Степан переходил на казённые харчи не менее чем на десять суток.

Однажды Петрович примчался на нашу заставу на чужом мотоцикле, без каски, без дерматиновой папки, но в необыкновенном гневе. Стандартного набора близости к людям в нём тоже не наблюдалось. В тот день он прежнего Петровича не напоминал. Мы увидели злого и мстительного мента, который по сегодняшним меркам не прошёл бы переаттестацию в полицию даже за щедрую взятку в особо крупном размере. И что удивительно: убийств не произошло, заявлений об изнасилованиях и слёз в этой связи не поступало, война не намечалась...

Оказалось, что пока кум самого (!) Петровича ездил к родне, на его личный курятник налетела «банда». Грабители расколошматили обтянутую тюлем рамку двери, порезали и унесли всех кур и спёрли мешок пшена или, может быть, пшеницы.

— Тащите мне немедленно собаку! — кричал с порога заставы Петрович. — Мне надо спасти кума и мой авторитет! Ну, где же ваша собака? Почему она ещё не бежит сюда?.. Собака!? Ты где?

— Сколько Ваш кум по гостям ездил, Петрович? — спросили его.

— Двое суток.

— Так собака же берёт след до шести часов?!

— Ничего не знаю, учите сами, что ей брать, это не моё дело. У меня и без вас дел полно, надо спасти мой авторитет и кума!..

Кто-то из нас ещё высказался в том смысле, что наша собака без очков и шлема на мотоцикле ехать не захочет, но, натолкнувшись на его злобную физиономию, все приумолкли. Доложили обстановку коменданту, выпросили разрешение на выезд и получили его.

— Смотрите, чтобы там было всё тихо, а то ещё вора, не дай бог, найдёте, так сельчане перестреляют друг друга, а мы будем крайними, — выдал нам комендант просчитанную далеко наперёд дорожную карту действий.

Меня определили комиссаром Мегрэ, наверное потому, что замполитов комиссарами называли и без

ЧП. Поехали с инструктором службы собак сержантом Володей и розыскным псом Султаном, вместе с которым тот и прибыл служить на границу. За рулём сидел тоже Володя из молдавских «гвардейцев». Петрович на кумовом мотоцикле, вроде дозора, понёсся впереди. Не поверите, но летел он не просто так, а ещё и размахивая обеими руками. Видимо, что-то рассказывал про авторитет, но для кого — неясно.

Публики набежало видимо-невидимо: шумливой, любопытной и даже выпившей. Курятник есть, дверь сломана, тюль надорвана, перьев много, признаки того, что птичек порешили на месте, тоже есть, но ни мешка с пшеном, ни мешка с пшеницей, ни курочки Рябы, ни её подруг нет! Даже петуха не видно! Султан принюхался, вывел инструктора на улицу, потоптался у дороги и, невзирая ни на какие попытки хозяина, никуда его не повёл. Володя долго договаривался со своим другом, агитировал и водил его вокруг дома, а затем, чтобы выровнять свой престиж, каким-то секретным методом убедил Султана пробежать метров триста вдоль дороги. В конце улицы лохматому сыскарю понравились ворота, у которых он, не стесняясь женщин и малолетних детей, бессовестно задрал вверх лапу.

Село затаилось, потом ахнуло и приступило к обсуждению действий кобеля, ворот и репутации их владельцев в сочетании с кумом Петровича, поскольку там жила его сестра. Ожесточённого Петровича

успокаивали изо всех сил, помогали ему ругать бандитов, погранвойска и всех подряд собак, включая бездомных щенков, но к сестре его кума ни одним словом деликатно не прикасались, потому что та по его приказу этих кур и кормила. Ясно, что у неё ни мотива, ни алиби не получалось, а в милицейском деле так не бывает. Тем не менее здесь мы добились безупречно предсказанного нами результата поиска и коменданта не подвели. Но Петрович по-прежнему твердил только про себя, кума, собаку и их коллективный авторитет. В Краковец он поехал с нами, поскольку оставаться наедине с кумом ему было уже нестерпимо и даже опасно. Та же опасность висела и над сестрой кума.

Наш водитель, молдавский Володя, всю дорогу молчал и молчал. Но это всегда было к лучшему, потому что наш молдавский «гвардеец» Володя, если открывал рот, то обязательно начинал гундосить и чего-нибудь клянчить. То, видите ли, ему новые тормозные колодки нужны, то лампочки, а то и вообще может любому заявить, что ему день на техосмотр положен, а нам как раз в тот день немедленно куда-то ехать надо. Где ему этот день найти? В других случаях наш молдавский Володя, водитель, бывало, открывал рот ещё и для того, чтобы пошантажировать, что его машина сейчас прям-таки развалится, рассыплется, перевернётся, загорится и произойдёт это лишь только

для подтверждения тех слов, что он говорил начальнику или мне уже «миллион» раз ежедневно.

На этот раз молдавский Володя открыл свой рот в присутствии Петровича, а этого он себе не позволял делать даже на тех политзанятиях, когда у меня там сидели одни лишь его молдавские земляки! Я опешил сразу и заподозрил самое худшее. Оказалось, напрасно, к нам возвращалась слава.

— Зачем, товарищ лейтенант, наших всех ругаете? Все Ваши куры, — теперь он уже покосился на Петровича, — во дворе напротив Вашего кума. Я там с машиной стоял и знаю. Потому что ни один дурак по теплу, ещё до октябрьских, чеснок сажать не будет. Он же прорастёт!

На октябрьские праздники, что в ноябре отмечались, Петрович к нам приехал. Подарил заставе сигареты, мяч и торбу с конфетами. Водителю Вовке синие сатиновые трусы и белую футболку «Динамо» Петрович намеревался нацепить чуть ли не перед строем заставы в присутствии села.

Так завершилась одна из самых успешных операций, принесящая нам непостижимый авторитет и увядаемую славу...

ШУРШАНИЕ ТЕКСТИЛЬНОГО БРАКА

Эта локальная весть резво облетела весь гарнизон: пограницы нашей и некоторых других застав теперь и далее будут гулять по границе и селу в таком камуфляже, что и американцам не снилось. В зелёных кубиках и разводах, конечно, ничего нового не было: масхалаты как пятнистые, так и белые у нас давно имелись. Но это ли уровень? Что такое масхалат? Всего лишь балахон, фасона для будущих мам в талии, с резинками на рукавах и шнурками-верёвочками, как в солдатских кальсонах — снизу. Ожидалось нечто другое. Сто карманов, например, куда можно много чего засунуть, да и покрой моднейший. Число наших завистников, начиная от колхозного завгара, что заставские машины мимоходом ремонтирует и запчастями нас снабжает, до тракториста Гриши, что еженедельно на линейке пашет нам КСП, росло как на дрожжах. Думаю, что таких граждан собралось немало даже в сельсовете. А вскоре на пограничную заставу, и правда, привезли-таки костюмчики. Взглянув на фасон, обе наши сельские портнихи от зависти даже всплакнули. Тюк камуфляжа манил и притягивал к себе, словно космическое диво в небе нашего беспросветного царства.

Старшина заставы Пилатов был предельно строг и внимателен. Каждый боец получил себе одежду по размеру, примерил её, покрасовался в ней перед дружбанами и в строю, огорчённо снял и вернул её старшине. Затем этот уже бесформенный тюк перекочевал к специально обученному Андрюхе, который художественно вытравил хлоркой на брюках, куртках и головных уборах фамилии сослуживцев и их секретные номера. Кстати, об уборах. Головные уборы привезли тоже шикарные, с козырьками. Сейчас бойцы почему-то называют их «пидорками». Теперь уже думаю, что в честь Пидорки, красивой, но несчастной девушки из «Вечера накануне Ивана Купала», что Гоголь Николай Васильевич написал ещё до появления того камуфляжа на нашей заставе. Но это так, разве что для справки. А на самом деле форменная неразбериха, в смысле суэта вокруг новой форменной одежды продолжалась. В тот же день старшина повторно приказал всем пограничникам одеть этот камуфляж, прогуляться по плацу строевым шагом, конечно, опять сложить его в ещё более аморфный тюк и снова вернуть эти ценности ему на склад. Прапорщик берёт и охранял свой склад так же сурово, как и государственную границу, но качество охраны склада проверял чаще. Так что все наши воины дважды были такими же прекрасными, как и великолепная девушка Пидорка, а затем, подобно ей, счастье своё потеряли. Но уже вечером к солдатам подоспе-

ла ясность в виде того же прапорщика Пилатова с обзорной лекцией. Лекция была дидактической.

— Это вам не простой камуфляж, — сообщила Ясность. — Это, слушайте сюда, так сказать, товарищи солдаты, экспериментальный камуфляж. Мы, стало быть, осуществим его испытательную но#ску и определим судьбу обмундирования для всей нашей советской промышленности.

Затем он задумался и добавил:

— Его судьбу для лёгкой промышленности, но вам лёгкой жизни не обещаю, потому как на каждый комплект обмундирования нами заведена особенная карточка нОски, которая по заполнению будет отправлена мною прямо в Москву! Почтой! Может, мне даже и поехать туда придётся. В Москву! Да уж, туда, мне!

Потом он ещё долго рассуждал об этой задаче и теплоотдаче, гигиеничности и бережливости, непродуваемости и индивидуальной закрепляемости. Зачитал даже пустую пока ещё испытательную карточку. Там говорилось о загрязняемости, протираемости, разрываемости, замасляемости, стираемости и отстирываемости при ручной и машинной стирке, о потере формы, цвета и другим утратам вплоть до беспочвенности подозрений в невероятности шуршания камуфляжа в ночных условиях и немыслимости предположений в проявлениях текстильного брака, хотя и такой раздел в карточке имелся. Закончил он, как обычно, ответственностью, но теперь уже не толь-

ко перед родиной, как это он нередко говорил, но и перед ним, а также и перед всей промышленностью. Лёгкой промышленностью.

Бойцы слушали его с неподкупным пессимизмом, понимая, что машинная стирка, как и давно сломанная стиральная машинка, камуфляжу на нашей заставе вреда не нанесёт. Что после сообщения о карточках камуфляжа с карманами им уже не видеть, как собственных ушей. Они переминались с ноги на ногу, ждали окончания лекции и мечтали, как бы сфотографироваться в этих костюмчиках и послать фотокарточки мамам и девушкам. Каждый понимал, что выработанные годами чувства возможных потерь и недостатч старшину Пилатова не оставляли в покое и на этот раз.

Бойцы в чём-то ошиблись. Получилось ещё хуже. К тому времени, когда у колхозного завгара, бригадира рыбхоза и тракториста Гриши новая камуфляжная форма уже настолько утратила свой праздничный вид, что в их карточках носки не хватило бы для замечаний даже строк, пограничников внезапно заставили судорожно срочно переодеваться. Сначала в камуфляже поехали на стрельбище, затем трижды прошли полосу препятствий с переползанием под колючей проволокой по мокрой от скупых мужских слёз траве. Полдня бродили по плацу под нехстати зарядившим дождём. Ещё три дня «пошиковали», пока камуфляж снова не забрали на склад. Потом ещё пол-

дня писали под диктовку. А вскоре и москвич появился: с лысиной и гладким зачёсом чёрных волос, как вороново крыло над ней. Удивительная причёска этот начёс над лысиной, да ещё и в форменной рубашке с короткими рукавами он явился, которых у нас даже полковники ещё и не видели. А этому подполковнику понравилось важно ходить по нашей заставе в той рубашке, где рукава ампутированы ещё на швейной фабрике. Понравилось ему пить молоко с вареньем, читать свежие газеты и карточки но#ски обмундирования. Карточки москвичу вручал лично Пилатов с чувством хорошо выполненного долга и тарелкой груш из колхозного сада. Груши сладкие, а в карточках три дня но#ски растянулись в целую поэму на три месяца. И чего уж там только не было нацарапано...

Написали творчески и с такими индивидуальными подробностями, что тут бы не только подполковник вещевой службы, но и генерал лёгкой промышленности за голову схватился бы. Как изворотливо наш старшина раскумарил этот минлегпром! Министру даже на похмелье не привидится! В каждый листочек было так сильно всего понатыкано, что на заставе даже новые потехи и клички образовались. Такие, например, как «засаленная манжета», «гульфик», «бахрома» или невероятно обидное и позорное прозвище — «шлёвка», что на самом деле оказалось всего лишь петлёй для ремня. В наш обиход прочно вошли ночные шуршания на кухне, брак в деталях кроя

масла, ушивка заднего шва за некачественную уборку или тренировки по проверке надёжности коленно-локтевых нашивок.

Были от нас предложения и по передислокации застёжек, изменению габаритов накладных карманов с пуговицами, обтачках петель и вытачках на груди, штопкам, сушкам и утюжкам. Один отчаянный дембель даже написал, что надо срочно поменять не только пуговицы, но и крючки, старшину заставы Пилатова и волейбольную сетку. На что их менять или что-то просто подарить безвозмездно, вроде как указал тоже, но Пилатов эту карточку куда-то заныкал и даже нам, офицерам заставы, её не показывал...

САПОГ ЛАПТЮ НЕ ТОВАРИЩ

На сей раз пограничников нашей заставы, как и всех других воинов границы, посетили новые приятности: отрада, услада, восторг, ликование и им подобные. И это ещё не весь перечень по теме: «Удовольствия». На самом деле для солдатского удовольствия ещё выше взлетели нормы вещевого довольствия. (Это у меня рифма такая). Выяснилось, что в результате неистощаемой заботы партии о своих солдатах, как приказано было нам, командирам, объяснять это личному составу, теперь солдатам сверху улыбнулись комнатные тапочки и полотенца.

Кто бы мог мечтать и думать? Начну с полотенца, завидуйте.

Раньше у солдата было лишь одно вафельное полотенце. Вот и вытирай им всё, что хочешь от субботы до субботы, пока не поведут тебя в баню и не выдадут другое полотенце, чистое. Теперь полотенца два! Теперь к их употреблению можно относиться творчески. Взять те же конечности, например, и распределить их между двумя полотенцами. Верхние, допустим, конечности солдату можно теперь тереть одним полотенцем, а нижние — уже другим! Красота, но варианты и этим не исчерпаны! Мож-

но, например, комбинировать, когда обе левые конечности попадают на одно вафельное поле, а правые — уже на другую вафельную площадку независимо от высоты их местоположения на корпусе. Высоты конечностей, конечно. И три (это не цифра) теперь всё, хоть трижды в день!

Но и это ещё не самое главное. Появились ещё и тапочки! Нет, вам так не жить! Для того времени чудеса, да и только! Допустим, вы ефрейтор-эстет, а у вас рядом с койкой всю ночь стоят сапоги с портянками! С одной стороны, это правильно, у солдата на случай войны всё под рукой должно быть. А если вы солдат, но наступил вечер, и вы теперь случайно встретились с девушкой? Сами подумайте: казарма, солдат, девушка и портянки с сапогами? Некрасиво же это! Это будет с вашей стороны совсем не эстетично и ошибочно. Вон в Одессе случай был, рассказывали. Может, и анекдот, не знаю. Там в городской черте города-героя пять или даже шесть пограничных застав. Так на одной из них проверяющий майор проснулся ночью по нужде, а потом заходит в канцелярию и начальнику рассказывает: «Знаете, кого я только что у Вас в казарме поймал? Не знаете? Хе-хе-хе! Поймал. Двух проституток поймал и обезвредил! И не каких-нибудь политических проституток, что наш вождь пролетариата так критиковал и ненавидел, а настоящих, из Одессы-товарной или морского порта. Вон старшина Ваш с ними уже работает,

сейчас доложит». В Одессе такое произошло, может, его и не было? Не знаю. Там народ чего хочешь на горячую тему сказать может. У нас на заставе такого точно не было. Но если в Одессе всё это правда и девушки те действительно сбились с маршрута и по ошибке в казарму забрели? Вот и подумайте, как там наши воины без тапочек тогда выглядели? Какое здесь у них изящество службы с сапогами у самой кровати и под носом у девушек получается? Нет его!

Теперь сапоги каждую ночь отправляются в сушилку! Вот что бывает с сапогами в результате бесконечной заботы о защитниках! Тапочки, и правда, теперь сильно подтверждают, какое светлое будущее ожидает наших пограничников вечером. Теперь возле кроватей всю ночь стоят изящные казарменные тапочки! Вернее, должны стоять тапочки. Точнее, полтенца прислали и дали солдатам сразу, а о тапочках сказали, что когда-нибудь дадут, но московская комиссия по такому поводу уже во Львове. Сказали, пока она ещё к вам нагрянет, пока во Львове по магазинам да музеям ударяет, пока в машине перед светофорами просиживает, купите тапочки, мол, сами, потому что не в лесу живёте и райком у вас тоже под боком. Подскажите ему, мол, что забота партии это и райкома партии тоже касается. Так и скажите им. Прямо так! Скажите, мол, деньги дружбе не помеха, а для тапочек нужны копейки, и они у вас есть!

Трудно выразить в рамках полного приличия чувства, которые вызывают такие простые и успешные решения. Да и кому нужны эти чувства? Впрямь повезло, что райцентр Яворов недалеко, рядом он, а там точно не дремлющий и заботливый райком партии. За сутки до комиссии подарили они всем бойцам нашим тапочки разные по размерам, но цвета одного и модели тоже — синие с красными шнурками. Маскировочных серых тапочек на толстой и незаметной, как земля, резине, чтобы грязи не боялись, столько пар в райпромторге не обнаружилось. Сами понимаете, что нас устраивал только единый модельный ряд, даже шнурки все на одно лицо требовались. С этим у нас строго! Это же линейная застава, а не районный дом престарелых граждан или какой-то там профилакторий выходного дня передовиков сельхозпроизводства. Повезло, что полукеды китайские, правда, на белой резине, у них в райпромторге нашлись, причём именно столько пар, сколько и требовалось для коллектива. Правда, чёрных шнурков в тот день не продавали, а брать белые — старшина не рискнул. Взяли красные шнурки. Даже симптоматично вышло: каждый солдат с красными бантиками! Как на демонстрации трудящихся 1 Мая в Москве! И в тот же вечер сапоги с портянками ретировались в сушилку, а полукеды принялись радоваться жизни у кровати.

Комиссии на заставе понравилось всё, вплоть до ухи, эскалопов и запечённых баклажанов. Я уже не говорю о маринованных грибах и копчёной рыбёшке с «Жигулями», поскольку альтернативу «Жигулям» ещё даже и в газетах не вспоминали. Пиво и рыбёшку мы в комнату для приезжих пихнули, где проверяющие наши тапочки и отдыхали. Захотят, мол, сами заметят. Может быть, наши гости вечером этого и совсем не нюхали, так что наговаривать лишнего не буду, но утром они довольные были все. Очень довольные.

В ходе продолжительного завтрака по кулуарной и шипящей команде родного тыловика все наши тапочки с красными бантиками заскочили в машину, а затем и растворились в утреннем мареве вместе с высокими гостями. Ну, думаем, пиши, пропало. Остались воины в сильных грустях и даже несколько взволнованными. Такие перетыки с появлением и пропажей импортных тапочек китайского производства бойцы осязали с некоторым недоумением и бросающейся в глаза задержкой в осязании. Наверное, дружно заподозрили мы вместе с бойцами, навсегда уехали тапочки, потому что на самом деле они не наши полукеды, а импортные с заграничным грибком, а то и с прослушкой вражеской, и вернули вечером сапоги свои на историческую родину в казарму вместе с портянками. Благо, что девушки к нам в казарму в тот день не приходили, так что и мы здесь свою марку выдержали. Не то, что девушки.

Но нет, ошиблись мы. (Не с девушками ошиблись, а с качеством китайских тапочек). Спустя неделю вернулись наши полукеды, которые вроде как тапочками числятся. Вернулись с бантиками, без потерь и увечий аж из соседней пограничной комендатуры. Говорили наши люди, что встречали они партийную заботу Яворовского райкома КПСС о нас на четырёх погранзаставах других районов и в компании всё того же нашего отважного тыловика и всё той же московской группировки проверяющих. Посылали ли им на этих заставах что-то в комнаты для командированных офицеров, не скажу, а потому и выдумывать не буду.

Райкомы ведь тоже бывают разные...

ПРИЗЫВ В АТАКУ ИЗ ТРЁХ БУКВ

Что мы знаем о наших воинах? Вначале обычно думается, что это сильные и смелые мужья, сыновья, братья и женихи... Подлым врагам, если сунутся, наши воины всегда накостыляют так, что мало не покажется. Глянцевые открытки помните? «С Днём Советской Армии и Военно-Морского флота!» Теперь они «С Днём защитника Отечества!» Вот и лезут в голову слова, что если военкомы, уподобляясь ветрам с гор, трубят таким ребятам сбор, то дорога от порога и в армию далека. А когда паровоз с призывниками умчится, то прямо на границу. Если у солдата выходной, то его пуговицы непременно будут размещены в ряд. А вот в случае отсутствия выходного — за забором самоволочка кружит голову и ждёт. А вот это нам ни к чему! Много чего пафосного, лирического и поэтического можно добавить по этой теме. Но встречаются у нас витязи и с другими качествами. О них фанфары не трубят. Бывает, что парень приходит «во солдаты» и оказывается хвастливым или трусливым, циничным или лицемерным, бескультурным, или мстительным. А иногда он прям-таки ужас какой-то! Политически не выдержанным солдат оказывается или морально неустойчивым.

Что спасает во всех таких случаях? А то, что толковые отцы-командиры знают, что с такими бойцами делать. На то они и командиры. Мудрые они все! Жуть, какие мудрые! Если солдат грустен, то диагноз понятен — значит, получил он от любимой девушки неважное письмо, что, дескать, разлюбила она его уже бесповоротно, а сама, даже в деревне уже говорят, или налево ходит или замуж собирается. Словом, бойкот и девичья фамилия. Тут за бойцом глаз да глаз нужен! Может чего-то от злости и натворить. А если воин в коллективе конфликтует и агрессивен, то скорее всего его родители страдали излишней демократией. Слонялся их Ваня до призыва в армию по чужим дворам, верховодил улицей, вероятно, из хулиганских побуждений обижал маленьких девочек, дёргал их за что попало и ураганил всячески. Усилить контроль! И ещё трижды усилить!.. Если солдат с виду безотказен — хвалить тоже не спешите. Может быть, те же дембеля его уже и замяли? Приглядеться надо. А вдруг, и правда, где-то в углу дедовщина выше борщевика вымахала? Если скрытен боец и угрюм, кто-то из родных точно болеет. Или картошка у них не уродила, и не знают убогие, как зиму пережить? Тут через земляков можно разведать. Поддержать парня, помочь ему поверить, что дело наладится, а то и в сельсовет письмишко черкнуть, пускай подключаются. Иной солдат болезненно реагирует на критику и «в бутылку ле-

зет»? Читай выше: письмо от девочки, девушки, девицы, все они такие... выдры...

Это педагогика, блин! А причём здесь она, скажете? Очень даже причём. Она и рекомендовала, чтоб на каждого солдата у командиров был целый дневник педагогический! И пускай лейтенанты дневники эти пишут и заполняют их днём и ночью! Пусть фиксируют они там разные их кренделя: морально-психологические, психические и физические, запечатлевают и хронометрируют их воззрения на сержантов, на перловку, на зубную пасту, на главного начальника страны или на Америку, а то так и на партию даже. Представляете, каким должен быть офицер? Умнее самого умного академика! По-другому никак. Только попробуй здесь прозевать чего-то! Расплата всегда бродит рядом!

Два молодых лейтенанта эту педагогику уяснили с золотыми медалями и состояли в должностях. Начальником заставы — лейтенант А. Замполитом заставы — лейтенант Б. Сидели они не на трубе, а в канцелярии, но не часто, больше на границе пропадали. Трудились слаженно и даже генералами или хотя бы Героями Советского Союза хотели стать в один и тот же день. И решили друзья этот тернистый путь пройти резво, с опорой на глубокую индивидуально-воспитательную работу и законы педагогики.

Поизощрялись лейтенанты над умнейшими строками и рифмами до полуночи, запрудили страницы

околонаучными терминами и далеко идущими заключениями и осознали, что самого Песталоцци или умного генерала зависть точно съела бы, попадись им на глаза такая теоретическая педагогика и педагогическая практика. Да и сам политотдел, что приедет к ним с проверкой этого дела уже завтра, доволен и радостен будет, счастлив будет от вписанного в бумаги состояния. «А кто писал, — подумает политотдел. — Как фамилии? Поощрить!» Тут А и Б и скажут хором: «Так это же наш долг перед вами!» — и застенчиво примут в руки свои законные ордена.

Обмыли А и Б проделанную работу чаем с «Раковыми шейками» и пошли себе к цели каждый своей дорогой. Начальник, лейтенант А, например, ушёл спать, потому что ему с утра дежурить и комиссию педагогов из отряда принимать. Замполит Б сел было с дежурным кроссворд из окружной газеты разгадывать да правдивое состояние дел в коллективе между загадками и отгадками у него выпытывать. Но что-то товарища Б сильно жгло, что-то отвлекало его, что-то ему, как в нашем футболе, концентрации не удерживало. Что ни удар, всё мимо? Думает о кроссворде, а в голову комиссия педагогическая лезет и лезет. Даже призыв в атаку из трёх букв по горизонтали или по вертикали вкусная профессия из пяти букв, которой владеют преимущественно женщины, и те в голову никак не помещаются, меткое изящество никак не канают. Просто тупик! Раньше он, бывало, влёт

снимал все матерные варианты по координатам кроссворда, которые бесконечно старался туда воткнуть их самый авторитетный эрудит — дежурный по заставе Паша. А сегодня — ни в какую!

— Ни фигу себе! — наконец-то очумело подпрыгнул лейтенант Б, да так искренне, так непритворно, что даже со скабрёзными суждениями по кроссворду от дежурного Пашки Сутягина согласился и тут же, видимо, в состоянии досадного недоразумения или врачебного аффекта собственной рукой вписал эти неприличные слова в клеточки газеты. И три буквы по горизонтали туда занёс, и пять по вертикали зафиксировал. — Вспомнил! Ведь сейчас же на границе у них ефрейтор Ц со служебной собакой и рядовой Д из того же украинского села, земляки! В характере у Ц, он сегодня совершенно точно отмечал и записывал в педдневник, — мстительность, а у Д — вспыльчивость! Вот это коктейль с шампунями! Оба парня в разговорах вспоминали невесту. И у одного, и у второго её зовут Маша, что и зафиксировано им лично его же острым пером! А вдруг каждый из бойцов думает об одной и той же Машке? И эти бойцы с мстительностью и вспыльчивостью сейчас на границе вместе! Да ещё и с оружием!? Как же мы могли допустить такие несуразности? Вся же педагогика против этого ополчилась и выступает повсеместно! В общем, полный караул получается!

Начальник заставы долго ждать себя не упрасивал и тут же сменил холостяцкую подушку на пистолет Макарова и сапоги. Ночь. Тьма. Где-то в селе визжат девки, плачет гармошка и протокольно лают собаки. На границе шелестят берёзы. Стрекочат кузнечики. Квакают лягушки. За колючками шиповника и облепихи плетёт свои интриги империализм. Противные на вид и запах шпионы с фонариком штудируют административную карту Львовской области, а то уже и цепляют себе вместо штиблет ослиные копыта, чтоб над такими позорными отпечатками прошмыгнуть через КСП. Тепло, сухо. Лейтенант А крадётся тише тени. Вот он уже на месте. Пограничный наряд в составе ефрейтора и рядового спит. Блаженно спит! Крепко. Ефрейтор и рядовой спят так сладко, будто бы они только недавно расстались, простились с Машками, и девушек было точно две и более, но никак не одна. Автоматы лежат на траве рядом. Аккуратно лежат. Сторожевой пёс Амур проснулся, но противного запаха шпиона не учуял. Он поднял умную голову, скользнул для приличия взглядом по сторонам, увидел начальника заставы, зевнул на сопровождающего его рядового Хабибуллина и, убедившись, что кругом свои люди, снова погрузился в сон.

Вскоре автоматы бойцов перекочевали на заставу и оказались надёжно припрятанными под стропилами конюшни, Рустэм Хабибуллин во избежание утеч-

ки оперативной информации уложен спать в комнате, куда попасть можно только через канцелярию. Кроссвордом теперь занялись А и Б. Матерные слова в клеточках зачеркнули. Ждут!

Через пару часов с границы прибыли «бдительные» погранцы Ц и Д с Амуром. И вот они с необыкновенной радостью влетели во двор и двусмысленно переглянулись:

— Товарищ лейтенант! Пограничный наряд в составе... Признаков нарушения Государственной границы СССР не обнаружено... — отчаяния в глазах насчёт Маш или автоматов — ни грамма. Подтянутые ребята, застёгнутые, серьёзные, в полной экипировке, с оружием и боеприпасами.

С ошарашенными до полного безумия лицами лейтенанты оружие, конечно, проверили. Номера совпадают. Конюшню проверили. А там оружия уже нет!? Ну, это понятно: материя бесследно не исчезает. Они же со своими автоматами пришли на доклад, проверяли же. Хабибуллин операцию провалить никак не мог! Маша тоже ни при чём, будь она одна, две или намного более. В общем, онемели от изумления оба лейтенанта. Выводы из педагогических дневников не оправдались, сна на службе, получается, что не произошло, потери бдительности — тоже, утери оружия — тем более. Доказательств никаких, но это даже лучше. Родина не сделает упрёк, не обидится!

Но как же это у них получилось, вот о чём молчит наука?

Одна лишь несуразица у начальника заставы образовалась: вечером он кроссовки точно в квартире, в коридоре возле телефона на коврике, оставлял, а они на крылечке под навесом оказались. Бывает же такое? Хорошо ещё, что щенята не заметили, а то могли бы и в лес утащить и погрызть. А кроссовки отличные! Таких кроссовок в магазинах днём с огнём не сыскать.

Лишь Амур после этих недоразумений ухмылялся, он свои знания никогда не выпячивал и дело знал. Может быть, именно поэтому ефрейтор с рядовым его потом так баловали. Как брата, как кума, свояка или шурина чествовали, даже ливерную колбасу ему покупали, конфетами угощали, а из-за парного молока у Амура даже неуставные отношения с обеими кошками образовались. Они на него потом ещё очень долго обижались и шипели по каждому пустяку. Вплоть до дембеля Ц и Д...

РОЯЛЬ В КУСТАХ

Во второй день проверки техники пограничной заставы, а он был последним, и её итоги были уже тщательно подведены, голова комиссии, главный технарь пограничного отряда майор Малый, решил себе расслабиться. И правильно он сделал. Техники на заставе всего-то две машины и трактор, что уже скрупулёзно ревизовано. Акты подписаны, у водителей зачёты приняты, оценки выставлены, остатки горюче-смазочных материалов в цистернах и бочках щупами зафиксированы, ключи и запчасти в наличии, к гаражу комар носа не подточит. Что ещё можно сделать? Правильно, расслабиться и прогуляться, например, по рощице и подумать о смысле жизни, осчастливить природу вниманием нестерпимого к недочётам в работе автомобильно-тракторного гения и порелаксировать для восстановления частично перегретых физических и немало изношенных умственных сил.

А вокруг заставы то берёзка, то рябинка, ёлочки-метёлочки, сосны шумят, грибов тьма-тьмушая, природа сказочная очень мягкой русской красоты, хотя и Украина. А ежевика, так та прямо сама из куста в рот лезет и домой ему, майору Малому, ехать во Львов

полтора часа всего лишь. Конечно, если без ущерба для службы, то почему бы и не пройтись, почему бы и не прогуляться? Можно ведь и в интересах общества побродить, собрать для него полезный продукт лично и в натуре. Поэтому один водитель, ефрейтор, слева с ведром для грибов, другой, тот, что рядовой и справа, — с трёхлитровой банкой для ягод, конечно. Да и сам Малый новую куртку у старшины со склада истребовал, чтоб свою росой не замочить, в очках с толстыми серьёзными стёклами и с палкой в руках, чтобы паутину от очков отстранять, травку раздвигать, ветки аккуратно подымать и точнее фокусировать воинов, когда и на что им нацеливать самую скрупулёзную внимательность. Так они и закружили вокруг заставы втроём. Для солдат — тоже релаксация и задание в радость, для майора — ещё и индивидуальное изучение подчинённых, укрепление их навыков предельной зоркости. За рулём они всегда сходятся. Да и забота о собственной семье майору не лишней показалась, ведь уже через пару часочков он её дома в подлинных фигурах большого ведра и банки жене в отчёт и к исполнению предъявит. Словом, всё укладывалось во благо. Даже погода его услаждала и поздравляла с успешным окончанием работы, а ветерок отгонял комаров и мух.

И чем дальше специалисты продвигались в лес, тем настырнее воины убеждали майора, что там, где «дальше», уже не найти даже поганок и мухоморов, а

ягод, так и подавно, — хоть шаром покати. Все ягоды птицы поклевали, зайцы съели, коровы потоптали, а остальные ягоды прямо на весу высохли и скисли! А майор опытным малым был, недаром фамилия у него, если помните, Малый. Грибные и ягодные места и малые, и большие он чуть ли не по спидометру или шороху кривошипно-шатунного механизма определял и, как оказалось, ни разу не промазал. Для него полезную полянку найти, что катушку генератора перемотать или там какой-нибудь трамблёр починить.

Следует доложить вам, что далее никакой неожиданности для солдат не случилось и это стало главной неожиданностью для майора. На полянке «туристы» уткнулись в несмело глядящий из кустов и только на майора «Газ-69». Он был чуток немытый и нечёсанный, зато со слегка оторванным, однако местами уже и заштопанным тентом, правда, с неважнецкой резиной, хотя и с дружелюбно открытой дверкой. У этой модели газика всего-то две дверки конструкцией предусмотрено. Так вот одна из них закрывалась только с широкого размаха, зато плотно так и надёжно. И без познаний этаких особенностей этой дверки — потом её ни за что не откроешь, если не сообразишь, что нужно строго резко дёрнуть её обеими руками или толкнуть плечом, если сидишь в кабине. А вот другая дверка, та, что от водителя слева, закрывалась лишь изнутри. И в том только случае, если уже сидя в крес-

ле, притянешь её к себе очень бережно и чуток приподнимешь рукой через щёлочку, где обычно стекло форточки в машинах такого типа располагалось ранее. Причём приподнимать дверку требуется с маленьким наклончиком, на излом будто бы. Чуть-чуть, буквально на пару сантиметров изломчик надо смоделировать. Там форточка аккуратно отломана, а стекло слегка битое, поэтому практических трудностей в этой операции нет никаких. Здесь уже не конструкция автомашины, а практика её эксплуатации такое у нас вытворяла или попросту вековая традиция приземления. (Простите, что я отвлёкся, но будете теперь знать, что именно эта дверка в тот раз и оказалась распахнутой).

— А это чей автотранспорт? — удивился опытный малый майор Малый, с неприкрытым изумлением изучая тот сиротливый механизм.

— Так мы ведь и сами не знаем, что это за тачка такая. Ничейная, наверное, машина, — немедленно ответили хором водители и бросились за очередными дарами природы. — Поглядите, товарищ майор, какие красавцы вымахали! Подберёзовики, хотя и под осиной торчат!

— Ага, точно торчат красавцы, срежь-ка их аккуратнее. Это ель называется, под елью они торчат, маслята, но красивые, ещё молоденькие. Ага, вот и номера гражданские на машине имеются. Значит, уже не ничейное транспортное средство, а чьё-то, — по-

делился своими специальными знаниями майор и благоразумно на время ушёл в себя.

— Ага, и точно это номера! Знакомые номера... А!? Так это же номера и машина из нашего колхоза, — вдруг обрадовались своей догадке служивые и снова хором. Далее тихо и мелодраматически, будто бы опасаясь, что его услышит кто-нибудь из местного начальства, продолжил только ефрейтор:

— Так водитель же у них Богдан! Он же зять начальницы универмага! Знаете, товарищ майор, Бодя, как выпьет, так и бросает свой танк, где попало. Ну, чтобы пьянства за рулём не допустить и правила не нарушить — потом целый день только пешком и бродит. Одни мучения с ним! Беда у нас с этим председателем водителем, товарищ майор! Что ни день, то завгар эту колымагу разыскивает, а то и всем колхозом её ищут по его строгому приказу. И пока не найдут, иногда даже контора не работает.

— Да, в жизни всё бывает, — задумчиво протянул майор. — А почему здесь к панели солдатская кокарда привинчена?..

— Кокарда? Ага, и правда, привинчена... кокарда... солдатская. Не офицерская, точно солдатская и привинчена. А! Так Богдан же из стройбата дембельнулся! Наверное, и возит солдатскую кокарду с собой, вроде как память о службе. Лучше бы пить бросил, — с гневной озабоченностью выложил своё мнение теперь уже рядовой.

— И это мне теперь понятно. Память о службе — это правильно. Это хорошо. А чего же у этого Боди наша памятка здесь приклеена? Посмотрите, вот: «Сел за руль — получил боевой приказ!»

— А! Так это ж мы ему и подарили её на День пограничника, товарищ майор, чтобы ответственность его на дорогах и перед председателем Сергей Палычем и всем их колхозом повисить! Богдан потом довольный такой был, всем девкам памятку показывал, говорил, что под приказом ездит. Вроде как секретное задание для заставы выполняет. На полставки. Врал, конечно, для укрепления авторитета, врал, но он без этого не может...

Малый-то хоть и малый, но знал, что настоящего русского ни в одном деле тормоза не волнуют: ни в жизни, ни за рулём. Он знал, сколько усилий было потрачено заставой, чтобы не ударить перед ним в грязь лицом, знал, от кого и что здесь зависит. И нужна ли ему была теперь эта детская возня в песочнице? Майор окинул взглядом полное ведро грибов, почти что уже заполненную до верха банку с ежевикой, похоже, хотел было ещё что-то сказать или спросить, но так ничего и не сказал, так ничего и не спросил.

О чём майор подумал, тоже неизвестно. Но он ничуть не ошибался!

ТЕНЬ НА ПЛЕТЕНЬ

По многочисленным точкам нашей прославленной части, разбросанным по западному бордюру Украины от Белоруссии и до Закарпатья, перемещалось немало удивительных сказочных легенд. Наиболее почитаемыми для обсуждения и злоязычий у пытливей публики слыли те, что цепляли честь, достоинство и деловую репутацию офицеров из когорты неисчислимых комиссий и инспекций. И, конечно же, все они касались их объегоривания. Иногда думается, собрались бы когда-нибудь и где-то все эти комиссии да и написали бы, что считают себя истцами и испытывают сильное эмоциональное волнение и переживание от таких наглейших поклёпов. Вот было бы шуму! А не собрались, так и хрен с ними. Читайте дальше, тем более совершенно не факт, что околпачивания происходили у нас, то есть именно в Карпатском трижды орденоносном пограничном отряде или вообще когда-то и где-то случались, но чем неправдоподобнее они выглядели, тем больше они радовали общественность. Потому я как человек очень честный, даровитый памятью и бескрайне скупой на глупости извещаю вас: эту историю за что купил, за то и продаю. А тем дорогим читателям, кто верит

лишь уставам Вооружённых Сил СССР и родному правительству или Минсельхозу, странички эти лучше не смотреть и зря не огорчаться.

Помню такую притчу, известную из различных, в том числе анонимных источников, заслуживающих высокого доверия. Однажды по приказу сверху под прицелом московской инспекции в числе прочих очутились некие две пограничные заставы. Понятное дело, что «мучать» их претензиями и подозрениями препоручили одной и той же группе столичных инспекторов при погонах. Но между этими образцовыми пограничными избёнками стояла ещё одна пограничная изба, не предписанная к обследованию московскими начальниками, а к тому же ещё и крайне нежелательная для внимания их глаз по бедности дел и серости хозяйства. Облик и состояние военного городка этого оплота безопасности страны был не просто чрезвычайно далёк от идеала. Оплот от идеала находился на смертельном удалении даже для космонавтов и по нынешним меркам мог бы сильно напоминать вам о тех редкостных фактах халатного содержания объектов образования или медицины в бесперспективных сёлах современного российского Нечерноземья. В общем, образовалось там сказочное, но обоснованное свинство, и лишь только потому, что заставу вот уже несколько лет как куда-то переводили, но так и не перевели, а ремонт делать не позволялось сверху. Понятное дело, что в

тех условиях вины офицеров или солдат заставы не имелось. Виновники жили многими этажами выше. А надежд на то, чтобы москвичи проскочили мимо этого безобразия без последствий для части, тоже не теплилось: других дорог между посещаемыми ими заставами не существовало.

Зато точно через дорогу напротив этой развалюшки красотой архитектурных линий и сиянием фантазии штукатуров и маляров манил к себе собой очень приятный и комфортный для топ-менеджеров, бухгалтеров и счетоводов чудо-терем правления процветающего от урожая и надоев колхоза.

Как известно, люди не всегда радуются успехам других, нередко они предпочитают смаковать чужие недостатки, но в том случае у пограничников зависти к колхозному дворцу не имелось. Зависть не тот метод. «Печаль о благополучии ближнего» и в народном эпосе не приветствуется: «Злой плачет от зависти, добрый — от жалости. Завистливо око видит далёко». Да и вывод из серии народной сам за себя говорит: «Привет за привет и любовь за любовь: а завистливому — хрен да перец, и то не с нашего стола!» Воины по-доброму скорбели, но в другой траектории: как плохо, что не служат у них такие классные девушки, что во всю ширину портретов улыбаются с колхозной Доски почёта. А та украшает собой парадный вход в чудо-терем, и напомним вам, что это через дорогу и как раз напротив заставы. Кстати, за-

метим, девушки тоже пограничникам неистово сочувствовали по той же причине.

Как плели бесчисленные якобы очевидцы тех тревожных событий и прилипшие к ним редкостные злопыхатели, преследующие цель обронить мрачную тень на ясный и невинный образ доблестных воинов границы, в дальнейших связях колхоза и заставы обошлось без каких-либо недомолвок и невнятных. Напротив, всё получилось по-доброму и без намёков на негативные качества человечества. Гениальное решение они прозорливо обнаружили в бесхитростности его замысла и осуществления.

Вечером бойцы перебазировали через дорогу ритуальный пограничный столб с гербом СССР, перетасили на носилках ввосьмером бетонную стелу «Граница СССР священна и неприкосновенна!» и установили их точно у крыльца правленья этого восхитительного украинского колхоза. Как раз рядом с Доской почёта поставили. По сути, плечом к плечу, но чуть ближе к проезжей части и к портретам тех неистовых механизаторов и прекрасных доярок, что за клумбами изумительных цветов стояли и ранее. Теперь цветам больше радовались уже не девушки и парни, а бетонные стелы и столбы.

Понятно, что этими нехитрыми действиями никто не собирался ограничиваться в продвижении народившегося проекта. Он пока ещё не приобрёл окончательной завершенности. Поэтому с самого утраца

к крылечку погранзаставы, как говорили знающие люди, прислонили пару тракторов с прицепным оборудовани­ем для аргументации убедительности в принадлежности известного вам неприличного здания к агропрому, а также для надёжной защиты собственно пограничной заставы, какой бы она ни была, от порчи и столичного дурного сглаза.

Болтали потом ещё, что в тот момент, когда комиссия с ветерком проносилась через это прикарпатское село, начальник тыла пограничного отряда господин полковник Камаров не смог удержаться от комментариев и, по сути, о наблевшем заговорил честно. (Он был в своём роде очень хороший человек, всегда деловой, жизнерадостный, эксцентричный до мозга кости, немножко балабол, но краснобай отменный). Так вот он мигнул водителю обоими глазами сразу, чтоб тот надал до пола газу, а затем широким взмахом руки благочестиво указал требовательным гостям на распахнувшуюся перед ними панораму: «С-справа — з-застава, с-сами видите, а с-слева — к-колхоз. (Начальник тыла господин полковник Камаров очень любил множить согласные и свою славу тоже обожал в оглашаемых собою текстах).

С-сами видите, ж-живут, как в х-хлеву. Ну да, ж-живут, как умеют. Л-люди з-здесь очень д-добрые, н-но б-бедные, а р-район н-не п-помогает. А вот ух-ха у них прекрасная! Это я им из одного г-глухого одесского х-хутора инструкцию привёз и подарил. З-за-

жарка из п-помидоров на оливках и с-с-спирту. Так мы с-с ней с-сейчас и п-познакомимся у н-наших к-колхозничков. Тут н-недалеко...»

Последний раз эту историю с более красочными деталями я слышал на Камчатке десять лет назад. И если бы мне её поведал какой-нибудь даже самый уважаемый ительмен или эскимос, то я точно упал бы в обморок, например, с мыса Сигнального или Маячного и прямо в ледяные воды океана. Но это был и не чукча, и не алеут, а, со слов рассказчика, как раз участник тех событий, а тогда, уже на Камчатке, подполковник...

ЛЕВЫЙ СОСОК

Существует предположение, что этот сюжет тоже связан с развесистой клюквой. Но если это даже и так, то, тем не менее, обозреваемая нами пограничная застава существовала, и стояла она себе в то время смиренно и мирно на самом юге Молдавии и на первый взгляд ничем не отличалась от других порубежных твердынь. Для тех, кто не знает, а их, увы, становится всё больше, в те годы Молдавия являлась Советской Социалистической Республикой в составе СССР. Так вот, та цитадель ничем не отличалась от других фортеций, если бы не... Если бы не устойчивые подозрения, что неудержимо сгущались и нависали над её замечательным населением. Густели небеспочвенные догадки и множились факты о дембелях из этого прекрасного коллектива в количестве двух человек. Дескать, якобы и вроде как, повели они себя не так. Стали бахвалиться болтающимися ремнями, расстёгнутыми пуговицами и даже сердечными связями с зелёным змием. Следует уточнить, что самого змия, ни зелёного, ни даже салатového, на заставе никто ни разу не встречал: ни на зарядке, ни на плацу. Где они с ним спутались, тоже ясности не существовало, однако по оценкам специалистов эта дружба завязалась у них

на решительно систематической основе. Причащались дембеля конкретно и делали это, как правило, ночью, а в ряде эпизодов, обнаглев уже вконец, даже и перед ужином. Разумной дозы они точно придерживались и её параметры соблюдали неукоснительно. При этом воины чувствовали себя уверенно, непорочно и независимо, бесцеремонно и нагло отрицая любые подозрения в свой адрес, бессовестно ухмыляясь в ту сторону, где в те мгновенья стояли, бурчали и дулись на них командиры.

— Вам показалось, товарищ лейтенант, что я выпимши, а я ничего, окромя воды, никогда и не пробовал. А сегодня, товарищ лейтенант, так и к воде не прикладывался, — скажет так, например, ефрейтор Вася Квакин и обдаст лейтенанта парами букета всей советской Молдавии. — Так можно мне уже на ужин, товарищ лейтенант? А то я ж с наряда вернулся и даже чаю у меня пока ещё ни в одном глазу.

По словам людей, которые ни разу в жизни на этой заставе не бывали, скандальные, а проще сказать, недопустимые выражения и выходки этих бойцов при публичном отражении подозрений в свой адрес местами даже зашкаливали, хотя в это верится мало.

Помню, как в то время циркулировало мнение, что в Молдавии вино спиртным напитком как бы не считается. Об этом известно каждому и сегодня, хотя, кому это выгодно, тоже понятно. Но факты ведь упрямая вещь. Однажды мы с самого рассвета выстав-

ляли оцепление на стрельбище, так попался нам мальчишка-пастушок лет восьми-девяти с овцами, баранами и с авоськой. В ней кусок хлеба, несколько помидоров, сало и добрая банка вина.

— Где вино взял? — спрашиваем.

— Мама дала.

— А не рано ли тебе?

— Так я же рано встал и на целый день с овцами. Ещё и мало будет.

Ну, мальчишка, ещё ладно. Мама знает, что делает. А здесь вам не тут. Не дай бог, хмельной воин окажется на границе, да ещё и с автоматом! Да ещё в Пограничных войсках КГБ СССР служит! Это ж немыслимо и какой позор! Это и сейчас невозможно себе представить.

Вспоминали наши киевские аксакалы в бараньих папах об одном поучительном и давнем инциденте с водителем в нашем прославленном округе, причём в той же Молдавии. Об этом казаки и атаманы в нашей образцовой части тоже болтали несколько пятiletок кряду. С такими тонкостями сказывали, будто сами в этой истории на экране засветились в активном движении. Точно известное по субботникам бревно они перетаскивали, но не с Ильичом, а с тем водителем-шофёром.

Чем же прославился этот безымянный солдат? Молва донесла, как однажды из Кишинёва двинулись два офицера среднего звена и неприметного звания в

командировку. В пути следования водитель их Уазика несколько раз останавливался, потому что с мотором у него чего-то не клеилось и за безопасность передвижения он сильно переживал. Офицеры, напомним, их было двое, и сами волновались, а однажды даже притормозили, чтобы мотор не перегрелся. Понятное дело, где два, там и третий. Решили они ещё до торможения навестить знакомого. С ним офицерам чисто символически, конечно, пришлось даже выпить, в буквальном смысле слова пригубить домашнего слабоалкогольного винища. Открутиться от этого дела и требований их приятеля, строго говоря, было неосуществимо. Скандал вселенский мог бы случиться по такому поводу, обида на всю жизнь могла бы произойти, и бросилась бы зловеще туманная тень на весь наш офицерский корпус, чего они допустить, конечно же, никак не могли. К тому же за окном суббота, а на заставе офицеров среднего звена терпеливо ожидала баня. Но водитель, как он такое себе позволил? За всё время марша он от машины и на шаг не отходил, а потом из-за руля дважды чуть было не выпал в кювет. Еле уберегли они его для прохождения дальнейшей службы и бросились потом уже на трезвую голову на поиски хмельных отпечатков. И нашли-таки отпечатки в бачке стеклоомывателя, нашли они шнапс местного пищевого производства. Вернее, лишь вторую половину его обнаружили. С первой его частью они уже не встретились: водитель её высосал,

когда под капот лазил и осмысливал, чего бы такого у него могло бы в принципе поломаться.

А на той заставе, где два дембеля иногда подшофе попадались, разбирались не на шутку и устроили форменную карусель. Комиссии невероятные туда приезжали. Пустые бутылки, банки или канистры искал заместитель начальника штаба отряда, затем политотдел, потом партийная комиссия пожаловала. Особенный отдел с заставы неделю не вылезал и даже своих соглядатаев мордовал угрозами, а потом ещё каждого из них и персонально обнюхал. В такой требовательности, как вы видите, о глубине проверок от команданта пограничного участка и его заместителя по политической части даже вспоминать неприлично. Пovýпывали комиссии весь компот, что заставой на зиму приготовлен был, даже уксус открывали и языками трогали. Бражку искали. Все огнетушители до дна раскурочили: углекислоту и пену на язык поочерёдно принимали, экспериментировали, обменивались мнением о послевкусии, ощущениях и самочувствии. На складе дрожжи то ли сами после ужина съели, то ли уничтожили беспощадно. Весь «Поморин» у солдат арестовали, а компенсировали им требования гигиены килограммом зубного порошка рассыпью, что выдавали каждому солдату по чайной ложке два раза в день. Уже и до сахара добрались. Ещё день-два — и пришлось бы бойцам к вечернему чаю вместе с пчёлами собирать пыльцу. Тщетно. Время

шло, но по косвенным причинам прояснялось лишь то, что одни начальники комиссии на заставу посылали, а другие, дембеля, то есть, эти комиссии посылали транзитом и ещё дальше. Докатилось дело даже до того, что заставским лейтенантам, начальнику и замполиту, чуть не утвердили в приказе общий медицинский диагноз относительно их галлюцинаций на почве похмельного синдрома. А по их научению и от бессилия перевоспитывать этих стабильно пахнувших бойцов как граждан с большой инициативой набивалась одна незамужняя сельская врачиха и две такие же хорошенькие учительницы начальных классов.

Доложу вам ещё, мой терпеливый читатель, что застава стояла не в буреломной тайге и не в чистом поле, а в прекрасном цветущем селе. Рядом с ней буквально в десятках метров и за забором находился винопункт, куда со всего района свозили виноград, достигший, как говорится, технической зрелости. Там его и превращали в виноматериалы, что бесконечно перетекали из одного бака в другой, и до тех пор они так циркулировали, пока за ними не присылали из винзаводов огромные автоцистерны.

Стоит вам объяснить, что этот винопункт был под прицельным подозрением и серьёзным следствием с первого дня разбирательства и до самой последней секунды этого головоломного дела. Его персонал вместе с начальницей винопункта ревизующие за-

ставу лица «крутили» наравне с солдатами. Они докрутили на той карусели персонал до такого состояния, что труженики спиртометра после полутораметровых расписок и клятв на дубовых бочках сначала объявили своё производство зоной повышенной трезвости, чем переполошили и поставили в неудобное положение всё село, включая несовершеннолетних лиц обоих полов. Затем они прекратили разговаривать даже с начальником заставы, заставской розыскной сукой и её щенками. Одни лишь дембеля охотно полемизировали с начальниками заставы и винопункта и сохраняли добрые отношения со всеми остальными товарищами, включая розыскную суку и её бой-френда — сторожевого кобеля, а также их общих детей. Дембеля не хуже своих четвероногих друзей скалились на всех следопытов и были собой весьма довольны.

Как утверждали люди, «раскрутил» дело и довёл его до «губы» перед самым дембелём дембелей капитан Пётр Чайкин, с которым я познакомился, когда тот уже был подполковником, но данную тему, к моему большому сожалению, с ним обсудить не додумался. Капитан на заставе был в командировке и действовал всё по тем же неподтверждённым сивушным гипотезам. В то утро он вернулся с ночной проверки службы пограничных нарядов и пошёл приводить в порядок обувь. Граница в Молдавии осенью, знаете ли, не Пикадилли и даже не Тверская. А на пограничной заста-

ве, как и на других, была такая мода — разрезанная пополам бочка с пятью сосками для мытья обуви стояла невдалеке от курилки испокон веков. Ну, мыл бы себе капитан сапоги да и мыл, как все, так полез он к самому левому соску, куда нужно пробираться через вечнозелёную лужу, да ещё и по кирпичам. Не каждый рискнёт на этот манёвр. Он рискнул, крутнул кран и... уткнулся носом во весь букет Молдавии сразу.

Как установило его следствие и допросы с пристрастием, ещё прошлой весной на заставе служил, а потом и уволился один очень талантливый, добродетельный, но несертифицированный сварщик. То есть варить-то он умел всё, как и его отец, но ксивы о том, что он сварщик, не имел. У пограничников сварочного аппарата не было, зато у виноделов он имелся, хотя с талантливым и добродетельным сварщиком в штате им не повезло. Вот и подрабатывал боец по взаимному согласию сторон то в интересах заставы, а то и в интересах умельцев виноделия. Инкогнито, конечно, подрабатывал. Узнали бы в отряде, что человек без допуска сваркой здесь увлекается, всех бы перенаказали. А так и мастакам по винограду помог, и заставе о себе память оставил: подключился трубой к бочке, к обыкновенной металлической бочке, без сосков и разрезов. Она «всю жизнь» в сторожке стояла, никому не мешала, а верному и надёжному другу заставы, сторожу, ещё и помогала в его нелёгкой службе.

Надо вам заметить, что пограничникам, не дембелям, к левому соску подходить запрещалось. Категорически строго, этого даже сторож требовал!

Увольнялись выпивохи из рядов отдельной военно-строительной роты и уже тогда, когда приятно-го шуршания опадающих с деревьев листьев в Молдавии не слышалось — 31 декабря. Тут даже и не в сосках дело оказалось. В армии, как вы знаете, все неприятности начинаются, конечно, с расстёгнутой верхней пуговицы. Об этом говорят давно и справедливо. Именно с неё и принялись лейтенанты порядок наводить, затем за распущенный у них ремень зацепились, а потом уже и принялись принюхиваться более детально и коротко...

Такие вот печальные красоты жизни бывают...

2. От кавярни до цукерни

МЫ СИДЕЛИ НА БЮРО

Не подумайте только, что малоумные люди или, например, какие-то мои случайные шапочные знакомцы бездумно вскарабкались на письменный стол с ящиками и добиваются ваших аплодисментов за этот неразумный манёвр. И не о справочном бюро сухо поведаю я вам, а об органе, сидеть на коем мы и в самом деле имели пространные полномочия.

Сидели мы и хорошо сидели на бюро райкома...

Перевод во Львов и ввысь для меня имел случайный характер, а стремительное получение квартиры — алогичный. Дорога от закреплённых ЖКХ города за моей семьёй квадратных метров и до наиболее вероятного места подвига, то есть дециметров служебного кабинета в воинской части, состояла примерно из тысячи шагов. Это по улице имени товарища Ленина Владимира Ильича, а по ориентирам — от калярни до цукерни. Если вы по этой улице ещё ни разу не ходили и чтобы скорее постигли географию, внесу ясность. Настоящая дистанция зафиксирована моей памятью между приятной кофейней, что напротив гастронома «Оксана» (в этом доме на третьем этаже и находилась моя квартира) и славной кондитерской с точь-в-точь такими же пирожными и канап-

ками. Отличие в том лишь и состояло, что в цукерню со своими бутербродами или там с молоком каким-то или с квасом не пускали, а вместо кофе предлагали сок. И так, перемещаясь прямо по улице Ленина, как не крути, всё равно попадаешь на службу, даже если ты туда и не стремишься. Даже если ведро кофе или сока выпьешь, неизменно там окажешься...

Есть и другие пути-дорожки. Свернёшь, допустим, направо. Тоже славное место, историческое — Высокий Замок. Правда, к нему казаки Кривоноса, турки и шведские воины Карла XII отнеслись крайне непочтительно, оставив от крепости и замка лишь небольшой фрагмент былой фортификационной мощи. Но львовяне любят и чтут свою историю, парк с этими молчаливыми свидетелями прошлого, как и весь город.

Если же с улицы Ленина чего-то вздумается пойти теперь уже налево, то неизбежно уткнёшься в Лычковское кладбище. Оно хоть и легендарно своей историей и обитателями, но рассчитано не на все категории граждан. Несметным числом фигур прекрасных дам, застывших в скорбных позах Девы Марии, кладбище удивляло. Песочными часами и надломанными колоннами подталкивало к размышлениям о быстротечности службы во Львове. Перьями, лавровыми венками и лирами в камне вызывало желание немедленно создать что-то нетленное или великое в назидание бесталанному автору этого унылого опуса. Конечно,

кладбище больше других притягивало к себе внимание родственников усопших, студентов архитектуры и живописи, туристов и пессимистов.

И хотя я чаще всего предпочитал ходить налево и только налево, но не погост являлся целью моего левого марша, а райком комсомола, что вдоль трамвайной линии ещё ниже по улице Мечникова. Дело в том, что мой должностной статус предопределял двукратное членство в кое-каких жизненно важных и полезных органах. То есть надлежало тянуть лямку в членах Львовского обкома комсомола и нести свой крест члена бюро Червоноармийского райкома комсомола города Львова.

В обкоме комсомола собирались нешуточные люди, поэтому собирались и шутили там крайне редко, разве что в дни рождения своих наиболее знатных членов или в дни пленумов. На праздники, конечно, собирались. На все праздники, но это святое дело. В бюро райкома сходки происходили чаще: именины членов райкома и бюро райкома, их друзей из состава бюро горкома и бюро обкома, а также, как не крути, но и в дни заседаний бюро и пленумов райкома тоже приходилось туда являться. А там сидели тоже нешуточно принципиальные и бескомпромиссные члены. Нет, там были, конечно, и прекрасные девушки: Оля, например, секретарь комитета комсомола завода медицинских препаратов или Мария — глава ячейки комсомола мясокомбината, Ира — секретарь

по идеологии, да и другие приятные, политически выдержанные и морально стойкие модели под стать им. Но самым принципиальным членом в бюро был, конечно, первый секретарь райкома комсомола Василий Степанович. Василий Степанович все наши конференции, пленумы и заседания бюро райкома вёл строго и на настоящем литературном украинском языке, в быту общался больше на богатом русском языке с незначительным региональным акцентом, но изобретательно, размашисто, уравновешенно, однако с учётом глубоких профессиональных традиций польских сантехников и обувщиков, матерился он строго на польском. Так что он у нас был почти что полиглотом, и за это мы его тоже любили и уважали.

Впервые меня посадили на скамью бюро райкома в тот день, когда секретарь райкома партии представлял только что избранного первого секретаря Васю и оглашал перечень его неоспоримо высоких организаторских и личных качеств. Ему никто не возразил, и довольный секретарь партии чрезвычайно поспешно и беззаботно убыл к себе на этаж. В тот день Вася kloкотал восторгом, ощущал себя героем, ниспровергателем тусклого, светочем яркого, лидером системных и бессистемных масс и стремился чокнуться с каждым своим членом. Периодически в его памяти этот факт стирался, и тогда он с неудержимым стремлением чокнуться с каждым своим членом заходил на новый круг. Такое внимание первого секретаря

окрыляло всех его членов, а с каждым его новым порывом сплотить ряды ещё теснее умножало наше повальное ликование.

Впервые на рабочее заседание бюро я опустил ся и сел в тот день, когда Василий Степанович был сумеречно немногословен, угрюм и задумчив, хотя и пришёл он управлять нами в отутюженном костюме, правда, строго мрачного цвета, но при галстук е. Я был самым малоопытным и потенциально наименее эффективным членом бюро, но даже и я заметил, что сегодня коллеги и, как там говорят, «коллежанки», собираются скрепя сердце и состоят в обострённой капризности, нервозности и избыточной трезвости.

— Рассматривается персональное дело Сиробабы Марка Григоровича. Сиробаба просит об исключении его из ВЛКСМ. В связи с выездом в государство Израиль на постоянное место жительства просит об этом бюро райкома, — провозглашала замогильным голосом специально обученная девочка из аппарата райкома с упрямой линией губ и несговорчивым даже по отношению к первому секретарю взглядом.

— Ну? — провозглашал Вася, смотрел на Сиробабу как на только что поступившего в стационар слабоумного пациента и что-то добавлял себе под нос, скорее всего на языке Мицкевича.

— А зачем Вы вступали в ряды ВЛКСМ? — далее ехидно спрашивал кто-нибудь из недалёких и несмышлёных, вроде меня, членов бюро.

— Так папа сказал, что надо, — правдиво отвечал Сиробаба.

— А зачем Вы уезжаете в Израиль? — продолжал взваливший инициативу на себя член.

— Так мама сказала, что уже пора, — не скрывая того, кто в его семье играет первую скрипку, признавался Сиробаба.

— Какие мнения? — озлобленно шипел Василий Степанович, вглядываясь в апатичные ряды членов своего бюро, будто бы у него уже имелась точная информация от чекистов и милицейских паспортистов, что кто-то из нас сейчас сообщит ему о дате и времени и своего отъезда в то же государство.

— Исключить немедленно, — свирепо и в тон ему заявлял член, который ранее заварил эту дискуссию.

Это он сейчас так не кудряво изложил проект предлагаемого решения. Но последующая практика работы в бюро показала, что в отношении подобных граждан в дни их прощания с комсомолом от членов бюро приветствовался любой выпендрёж, что всегда и удавалось с высоким качеством исполнения.

— Принято, что там ещё? — резко выдыхал Вася и с гневом смотрел на упрямую линию губ. Девушка тотчас отводила в сторону от первого секретаря неговорчивый взгляд:

— Рассматривается заявление Бык Олеси Орестовны...

В тот раз через кабинет Васи прошло немало граждан, и дни эти повторялись из месяца в месяц. Скажу без обиняков: некоторые юноши и девушки выдвигали такие мотивы своего выхода из ВЛКСМ, что Василий Степанович от боли и гнева взрывался паровым котлом. Их нелепые объяснения первый секретарь райкома комсомола принимал как удар серпом по тому месту, которое нельзя даже упоминать в заметке, смело претендующей на отложенную до следующего тысячелетия мировую славу.

Но случались другие сюжеты и часы, часы и дни, когда мы сидели на бюро, а на кабинет Васи набегала волна цунами. В её брызгах Василий Степанович предстал перед своими членами в отменном расположении духа и на польском языке себе под нос не произносил ни звука. В такие мгновенья в нём было что-то завораживающее. Безупречно воспитан, галантный и даже куртуазный Вася напоминал самого себя в день инаугурации. Один в один только вид сбоку, в смысле без фужера и лимона. Он демонстрировал энциклопедическую эрудицию, настоящую и без всяких таких кавычек культуру и доброупотреблял вниманием изумлённой публики на всю катушку.

— Почему Вы решили вступать в ряды ВЛКСМ? — вслушивались мы в мелодичные звучания первого понарошечного выстрела членов бюро.

— Хочу в первых рядах... — стартовала какая-нибудь Соня Ходасевич. Дальше больше. Про демо-

кратический централизм, ордена комсомола, как вы понимаете ленинский завет «учиться, учиться и ещё раз учиться»...

Соню прислал папа за путёвкой в институт, и она хорошо знала, что ответить... У неё была своя правда. Тут уж не до истины...

Время стремительно бежало вперёд, но стиль был таков, что любой стилист мог бы нам позавидовать. Этот стиль постичь удалось, ибо моя комсомольская карьера завершилась в ранге члена бюро ЦК ВЛКСМ.

А выше уже некуда.

МОНОЛОГ О РЫБАЛКЕ

Бродить с удочкой всегда приятно. Очень легко и занимательно удить рыбу, если ты имеешь необходимый опыт. А если его нет, то идёшь себе по берегу и делаешь то, чему тебя на личном примере научили солдаты. В армии этот метод обучения так и называется: «Делай как я!» И тогда в твоих руках сучковатая палка, которой лучше бы тёлочек гонять и управлять овечками, на её конце лески три метра с четвертью, деревянная катушка от швейных ниток вроде поплавка и крючок на крокодила. Форель в Карпатах мельче крокодила, но ты об этом ничуть не переживаешь, а идёшь себе по берегу, радуешься жизни и ждёшь, когда деревяшка вначале остановится, а затем рванёт против течения. Вот тогда и не зевай. Случаются зацепы или другие чудеса оптического обмана зрения. И тогда сдаётся, что не вода бежит, а поплавок вырывается из-под гнёта всех законов физики и ведёт себя неестественно дерзко. Но как тут без издержек? Всё равно добыча будет.

В тот раз я пошёл навстречу пожеланиям трудящихся, а трудящиеся мечтали к ужину обычному получить жареной рыбёшки в плюс. Так несколько километров и прошагал по буеракам. Под нависающи-

ми кручами, по галечным косам, каменным щелям, заболоченным прибрежным лоскуткам прошлогоднего камыша и трав. Место не для прогулок. Прошёл бы и больше, тем более что по-прежнему цел и невредим. Сил полно, погода улыбается, но добычи для солдат уже с избытком, а времени для повара уже в обрез. Словом, заботы о личном составе к той минуте уже проявил кила на четыре и на советы партии по поводу заботы о людЯх среагировал достойно.

Шёл месяц май. Солнце грело по-летнему. Ветер с маем не ладил, и за его порывами звук от собственных шагов до слуха долетал лишь эпизодически, время от времени. Свернул было к валунам, чтобы протиснуться в уходящую в небо щель, вскарабкаться на тропу и на заставу шагать уже по-людски. Вылез и перевёл дыхание. Теперь их увидел, остановил дыхание и замер, а потом уже понял, что это лоси: стоят и внимательно то ли меня изучают, то ли мой вещмешок с уловом на вес оценивают. Разглядывают молча, досконально и настороженно. Среди них и подростки, но есть и крупные рогатые. Первые с любопытством на меня глядят, дескать, как дела, что скажешь. Крупные — с заметным недоверием, рогами вертят недружественно и глубоко прерывисто дышат без всякой душевной теплоты и попыток завязать знакомство. На моё «утю-утю-утю» — рыбу не берут, глазами не моргают, не улыбаются. Будто бы намекают, дескать, гусь свинье не товарищ, а я чувствую уже,

что взлететь не смогу. Мышцы сжаты, мотор с перебоями, на крыле солдатский мешок с уловом висит, а разбега для взлёта даже вертолёту мало. Махну им приветливо сучковатой палкой во всю длину удочки — отойдут на пару шагов и останавливаются. Сделаю несколько шагов вперёд — снова ко мне притираются так, что ещё шаг ближе, и точно столкнут рогами с головы мою любимую форменную бейсболку зелёного цвета с кокардой и с козырьком антибликовым.

Набежало озарение, что соседи, к великому моему счастью, травоядные, но всё же отступил к береговой черте, конечно, только для лучшего построения своих боевых порядков. Хотя на самом деле это и не черта, а чёрт его знает что. Ни к одной из геометрических фигур и поверхностей, что в школе видел, и близко не приближается. Сусанин точно среди сего ландшафта чувствовал бы себя так, как на своих шести сотках. Но то Иван, а я пока ещё далеко не герой и даже не Иван. Продолжаю, значит, в состоянии полной мобилизации прокрадываться к пограничной заставе: скакать по камням, хлюпать по бездорожью. Так будет даже лучше, думаю, координацию потренирую. Это ведь полезно и для здоровья, и для будущих подвигов на уровне Сусанина пригодится. Когда ещё этим займёшься? Чёрт с ней, с тропинкой, и с этими сохатыми, думаю, пусть оценят моё мастерство растущее. Да и не поместимся мы с коровами на одной

тропинке. Здесь уже и толерантность моя выглядит, пусть и это заметят и запомнят себе, думаю.

Крадёмся дальше каждый сам по себе, но близко, почти плечом к плечу. Они по тропинке, я, как вы уже поняли, местами даже по обрывистому берегу, где даже крепко взяться за руки не с кем. В конце концов снова себя успокаиваю: они же с детьми. Пусть и это оценят, пусть знают, что советские пограничники не только в трамвае и троллейбусе перед бабушками и симпатичными женщинами в интересном положении с кресел срываются, но и лосихе с телятами дорогу всегда уступят, побеспокоятся о её семье.

Вскоре окончательно убедился, что так шагать мне даже приятней, потому что ещё и волков заметил. Подтянутые такие, интеллигентные и тоже неразговорчивые или, лучше сказать, скупые на слова, но зубастые и языки у всех до колен, нормально подвешены. Вчетвером они задумчиво сидели на пригорке и присматривали за тем, чтобы я лосей удочкой не поцарапал. Порой вдруг вскакивали живёхонько так и гуськом перебежали параллельно нашему маршруту вперёд, чтобы снова присесть, погрузиться в размышления и языки свесить. Терпеливые такие, учтивые. Облизываются. О чём-то перешёптываются. Пистолета у меня в тот раз чего-то не было. Зачем таскать лишний килограмм? — сами понимаете. Ну, думаю, наверное, полным рублём уже оценили мою склонность к миролюбивой дипломатии, поняли ребята,

что без пистолета я для них не агрессор. Об этом и шепчутся. Но по шелковистой молодой травке перебегают заразы, их лапам, наверное, комфортно и приятно, как на персидском ковре, не то что мне по кочкам да лужам. Задумался об актуальности одиночества в толпе, в стаде, в очереди, в электричке, о лишних людях в простой жизни, в классической литературе, в живописи, в кино, в партии...

Теперь у нас уже три коллектива. Один рогами выхваляется, другой языками изумляет, а у меня из внешних знаков отличия и доблести только кокарда на фуражке и резиновые сапоги на три размера больше. Удочкой рогам уже не угрожаю — геополитика не позволяет. С лосями я как бы акт о ненападении уже ратифицировал и в альянс ввязался на случай какой угрозы. Теперь мы с ними военный блок. Те тоже, вижу, ситуацию понимают, соображают и держат марку, видят, в чью сторону рогами целить, а в чью — хвоста достаточно. Думаю, что тут и волки в связи с изменением конфигурации общества, а также возникновением новой коалиции приближающийся ужин принялись заново выверять в калориях, индексировать его и пересчитывать с учётом курса рубля.

Но моя голова тоже исправно думает и считает не хуже калькулятора. Плохо это, думаю, что застава меня совсем не видит, а вот то, что я её уже вижу, хорошо. Неправильно это, думаю. Первое — неправильно, а второе просто отлично, что у меня зрение на все

сто, но если бы только первое было не столь отвратительно. Когда снял куртку и тельняшку, лоси решили чуть поосторожничать, думаю для того, чтобы по неосторожности не влезть в мои персональные данные. Волки, видно, тоже о заставе немало знали и понимали, к чему ведёт эта дружба, а потому, наоборот, стали бочком приближаться, чаще облизываться и остановились лишь тогда, когда я палку украсил тельняшкой, а куртку намотал на руку. Тельняшка была, правда, без полосок, а голубая такая тельняшка, как флаг у экологов, только зимний флаг, тёплый, с приятным на ощупь начёсом. Эта тельняшка и взлетела высь. Оторопели все наши поголовно: и лоси, и волки, и даже их несовершеннолетние дети. Может, про крейсер «Варяг» что-то знали и слышали или старшину заставы боковым зрением увидели, который задался целью весь наш коллектив расстрелять из ракетницы. Прямого-то зрения они от меня ни на миг не отводили, так что именно боковым зрением старшину зафиксировали.

Честно скажу, подумал сразу: «Ура-ура, свершилось! Целится в меня старшине бессмысленно. Это скандал и не меньше партийного выговора».

В тот раз из ракетницы лупил отлично подготовленный (по оценкам в журнале боевой подготовки) и необычайно умный для прапорщика человек. Однако зря я так вначале старшиной впечатлялся. Он мазал мимо и лупил точно туда, куда не надо, поджи-

мая серых «язычников» к исконно моему берегу, где даже лоси на правах аренды числились. Дымились, падая, ракеты и первая, и вторая, и третья. Не успевая сгореть, они подпрыгивали, кувыркались и догорали уже в траве. Волкам пришлось бесстыдно сутулиться и прижиматься к нам, наплевав на свою гордость, а затем трусливо покидать арену завязавшейся баталии в сторону леса. Лосям скакать в воду, перелезть на другой берег и рвать копыта из нашей дурной компании. Мне соображать, как бы последующие ракеты из неумелых рук не оставили меня без тельняшки, фуражки или головы...

Но всё закончилось очень хорошо и даже прекрасно, потому что нервы у каждого ни к чёрту, у прапорщика ракеты уже кончились, а волки, как вы понимаете, от водных процедур уклонились. Хотя вода в этой горной речке, как сейчас помню, оказалась совершенно чистой и приятной на вкус. Тогда я тоже чего-то надумал чуть освежиться, но даже улов для повара сберёг.

В тот день никто не хотел умирать, а на следующий — я должен был возвращаться во Львов. С утра пораньше побежал на пристрелянную поплавок и ракетами речку, чтобы настегать форели для дома и семьи, и быстро справился с задачей. В Карпатах продолжалась весна. Хотелось с кем-нибудь обсудить красоту природы этих мест. Найти теперь уже, например, злобного кабана. Или дерзко разбудить в берло-

ге того же медведя: чего спать, если весна и красота-то какая! Рассказать им о своих личных ощущениях, убеждениях, взглядах на погоду, природу, о красоте весны, о секретах ловли форели! Повесть им о дутых оценках старшины по огневой подготовке, о видах и назначении сигнальных ракет, о нашем поваре. А потом бежать, бежать, бежать изо всех сил на родную заставу, но обязательно по шелковистой травке, задыхаясь от весеннего восторга и счастья этих забываемых встреч, беззаботно и приветливо помахивая карпатским горам и весне своей удочкой...

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ

Простите меня великодушно, снова без форели никак. Царская рыба...

В этой шумливой речушке с водой ледяной и целомудренной, но уже не в Старосамборском, где волки и старшина мазила, а в Самборском районе области тоже славно ловилась форель. Речушку можно было бы и не вспоминать, но хотелось бы, чтобы вы знали, что солдаты тягали здесь форель почти что с крылечка сказочно-уютной погранзаставы. Вокруг казармы пограничников и выше неба поднимались крутые Карпатские горы, покрытые тёплым одеялом лесов. Однако в стылую тень от нависающего громадья гор на пятачок двора заставы в утреннее время без ватника и шапки нечего было и соваться. Зато уже в полдень весной, летом и ранней осенью картина менялась так, что броди себе по двору, хоть в трусах да в панаме, и радуйся солнцу и теплу. А ещё с этого пятачка пограничники не раз наблюдали, как поутру, словно домашняя скотина, через полянки и проплешины хребта проносились кабаны, лоси и олени. Знали, что по ночам вокруг заставы в поисках добычи проскальзывали рыси, а по диким малинникам безбоязненно топтались медведи, что ес-

тественным образом повышало и без того их высокую бдительность.

Весь комплекс заставы — новенький, уютный, и всё здесь было в красоте. Заставу иначе как «санаторий» или «пансионат» и не называли. Правда, линейка границы мало напоминала курортные тропинки, да и линейку тоже. На пиковые окончания флангов специально обученные кони соглашались взбираться лишь за буханку хлеба на брата (или на сестру), причём строго белого и нетронутого чужими зубами хлеба. Здесь даже специальные формы смастерили для его выпечки небольшими, как двойной кусок хозяйственного мыла, кирпичиками. А весь фокус состоял в том, что если новичок откусывал от кирпича даже самый малюсенький уголок, то лошади от угощения уже воротили морды, злились, презрительно фыркали и на границу идти отказывались. Даже подтянуть седло не позволяли, а самых отчаянных наездников скидывали на землю прямо во дворе. Подобные фокусы отработывались годами. Теперь солдаты с удовольствием подстраивали эти фокусы новичкам, а если среди незнаек попадался ещё и офицер из штаба, политотдела или тыла, то удаче радовались всем миром.

Зимой здесь снега наваливало так, что пятикилометровые фланги границы растягивались до полусуток борьбы с дистанциями. Но, если кому-то, будучи

в командировке, случалось просто побродить денёк-другой по заставе, да ещё в комфортное время, то трудностей представлялось на порядок меньше. Проверяющие так и говорили: «Вы на курорте живёте, в санатории служите, а этого не цените. У ваших людей причёски, как у фраеров, а лошади зажрались». О лошадях я уже рассказал, а о причёсках, что тут скажешь — швейное ПТУ почти рядом — вот и весь сказ. Потому и в жаркий полдень на пяточок здесь в кальсонах предпочитали не выходить. Выходили отуженными и одетыми, как на парад, а ароматами «Шипра» и «Красной Москвы» заметно злоупотребляли даже служебные собаки и кони.

А ещё мимо заставы в Польшу пробегала шоссейная дорога. Бойцы всегда посматривали на эту дорогу, хотя, конечно, реже чем в сторону ПТУ. Задумывались, зачем здесь рисовать на дороге разметку и ежегодно менять дорожные знаки, если по ней никто и никогда не ездит? И правда, зачем?

И вот однажды именно здесь в Польшу собралась ехать многолюдная комсомольская делегация во главе с секретарём обкома партии. А политика была такой, чтобы не только на уровне встретить, оформить и проводить гостей, но и вложить позитивный образ воинов границы в сознание этих транзитников — всевозможных маяков, передовиков и активистов.

Вот мы и взялись за бойцов, да так взялись, что даже подстригли всех ещё раз, хоть они отчаянно и

протестовали. Отрепетировали ответы на вопросы по политике, делам ВЛКСМ и планам КПСС. Тут ещё начальство приказало немедленно возгордиться всем краем, в котором «ты» служишь. «Ты» — это солдат или сержант. Им, приехавшим даже из Ульяновска или Пскова, требовалось не стыдиться Львовской области, а наоборот, гордиться ею и знать о ней даже то, что первый секретарь обкома партии, является кандидатом в члены Политбюро ЦК компартии Украины. Естественно, что сделанные здесь за пятилетку автобусы, телевизоры и снесённые курами яйца должны были в миллионах, тысячах и штуках от зубов отскакивать. Выучили, конечно, всё, хотя встречались и такие солдаты, что упорно гордились только Башкирией, где полно мёда, или Ульяновском, где, по их мнению, родился сам Ленин. Но наука убеждать сделала своё дело, и к приезду проверяющих все чётко называли площадь области в квадратных километрах, число орденов на её флаге и биографию руководителя, а о количестве яиц и молока говорили так, будто бы сами всё это время просидели в курятниках и на молочных фермах. Заставу вылизали и блюли её так, что слабый лист берёзы до земли не долетал и падал ровно на носилки. Вирус лакировки перерос в эпидемию, но больничного никто не просил.

Наш начальник политического отдела в порядке контроля объявился накануне, вихрем пронёсся по

всей территории и сказал, что мы вполне достойны его похвалы. Приказал только, чтобы стенд про Львов, кандидата в члены Политбюро ЦК компартии Украины, молоко и яйца поставили во дворе. И так его установили, чтобы ни одна муха из состава делегации мимо этого прекрасного зрелища не пролетела: «Это политический момент, — сказал он, — пусть видят, что мы и сами знаем, что нам защищать». Потом подискутировали о флагах: СССР, Польской Народной Республики и Украинской Советской Социалистической Республики. «Польский не так висит, проверьте немедленно, это же политика», — добрался он и до соседей. Сбегали за «Атласом офицера». Принесли. Висит именно так: белая часть полотнища в верхней части, красная внизу. Значит, висит правильно. «Плохо, конечно, что красная часть внизу, не совсем это поляки продумали, но если им так лучше, то ладно», — превозмогая себя, наконец-то согласился начальник с задумкой соседей, снова помянув о политике.

На рассвете подъехала колонна автобусов с возбуждённой песнями молодёжью и началось оформление документов. Позднее подкатили несколько «Волг» с руководством. Дежурный по заставе, приехавший сюда служить чуть ли не с Николаева или Жданова лишь накануне, «случайно» оказался родом из того же села, где рос и учился секретарь обкома. Им, конечно, было, что вспомнить... Совершенно

«неожиданно» выяснилось, что в ленинской комнате именно в это мгновение уже бурлит и закипает викторина «Как ты знаешь орденосную Львовщину?» Логично, что из запасов партийного вождя на её участников щедро посыпались наручные часы и электробритвы. А когда гости заглянули в коровник, то тут же напоролись на утреннюю дойку и зазвенели солдатские кружки. А на кухне поджидала новая удача, ибо повар вытащил из печки хлеб и пирожки с вареньем собственного приготовления, что, правда, варила жена старшины. Здесь снова все похватали кружки и принялись тереться о котлы теми по-чапаевски накинутыми белыми халатами, что ещё вечером привезли из какой-то местной рабочей столовки.

Время, сдобренное пирожками и байками о трудностях службы, пробежало. Ритуальное построение у кортежа перед пересечением границы с Польшей и прощание до самого вечера, душевные слова благодарности за приём и очередное напоминание о том, что односельчанина партийного секретаря необходимо немедленно отправить в отпуск, слились в мгновение. А поскольку всё прошло прекрасно, то наш политический начальник решил свою удачу в чужие руки не отдавать:

— Уважаемый Иван Петрович, — обратился он к главному партийцу, — разрешите получить Ваши замечания...

Так было всегда, если намеченное мероприятие проходило без сучка и без задоринки.

— Ну, что Вы, товарищ полковник? Что вы такое тут придумали? — удивился секретарь. — Спасибо за приём. Мы очень довольны Вашей работой, порядком, дисциплиной, солдатами, и я буду об этом докладывать Первому.

Затем призадумался и добавил:

— Только вот я никак не могу понять себе один политический момент. Причём здесь у Вас на заставе флаг Азербайджана? Из Азербайджана, вроде бы, никого у Вас я сегодня и не видел. Побратимы какие-то вы с ними, что ли? Чего-то я тут не пойму...

Взоры взметнулись ввысь: на флагштоках СССР, Польская Народная Республика, УССР ...или Азербайджан?

Вскоре уровень нашей политической зрелости взмыл до уровня обкома: нижняя треть украинского флага — голубая горизонтальная полоса, символ величия и красоты украинского народа и цвет знамён Богдана Хмельницкого. На азербайджанском флаге нижняя треть флага — сочная синяя полоса, символ нефтяных богатств республики на Каспии. Но начальник заставы, на ком все собаки тут же и повисли, из ситуации выкрутился мастерски, заявив, что тем флагам сто лет в обед от старости. Где чей флаг не поймёшь, а нефти в Карпатах и без Азербайджана немерено.

Вечером высокие начальники на заставу не заходили. Судя по их румяным лицам, возбуждённым голосам и жестам, в Польше до молока дело не дошло. В сумерках гордо реяли флаги: СССР, Польской Народной Республики и, теперь уже, Украинской Советской Социалистической Республики. В сумерках их уже трудно было различать, но третьим был точно флаг Украины. Голубая горизонтальная полоса на нём символизировала величие и красоту украинского народа, а также цвет знамён Богдана Хмельницкого.

До вечера по заданию выясняли число азербайджанцев-пограничников: нашли одного Бабасы Аббасова, прапорщика. Выясняли на всякий случай, но по заданию. Руководства!

Политический, чёрт побери, момент с этим прапорщиком у нас получился...

ЗА СЕБЯ И ЗА ТОГО ПАРНЯ

В нашей газете писали точно: «Служить в Краснознамённом Западном пограничном округе — почётно и ответственно!» Конечно, в Туркмении тоже безответственная служба никому не нужна. Там тоже почётно служить, да и хорошо там, тепло. Там дыни! А за Байкалом багульник цветёт практически у каждой сопки. Но в Прикарпатье, согласитесь, можно всё-таки продержаться без багульника и дынь.

Начальник войск округа всегда говорил медленно, тихо и так, будто постоянно прислушивался к собственному голосу и даже отчасти сомневался в своей правоте. Из всех известных ему слов предпочитал вопросительные местоимения с короткими прицепами к ним: «Где?.. В каком состоянии?.. Почему?.. Сколько вам надо времени?..» Он был сыном незалежного народа и лексическими познаниями мовы своего народа удивлял часто и точно так же неожиданно. Словно обухом по голове. Нет, вы не подумайте: физические оскорбления с его стороны никогда не применялись. А ещё генерал постоянно что-то записывал в крепкую и потёртую тетрадь, с которой он обычно не расставался. Кадровики тетрадки панически боялись. Они не знали, что там записано, а что в неё

не попало. Представляют Варенникова на вышестоящую должность, а тот, оказывается, однажды завис на турнике, как сосиска, и получил по гимнастике двойку, а тетрадь это помнит. Какое же здесь выдвижение?.. Хотят Галушкина в приказе к ответу призвать и наказать сурово, а тот с прапорщиком Ватрушкиным когда-то конюшню на заставе поставил всем лошадям на радость и без единого гвоздя! За счёт колхоза местного, разумеется, но и это у генерала зафиксировано. И снова невпопад получается, потому что Галушкину медаль нужно давать, а не выговор.

— Вы не знаете людей, — нередко повторял генерал, — а деньги снова получили за то, что вы их вроде бы как знаете. Кадровики докладывали ему ежедневно, и выходило так, что зарплата у них случалась часто и совершенно незаслуженно.

А ещё начальник войск округа страшно не любил замполитов, а щи любил хлебать, любил чайком баловаться и столь горячими, чтобы кипели они и в стакане, и в миске. В общем, сопровождающие его в командировках офицеры из-за приуроченных ко встрече с генералом роскошных обеденных столов уходили всегда голодными, как бобики, потому что пока у них щи стынут, начальник уже и с двумя стаканами чая разделается.

Мы готовились к торжественному открытию нового комплекса заставы, носившей имя легендар-

ного пограничника — Героя Советского Союза. В 1941 году, ещё 21 июня, она ничем не отличалась от десятков других застав и к тому же ещё была и с несчастливым номером. После одиннадцатисуточных артобстрелов и бесчисленных атак фашистов она стала знаменитой. Писали, что над горящими и уже захваченными гитлеровцами развалинами ещё долго-долго реял красный флаг. Может быть, так оно и было. А может быть, флаг был лишь идеологической огранкой подвига, без которой и подвиг оказался бы не таким ярким, как хотелось. Не знаю насчёт флага, так писали, но застава не отступила ни на шаг. Здесь в атаку на фашистов не ходили, «Интернационал» не пели: отбивались из подвалов, блиндажей и траншей. До последнего патрона.

Ну а мы уже ни от кого не отбивались. Мы всего лишь вывозили с территории новой заставы строительный мусор, красили спортгородок, ровняли бордюры, высаживали деревья и цветы и наводили общую красоту к торжественной приёмке военного городка.

Особое внимание уделялось обустройству памятника, где планировался митинг, и музея пограничной славы в старом здании заставы. Памятник представлял собой фигуру мужественного и сильного воина, погибшего в бою начальника заставы, ставшего Героем Советского Союза посмертно. Стараниями зодчих герой бесстрашно выходил из гранитной глыбы

навстречу смерти. Понятно, что взгляд у него был наполнен ненавистью к врагу, глубокой верой в правоту нашего дела и важностью миссии, выпавшей на его долю. На втором плане отдельным объектом мемориала из камня выступала фигура младшего политрука этой заставы, то есть замполита, героически погибшего в этом же бою. Он получился у скульптора скромнее ростом, но смелости и решительности в его стремлении поддержать своего командира в бою у младшего политрука было не меньше. Политрука нужно было понимать собирательным образом, олицетворяющим всех бойцов заставы, которые не дрогнули в самые суровые часы испытаний. Перед памятниками мы высадили уже распустившиеся цветы, а по флангам голубые ели.

За несколько дней до намеченных торжеств приехал генерал. В сопровождении менее крупных начальников он обошёл территорию и дал последние, наиболее ценные указания. У мемориала он простоял долго. Может быть, вспоминал первые дни войны. Может, сравнивал фантазию зодчего с теми картинами, которые он видел сам на крутых берегах Буга в июне 1941 года. Это неизвестно, а тогда он просто молчал. Пауза затягивалась, тревога нарастала... Молчали все. Наконец, начальник войск округа тихо спросил: «Это что?» А чуть промедлив, добавил: «Это застава имени Обоха?!» Свита напряглась... Тишина показалась пронзительной. Кто-то из наибо-

лее крупных начальников сопровождения более мелкого масштаба осторожно принялся за дубль доклада. Что, дескать, застава именная, а её начальник — герой, что памятник сделал такой-то архитектор и вот такой-то скульптор, а коллектив трудящихся завода имени такого-то, по производству вот таких-то деталей и механизмов отработал два дня лишь для того, чтобы перечислить вот такие-то громадные деньги на его изготовление и установку...

— Я спрашиваю, это что, застава имени Обоих? — медленно и тихо снова произнёс генерал, не обращаясь ни к кому.

Раньше я заканчивал украинскую десятилетку и язык, конечно, знал. Неожиданно для всех и себя тоже, совершенно неосознанно и точно так же, как и генерал, то есть, ни к кому не обращаясь, осторожно и тихо произнёс: «Обоих — это двоих. Одного и другого».

В звенящей тишине реплику услышали все, а потом заметили и её автора. Начальник войск округа с неподдельным удивлением принялся разглядывать младшего сына своего народа, наследника славы комиссаров. Присутствующие с облегчением вздохнули и с таким же любопытством принялись присматриваться ко мне. Внимательно присматриваться, будто бы я здесь и на самом деле никогда не служил, а минутой ранее прибыл к новому месту службы из Африки или высунулся из третьего гра-

нитного камня, который на заставу только что привезли, но ещё не установили.

Мне оставалось только взирать на пухлую тетрадку во всемогущей руке руководителя и демонстрировать основы строевой выправки.

— Обоих — это двоих, — медленно согласился генерал. — А у нас застава имени Одного, — ещё помолчал и закончил: — Здесь должны быть не ели, а бэрёзы. Россия — это бэрёзы. А бэрёзы — это Россия.

После слов таких он и уехал.

Праздник прошёл на высочайшем организационном и политическом уровне при активном участии жителей приграничья, гостей из Львова, Киева и Москвы. Ветераны не сдерживали своих слёз. Молодёжь клялась в верности партии и Родине. Начальник заставы выходил из гранита и продолжал свой натиск на врага. На его мужественном лице легко читалась ненависть к фашистам, любовь к Родине, готовность к самопожертвованию и вера в правоту нашего дела.

А рядом с ним нежными листочками и пушистыми кронами зеленели, трепетали и радовали гостей молодые стройные берёзки. Россия — это, прежде всего, берёзы...

К музею боевой славы заставы вела длинная кирпичная дорожка, обрамлённая рядами аккуратных голубых елей, а у самого его крыльца, словно экскур-

совод, гостей поджидал младший политрук заставы. Конечно, расстояние между героями обеспечивало зрительную связь и огневую поддержку, но на их доблестных лицах читалась какая-то грусть. Казалось, что вместе им было бы лучше и воевать, и умирать...

Можно было бы завершить рассказ размышлениями вокруг «гранита» и «границы», «долга» и «должности». Но, кажется мне, что в истории этой существовала какая-то загадка. Генерал начинал войну с первого её дня в полосе Киевского Особого военного округа на одной из 485 пограничных застав Рава-Русского направления, что по гитлеровскому плану «Барбаросса» должны были быть разгромленными в первые тридцать минут войны...

Что случилось, и случилось ли тогда на его заставе что-то — знал только он...

ШУРИН МИША

Мой шурин Миша страшно жестких правил и, может быть, поэтому рупор правды неизменно включает с полуоборота, надо это кому-то или нет. Горилкой он не пользуется, играть в шашки или там карты какие-нибудь не любит, политику ненавидит, но по-своему. Берусь утверждать, если уточнять в широком смысле слова последнее, так о политике он отзывается лишь скептически, иронически и совершенно неуважительно, хотя всякий раз цепляет к своим скупым комментариям исторические параллели, а то и меридианы. Это я всегда замечаю. Не знаю как вы, а мы с моим шурином вечно обитаем в условиях бурной политической заострённости по всем концам компаса. Шурин чуточку иначе размышляющий человек, хотя по жене и мой родственник. Меридианы у него не настолько исторические, чтоб упереться, допустим, инакомыслием князя Курбского в Ивана Грозного, а проще. Все они региональные и, в крайнем случае, заканчиваются если не в Бердичеве, то уж точно в Бобруйске и его пригородах.

В политике мой шурин такую себе моду взял: ни к одной политтехнологической науке не прислоняться. Обсуждается у нас, допустим, такая тема: будет ли новый президент Украины хуже старого? Все давай

кричать: не будет! Хуже точно не будет! А шурин всем им в ответ заявляет, что не стоит беспокоиться заранее, а уж тем более — потом. Будет, ясно, что будет! Коротенько так говорит, что сразу и не поймёшь: то ли новый президент будет, потому что прежний эти выборы продует, как макароны на солдатской кухне, то ли новый президент будет уж точно совсем никудышным. Деталей шурин Миша поначалу никому не комментирует, но потом оказывается, что угадал правильно. Постфактум он свою теорию, конечно, всем нам раскрывает, чтобы убедить, какой у него точный вариант был ещё на старте. Хитрый хлопец, как тот бердичевский парикмахер.

Среди моих знакомых, добрых и не очень, есть как минимум пятьдесят девять человек, которые считают моего шурина компаньоном, что надо и надёжным соратником на арене борьбы с закоснелостью. Он ни в каких условиях и думать себе не позволяет, чтобы ниже других перед кем-то прогнуться или даже украдкой кого-то лизнуть нежнее. Скажет, так сразу и наповал, сделает — будто хирург в первый день после института.

А ещё говорил мне однажды шурин, что ни разу в жизни не встречал толковых солдат. Все они только и думают, как бы оторвать лишний час от родины и приспособить его для сна и бесцельной развлекухи. Ну, с этим я на всякий случай даже и не спорил, потому что о солдатах, и правда, в газетах хорошее сочиняли лишь перед днём Советской Армии, а в ос-

тальные месяцы писали только в «Красной звезде». Да и что спорить, если шурина в Кременчуге в ракетчиках служил? Если враги на Красную площадь самолёты при нём сажали, то даже народу уже понятно, что ракетчики точно спят беспробудно, а потом себе ещё и медали перед дембелём выпрашивают, будто об удачной посадке на Красной площади совсем не в курсе. А сами ещё и по курилкам спорят: поцарапал Руст только кремлёвскую стенку или часы на башне тоже? Да и чекистское упрямство шурина к спору с ним никогда не располагает. Сколько мы не отговаривали его идти в КГБ, а он взял и записался прямо туда. Сказали ему Феликсовы дети, что возьмут к себе лишь через трудовой коллектив, так он сразу после школы и бросился на завод, зацепившись за токарный станок на целый год. (Это как раз там моих пятьдесят девять добрых знакомых и не очень числятся). Объяснили шурина, что дальше надо в юридический институт обратиться, а то всё равно в органы не возьмут. Так он и туда десантировался, а потом уже и в органы пролез, как в собственный погребок за закуской.

Встретились мы с шурином однажды в отпуске: он ещё студент, я уже лейтенант старшего. Лето под ногами и над головой стандартное, родня собралась по случаю нашего приезда, сели за малиной, под яблонями, столы, как у людей. Хорошо нам было тогда под яблонями. Это осенние сорта яблок над головой висели, а груши — да, они часто летели сверху, но не опасно — в сторонке падали. А над нами только яб-

локи и осенние. Так вот, столы. Сало там, на скатерти, холодец, колбаса домашняя, караси жареные, галушки в сметане, огурцы и малосольные, и на грядке, если вдруг рука со стола соскользнёт или задумаешь пересесть да над табуреткой промахнёшься. Чаю, конечно, на столах домашнего чаю, завались сколько. Его целый год варили, чтобы выстаивался на лимонных корках и травах. Соки, понятное дело, но уже не свекольные, а фруктовые соки вроде компота, булочки сладенькие, помидорки рассыпью... Одним словом, Украина! Нас же почти целый год родня толком не лицезрела. Языки, что понятное дело, развязались — дальше некуда. Сами знаете, как это в жизни бывает. Шурин, как и все, пьёт себе чай, но в аптекарских дозах, чтобы даже и в этом от остальных отличаться, хотя остальным уже и не интересно: какие там дозы, у кого, сколько там в этом чае градусов? А потом и нагрелся ли этот чай под яблонями или, напротив, остыл, потому что уже вечер. Безразлично уже всё. Кого так и на песню или в сон потянуло, а шурин мне и говорит: «А знаешь, тебя даже солдаты хвалят, что даже для меня странно».

— С чего бы это? — удивился я вопросу, как грому в тумане. То есть резко удивился, как бы в ожидании подвоха. Сам же говорил мне когда-то, что все солдаты ни в дугу, ни в пургу, ни в Красную армию, и на тебе! Хотя вполне неосознано предчувствую, пришла, пришла-таки и ко мне буквально рухнувшая с неба слава. Он-то ростом чуть повыше меня, хоть и шу-

рин. Так что слава действительно может сейчас рухнуть только сверху, а не наоборот.

— И что? — спрашиваю, а у самого после таких слов даже слёзы умиления наворачиваются, хотя пока ещё даже не пойму, к чему бы это?

— Так со мною учится студент, который рассказывал, как ты его в его солдатскую бытность среди дремучей ночи горячим хлебом угощал. Человеком с большой буквы назвал тебя, не берусь даже сказать, с кем в историческом плане сравнивал. Из его слов сразу понял, что мой зять, то есть ты, его от голодной смерти спасал. Потом я и признался, что общался он не просто с каким-то старлеем, а с моим зятем... А солдат толковый. Умнейший солдат, — продолжает мой шурин, — в общежитии мы с ним в одной комнате живём. Все вахтёрши в общежитии прямо поражаются этим солдатом. Мы, говорят, такого солдата в жизни ещё ни разу не видели, хоть он и бывший, — ещё больше размяк шурин, прихлебывая подлинного чая.

А в том эпизоде с солдатом, по сути, так ничего и не случилось. Для проверки ночного пограничного наряда на заставе Нижанковичи мне вместе с одним из пограничников пришлось несколько километров пробираться по раскисшей глине дозорки. (Был бы там шурин Миша — возмутился бы невыносимо и вычеркнул бы из головы весь позитив о моей службе).

На обратном пути, то есть уже после проверки наряда, уровень бдительности пограничникам разрешалось снизить и прошагать те километры централь-

ной улицей села. И тогда нам с тем солдатом среди ночи пройти мимо пекарни обычным шагом было невыполнимо. Аромат свежеспеченного хлеба покрывал село так, что даже местные собаки нас не хотели видеть и лаяли лишь на пекарню. С буханками горячего хлеба кого мы только не встречали в ту ночь: то участкового милиционера, что, говорили, по ночам к одной засидевшейся в девках продавщице ходит, то бросившего свой пост у сельсовета сторожа, а то даже и пьяного мужика, что и сторожу неизвестен. Может быть, он даже какой-то заблудившийся здесь шпион иностранной разведки, но с горячей буханкой в руках тоже, что, согласитесь, вызывает лишь гордость за наших отечественных хлебопеков.

В том случае любопытным оказалось лишь одно. Солдата хлебом я по-отечески и бесплатно накормил на советско-польской границе в Нижанковичах Львовской области. Моя слава об этом достигла ушей шурина в бывшей столице Украины — Харькове, о чём я узнал почти что на административной границе с Россией — в Сумской области, хотя к тому времени уже служил в городе-герое Киеве.

А у шурина Миши, кстати скажу и вспомню его ещё раз, чекисты сразу заметили склонность к прикладной философии и поставили его именно на тот участок, где это требуется. И он успешно справлялся со своими задачами до предпоследней революции в новейшей истории...

НА МИННОМ ПОЛЕ

По газетным передовицам гуляли призывы о том, что отчёты и выборы в комсомоле не какая-то очередная остановка в пути, где и передохнуть можно, а настоящий боевой смотр на марше. Об этом писали на всю страну, но мы эти слова услышали во Львове. И принялись изо всех сил готовить боевой смотр на марше в отдельной инженерно-строительной роте. Надо сказать, что в этой части пограничники в формальном смысле этого действия никогда и никуда не маршировали. Рота в названии, но людей там так много, что любой батальон позавидует. Строили ребята что-то лучше, что-то хуже, но задачи выполняли успешно и среди других строительных частей округа гляделись пристойно. В той дружине бойцы на полигонах и в дозорах не мёрзли, а в основном орудовали лопатами, ломami и мастерками да кистями помахиwали и в зиму, и в лето, и в дождь, и в снег. Здесь собралось немало и суровых ребят: уже побеждавших в кулачных боях со своими сослуживцами за явным преимуществом, когда-то попавшихся командирам на глаза со стаканами вина или как-то ещё отодвинувшихся от норм комсомольских правил и морали, что и привело их, по сути, в «стройбат».

К этому собранию мы старательно всё взвесили и предусмотрели. От космической высоты справедливого вознесения на пьедестал самых работающих бригад и смен, трансляции пластинок с наиболее модными песнями о партии, тундре и БАМе до красочных диаграмм и столбиков тысяч кубометров своевременно или не-впопад застывшего бетона, досрочно и правильно или с кривыми опозданиями абы как уложенных плит и кирпичей. «Просветили» каждый угол и добрались даже до точных процентов с тысячными хвостиками после запятой в направлении перенедовыполнения планов. Прописали фамилии, чьи обладатели быстро копают, хорошо пилят и клеят или, наоборот, прикрываясь острыми респираторными заболеваниями, а также бульдозерами и рубероидом, к выполнению планов не стремятся, а в удобных случаях тянутся к сивухе и продолжают лепить друг другу грубые замечания с постановкой на вид. Отполировали и причесали речи ранее утверждённых ораторов. Одним ребяткам-активистам продиктовали, что им требуется озвучить от «а» и до «я», другим — сваяли тезисы собственноручно с примерами и лицами или привнесли туда слова Ленина, Горького, Крупской и их ближайших друзей о прекрасной нашей молодёжи. Работали так, как того и требовало начальство.

Неохваченным при подготовке к этому форуму молодёжи у нас оказался один лишь командир части —

майор, втрое толще и вдвое старше меня, смертельный страх и ужас солдат-каменщиков, маляров и штукатуров, гроза уже «отличившихся» жуликоватостью прапорщиков, неподкупный могильщик квартальных премий мастеров, прорабов и бухгалтеров. Хотелось с выступлением помочь и майору, но он всячески аргументировал свою чудовищную занятость или носился по объектам и в части не показывался.

И вот зажурчали слова, сопровождающие боевой смотр на марше. Настала минута, и командир роты вскарабкался за трибуну, навалился на неё своей стапятидесятикилограммовой мощью и совершенно нетипично для него, а наоборот, затравленно, как бы с мольбой, сожалениями и извинениями в глазах окинул взглядом гостей из райкома комсомола, предприятий города и военных начальников. Он не привык выступать, да он никогда и не выступал. Он лишь строил, требовал, ругал, хвалил, утверждал, наказывал и награждал. В этом он был профессором. Тем не менее майор открыл рот и хотел было даже что-то произнести по существу вопроса — похвалить, например, призвать или нацелить, но теперь лишь огорчённо махнул рукой. Затем помолчал ещё и наконец всё же себя переборол.

— Хожу я тут из-за вас (далее могло бы стоять, но по известным причинам уже не стоит слово, обозначающее даму распутного поведения во множественном числе из запретного списка Роскомнадзора), как

сапёр по минному полю, — начал майор своё приветствие собранию. — Хожу и думаю, где у нас рванёт сегодня? Где вчера рвануло, но мне пока ещё не доложили, надеетесь, что пронесёт? Не пронесёт! (Тут могло бы стоять предложение из одного неблагопристойного слова и восклицательного знака при нём.) Узнаю всё не сегодня, так завтра! Нас трясёт, товарищи солдаты! Трясёт, как на вулкане, и днём и ночью. Вы работаете на объектах, как военнопленные, и скоро свои собрания будете проводить не здесь, а на гауптвахте...

Если по мне, так лучше всех на собрании всё-таки выступил лидер комсомола роты — прапорщик, опытный воин. На том посту он служил давно и чувствовал себя смело. Здесь он уже набрался наглости, строго и по делу понукал нарушителями, новобранцами, растяпами, прапорщиками слабаками, а то и офицерами, что не случайно побаивались его близости к начальству, мускулатуры и непредсказуемого яростного нрава.

Потом наш начальник политотдела резюмировал мне с ехидной усмешкой, что мероприятие в целом удачное, но не очень сильно яркое из-за выступлений, хотя, как по мне, так почти все говорили складно. Секретарю райкома комсомола, его инструкторам и шефам с завода «Электрон» всё самым расчудесным образом очень понравилось. Ржали ведь все, да и наш начальник тогда слёзы от смеха утирал дваж-

ды, пока майор про военные опасности своей службы рассказывал примерно так, как и начинал свою речь. Очень образно рассказывал, с фамилиями и примерами. Правда, затянул майор, выбился из регламента. Зато при его словах даже командиры взводов и самые отчаянные нарушители застёгивались на все пуговицы и записывали его слова в тетрадки. Точно так тому и требовалось.

Видно, начальство из политотдела уже потом мнение о наших титанических усердиях переменяло и подкорректировало его в сторону снижения. А может быть потому, что после отбоя, в сушилке, в день того собрания неслабо покритиковали одного толкового активиста. Даже в санчасть попал парнишка, а ведь с трибуны он всего лишь и сказал, что его бригада обязуется теперь давать полтора плана в месяц, а не один план, как это у них было раньше...

ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ

В каждой воинской части офицеров видимо-невидимо, но помощник начальника политотдела по комсомольской работе всегда один. «Помпоксм», как секвестрировали его для удобства отражения в ведомостях на получение патронов и гранат, обязан всегда быть в авангарде. В арьергарде для помпоксм приветствовалось лишь убытие с работы. Явиться в часть позднее начальника значило «отбывать номер». Ещё хуже для помпоксм было, если о проделках комсомольцев он узнаёт позднее начальствующей над ним особы.

Вот взять, к примеру, рядового Сонькина. Чего-то обиделся он ночью на ефрейтора Васькина, а потом ещё размахнулся кулаком да и врезал тому в правое ухо по такому случаю. Утром докладываешь о ЧП, а шеф бушует от собственного ума и широты административных чувств, выговаривает с такой обидой, будто бы это ему в ухо врезали: «Как прекрасно, что Вы об этом хоть сейчас что-то услышали и теперь скупно делитесь со мной своими мыслями и впечатлениями. Я, признаться, на это даже и не надеялся. Конечно, оперативный дежурный доложил мне о существовании происшедшего инцидента в два (три, четыре —

нужное подчеркнуть) часа ночи во всех деталях и принятых им мерах. Дальше мне уже не спалось. Мне слышался шум дождя (раскаты грома, вой ветра, рёв вьюги, шелест опадающих листьев). И всё это время у меня в голове крутился (маячил, вертелся, гнезвился) вопрос: есть ли у меня помощник по комсомольской работе или он уже самодемобилизовался? Ну, что ж, спасибо за весть... Как говорится, лучше в свинячий голос, чем в зарплату мимо кассы».

Наши люди теперь стали трезвее. Считают всё: деньги, льготы, минуты перенапрягу, часы дежурства, индексы интенсивности или отгулы за прогулы. Даже устав в алгебру перевели и обнаружили его новые волнующие возможности вместе с неувязками. В погоне за Нобелем выяснили, например, и утверждают, что слово «инициатива» в сочетании с приставкой «разумная» в уставах встречается лишь четырежды. Зато слово «ответственность» — 107 раз! Вот она наша наука, вишь, куды сегодня долетела? А тогда ответственность измеряли только арифметикой, да и то без калькулятора, а в столбик. Зато помощник начальника политотдела по комсомольской работе мог даже с командиром части о жизни инициативно почирикать.

— А у меня, товарищ полковник, подчинённых в общей сложности лишь на 211 человек меньше, чем их у Вас, — щебетал помпоксм.

— Как на 211? — хитро хмурился седовласый вождь.

— А так! 211 человек, товарищ полковник, это все Ваши коммунисты и несоюзная молодёжь, — довольно сообщал лейтенант. — Остальные мои комсомольцы, а ещё четырнадцать из числа Ваших сейчас в комсомол готовятся и рвутся, да и коммунисты к нашему берегу в выборные комсомольские органы ужасно тянутся, так что можете остаться ни с кем...

Доверие начальников и постоянная причастность ко всему и вся позволяло нам позиционировать себя видными вождями и уберегало, что тоже важно, от нападков поросших мхом подполковников-инструкторов. Те искрили кругозором лишь ближнего боя: подвернётся случай, и чего бы ни отправить лейтенанта-комсомольца за билетами в театр, открытками в «Союзпечать» или в лавку за пряниками? Лейтенант ведь под рукой...

— Ты мой помощник, помощник начальника, а не заместителя начальника политотдела и, тем более, не старшего инструктора, — учил меня шеф. — Что я тебе поручу, то и делай, а не поручу — так не мешай мне работать. Будешь нужен — найду!

Такой аванс позволял, где надо, его цитировать. Впрочем и там, где не очень надо, тоже. Но если тот оказывался в командировке, то мои привилегии с остервенелой радостью забывали не только подполковники, но и престарелые майоры. Вследствие этого обозреваемые события приключились вполне прогнозируемо, когда за начальника главным в политот-

деле остался древний, как черепаха, и хитрый, как лис, подполковник Сэм или Суськин Эдуард Михайлович, о котором, правда, ничего хорошего больше вам сказать не могу. Добавлю о себе: я стал бесправным и покорным, доступным для любых задач и чихов, а также и другой ерунды всех тех, кто выше ростом.

Наша исключительно миролюбивая внешняя политика в тот день потребовала страстной реакции на очередные агрессивные действия наших лучших врагов где-то в районе Вьетнама. И тогда от Сэма мне последовала неясная по своей глубине и точности задача на митингах эти преступные козни со всей строгостью заклеить так, чтобы всем им стыдно сделалось, а об итогах клеймления сочинить доклад в округ. В выборе исполнителя этой затеи он ничуть не колебался, а тему пояснил по своему разумению: «Сегодня на всех заставах организовать митинги в поддержку многострадального вьетнамского народа. Осудить, как положено, все эти гнусные дела империализма, а списки комсомольцев, что хотят немедленно на войну, в телеграмму и мне на стол к восьми».

На попытки уточнения деталей Сэм реагировал надменным взглядом. «А если что не так — не наше дело, как говорится, Родина велела...» — но это не Сэм, Окуджава Булат так сказал, но в тот день Сэм с ним был заодно. Сэм больше ничего не сказал и не мог сказать, он страдал клинической манией вели-

чия, зазнайства, высокомерия, самомнения о собственной значимости и исключительности, о чём я тогда уже подозревал, но его ещё недооценивал.

Взялись за дело вместе с Валерой, с Валерой Кахарским, о котором у меня ещё будет возможность вам рассказать. На просторах Львовской и Волынской областей локомотив комсомольской организации части в деле вербовки на войну достойных парней стремительно набрал скорость, сметая на своём пути не только шлагбаумы и стрелки, но и станционных смотрителей в лице начальников застав. Всё пошло ровно так, когда требуется посеять ветер. Допустим, вот вы, например? Хотите посеять ветер? Да? Что будет, помните? Всё пойдёт точно и по известному сценарию.

К нам посыпались фамилии и вопросы о порядке отъезда. Мы переводили уцелевшие стрелки на Сэма, но Эдуард Михайлович с непричастностью сытого питона молчал или переводил стрелки вспять.

— Комсомольцу звоните, он скажет, когда ехать и кем ваших поваров и водителей заменять. Он всё знает, — комментировал Сэм. — Детали все у него, а само дело, да! Оно у меня на контроле!

Молодёжь пребывала в поднятом до победной истеричности состоянии духа. Списки вытягивались. Сомнений в том, что мы оставим чужой народ наедине с агрессорами, не существовало. Установился беспрецедентный уровень консенсуса с ним, и батальо-

ны требовали огня. Инструктор политотдела по комсомольской работе сержант Валера Кахарский донесения о добровольцах принимал всю ночь. (Срочника жена дома не ждёт, а отоспаться и днём сможет). На пишущей машинке, где потерялась буква «ж», а вместо «а» сидела криво напаянная «л» Валера высекал проект доноса в Киев. Заявил на митинге, например, Коля Баядин из Чувашии, что не прочь чуток повоевать. Кахарский так и пишет: сершлнт Блядин Н.И — повлр 15 злстлвы. Затем в букве «ш» карандашом добавит нежную перемычку — и есть «ж», а по «л» искусно пройдёт лезвием от «Невы» и тем же карандашом — и есть «а»! И нет ничего проще! И лишь нам, корифеям комсомольской письменности, эти операции были подвластны.

Уместно припомнить, что баек вокруг того агрегата витало немерено. Офицеры влёт находили шареных среди жареных или чесали языками вокруг шёпота и жёпота. В отдельных случаях для подъема авторитета этого механизма букву «л» они читали как «п», а «ж» подлинной не признавали или засчитывали её в качестве «м» и добивались тем идеально непристойных фраз, где фигурировали даже известные в части фамилии офицеров и молодых женщин-служащих. Конечно, все эти изыскания носили дёгтемазный характер и преследовали цель свалить на наш директивный политотдел весь вздор, бред сивой кобылы и другую невероятную чушь. А сама машинка

здесь не виновата. Она на балансе уже не числилась, платить за её ремонт не разрешали, а другую никто нам не давал. Да и Валера до призыва в Киеве жил на площади Победы у цирка. В цирке, как вы знаете, фокусы котируются высоко, и потому он печатал только вслепую и лишь на этой машинке. Другим агрегатам он не доверял — он их панически боялся.

Поздним вечером о кастрированном алфавите пришлось забыть. Мне позвонил сам Владимир Павлович, товарищ полковник и начальник штаба. Он как-то дотошно и нестройно выяснял, от кого я получил поручение и в каких формулировках происходила его презентация. Затем тренькнул химик-дозиметрист и просто мой друг Вовка, старлей с поплавком академии химзащиты. Тот долго чего-то рассоливал про погоду, а затем совершенно секретно намекнул, что по его данным, полученным от кристально честного солдата-телефониста, утром меня скинут с поста «за смуту». Трезвонили и другие товарищи, чтоб участливо или ехидно уяснить, как, мол, дела и что нового? Позднее позвал сосед по подъезду, подполковник, заместитель начальника штаба, хороший человек. Кликнул к себе, потому что его супруга Неля сготовила манты, которых так много, что и девать некуда. С мантами закончили разбираться в два ночи. Тогда там всё и прояснилось.

На такси поехал домой к Сэму, поскольку он с телефоном в ту ночь враждовал. Сэм свою идею об от-

правке комсомольцев на войну дезавуировал, лапидарно обозвал меня кем-то вроде мистификатора и очень осторожно больше не сказал мне ни одного слова. Правда, уже утром дополнил, что задачу ставил вроде как и не он. Вспоминал, что разговор от кого-то действительно слышал, чтобы «комсомольцы» переписали фамилии ярко выступивших на митингах бойцов, зафиксировали наиболее красивые обороты их речи в адрес братского народа и подготовили те бриллианты в округ. Об участии в войне подполковник оказался не в курсе. Теперь Сэма можно было видеть насквозь, даже не прищуриваясь. Сэм умело вертел слухами, на голубом глазу и с тем же надменным и бесстыжим видом долдонил, что он якобы сказал, что за этим подразумевал, хотел сказать, но не вспомнил, о чём подумал, но не изрёк, потому что нормальному человеку всё и так понятно, а кто перепутал — ясно. Сэм хорошо знал себе цену и никогда не возводил напраслину на себя. Он её возводил на других.

А дальше у нас так ничего и не стряслось, хотя все его с большим нетерпением ожидали. А посему и у меня кульминации в этой поэме не будет, пусть её автора критикуют и за это. Вернувшийся из командировки начальник политотдела от каких-либо объяснений отмахнулся, заметив лишь, что в моём возрасте Че Гевара уже носил бороду. Начальник штаба Владимир Павлович при встрече всегда мне

радовался, как сыну, ухмылялся, а однажды в бане даже проговорился: «Сколько служу в штабах, а с политотделом разобрался впервые в жизни. Надо же, как повезло». Командир части пару раз на полном серьёзе интересовался, не планирую ли я в ближайшее время каких-либо новых военных кампаний. Мужа Нели Михайловны перевели в Киев, а соседа химика-дозиметриста Вовку — в Москву. Сэм уволился, а спустя непродолжительное время вместе с начальником политического отдела отряда мы тронулись к новому месту службы.

Более двухсот ребят до окопов и траншей Вьетнама так и не добрались и встречали дембель в непобедимой комсомольской организации прославленной пограничной части на просторах Прикарпатья...

КАПИТАЛЬНЫЕ ВЛОЖЕНИЯ

На семинар по марксизму-ленинизму лёгкий, как майский вечер, и шустрый, как шмель, влетел майор из политотдела. Он влетел не один, а вместе с роскошной чёрной шевелюрой и портфелем, приветствуя бархатистым тенором и персональными рукопожатиями тех офицеров, что сидели вдоль его маршрута к трибуне, куда, как и должно профессионалу его уровня, он подобрался с заметным опозданием. Конечно, персональные рукопожатия в этом какой-либо роли не сыграли. Задержка требовалась исключительностью положения майора, его миссией мудрого наставника, посла и верховного жреца от политического отдела нашей необыкновенно прославленной части. Взлетев на трибуну, майор с лучезарной ленинской улыбкой заботливо осмотрел аудиторию и тепло приветствовал всех собравшихся теперь уже в целом. Затем он извещил, что сегодня он собирается порассуждать с коллегами об итогах съезда КПСС, поговорить об экономике, в части касающейся капитальных вложений, и в ответ на это немедленно натолкнулся на непродолжительное, однако конфузливое молчание...

— Ну-с, друзья мои, — с очаровательным превосходством в голосе выдохнул майор из политотдела,

подчёркивая этим, что на такие же непролазные завалы знаний, как у него, например, здесь рассчитывать некому, и он об этом прекрасно осведомлён. — Все, небось, слышали, что для материально-технической базы коммунизма нам потребуются огромные капитальные вложения и на съезде много говорили именно об этом?

— Все, небось, слышали, ...много и на съезде чего-то говорили, — согласились все чьим-то хорошо поставленным трагическим баритоном.

— А что же это такое «капитальные вложения»? — принялся поджигать интерес к теме лектор, настраивая голос для исполнения своей партии мягким и задушевым лирическим тенором. — Кто нам осветит вопрос?

Ни один офицер выдвигаться в электрики пока не пожелал.

В классе сидели раскрепощённые майоры пенсионных лет из когорты командиров учебных взводов, редкие, но уже седые капитаны и закрепощённые, на вид потерянные лейтенанты, занимающие такие же, как и у майоров, посты, будучи, однако, на старте своих карьерных дистанций. Первые после столь головоломного зацепа лектора раскрепостились, ещё шире и снисходительно заулыбались, последние — съёжились, осмотрительно втянули головы в плечи и воткнулись в брошюры и тетрадки.

Никто не хотел освещать.

В воздухе на какое-то время повисла тягучая тишина, но в глазах лейтенантов вскоре зардели огоньки, а затем и языки пламени неотвратимой ответственности и состязательности. Чистые и смутные мысли, умноженные на печальный личный опыт предыдущих семинаров, подсказывали — к барьеру требуют именно их, лейтенантов.

Внезапно в последнем ряду из тесного рукава уже немало отслужившего в нашей прославленной части кителя вверх взметнулась рука. И пока опешивший от такого крутого поворота событий лектор пытался поверить самому себе и тому, что эта рука действительно принадлежит майору пенсионного возраста, по крайней мере, половина зала облегчённо вздохнула. Вторая половина зала точно так же, как и роскошная чёрная шевелюра наставника и посла политотдела оторопела, ибо рука принадлежала майору Колоде, тот теоретически мог говорить лишь о майоре Подколодке, а Подколодка сейчас на занятиях не было...

Борис Порфирьевич Подколодкин был беспартийным, чёрт его знает с какого года после мутных событий в кафе «Ласточка», на месте которого уже давным-давно стоял Дом быта, но к занятиям и новым знаниям тянулся всегда. Давняя дружба связывала и цементировала Подколодкина и Колоду: то ли один из них ещё в лейтенантские годы увёл у другого невесту, то ли выпросил у приятеля велосипед, чтобы съездить в город, а затем по причине незна-

чительного опьянения внегарнизонной свободой вернул его со значительными механическими повреждениями. Все знали, что что-то было, а что было на самом деле — знали только единицы, но и они молчали, потому что в кафе «Ласточка» в тот приснопамятный день был полный аншлаг.

Колода поднялся со стула и победительно окинул взором коллег.

— Так вот! — начал он. — Не сойти мне с этого места, если я вру. Сегодня утром дежурный по части майор Подколодкин при докладе командиру нашей боевой части о дисциплине и внутреннем порядке в гарнизоне за истекшую ночь так капитально вложил мой взвод и взвод майора Сметанина, что мы со Сметаниным и старшиной роты прапорщиком Кузякиным Василием в кабинете замначштаба уже полдня сочиняем объяснительные.

Вот ведь какие капитальные вложения у майора Подколодкина за душой буйно водятся, что уж тут нам о партии и о съезде после этого говорить. Даже и не знаю, что вам и ещё сказать, товарищи...

— Неправильно Борька сделал, напрасно он так, хотя это на него и сильно похоже, — загудели майоры.

— Мог бы и затупить Борис Порфирьевич, — хихикнули довольные лейтенанты.

— У вас, Колода, никогда порядка не было, хоть капитально закладывай Вас, хоть не капитально. Вы же с Кузякиным у него в каптёрке в шахматы и в нар-

ды режетесь чаще, чем в своём взводе бываете, — вынес свой вердикт прокурорским тенором в металлической оправе майор из политотдела с трибуны сверху. — Да и со Сметаниным у Вас, как говорят, в последнее время опасный тандем наметился. Не удивлюсь, если вскоре ваши жёны прибегут к нам в политотдел. Ваши вложения туда, куда вы сами знаете, скоро обгонят ваши зарплаты...

Вон на прошлой неделе у связистов чёрнопогонников в нашем гарнизоне просто головокружительный спектакль случился. И это не фигура моей задуманной и подготовленной речи перед вами, товарищи офицеры, этого в конспекте нет. Это реальность! Один подвыпивший прапорщик у них там полдня по плацу кружился, всё дорогу домой разыскивал, пока там и не упал и не получил сотрясение того, что у него в голове ещё осталось.

А сейчас весь политотдел у наших соседей на ушах и командование целыми днями думают, как это дело повернуть? Думают: вылечить его и уволить, или сразу уволить и пусть теперь сам лечится без всякого участия политического отдела и командования части...

Майор из политотдела громко клацнул застёжкой портфеля, извлёк из него тетрадь, шмякнул ею по трибуне, поправил причёску и со стартовым куражом и энергией понёсся по её страницам, пренебрегая возможностью дальнейшего обострения дискуссии...

3. Зеленауа. Канитель. Триптих

Эскиз I. ТЬФУ, НА НЕЁ, ТОВАРИЩ МАЙОР

Нашего кадровика, хитроумного любителя шуток армейского юмора и нарочито театрально-флегматичного майора звали Василий Григорьевич. Числился у него среди самых давнишних и коротких приятелей другой майор – штабной службист и тоже Василий, но Андреевич. И были они как день и ночь. То есть Василий Андреевич – полная противоположность нашему кадровику. Он крайне серьёзный, сдержанный, до чрезвычайности осторожный, страшно мнительный, порой нерешительный, но вместе с тем очень корректный и правильный майор, который, однако, совершенно не принимал и не понимал никаких шуток всякого такого юмора. Он всегда умудрялся оставлять юмор без внимания и с демонстративным неодобрением пренебрегал анекдотами даже про прапорщиков, беспутных комсомолок или начальников нашей страны, речи коих конспектировал взахлёб, в засос и с прочей каллиграфией. В то же время в нашем коллективе были люди в наше время, что вместо «здрате» неизменно представляли публике свежий анекдот. Водились и такие, что, лишь только услышав слова «послушайте новый анекдот», принимались авансированно скалить зубы,

поскольку знали, на что способен тот или иной мастер этого популярного жанра.

Василий Андреевич формально, конечно, подчинялся духу коллективного внимания к анекдотчикам и даже выслушивал их вплоть до точек или скабрёзных оборотов речи или многоточия на конце, которые, как правило, излагались реальными звуками и легко переводились в буквы. Но в собственно коллективном хохоте даже об Анке-пулемётчице Василий Андреевич участия не принимал ни мимикой, ни жестом. Он лишь отчётливо краснел, чеканно замыкался в своём футляре или уходил. И даже когда наш лютый командир позволял себе на совещании неожиданно отпустить нечто этакое уморительное и гоготали даже те лейтенанты, которых он только что обругал чуть ли не дураками, Василий Андреевич не улыбался. Он лишь как бы прислонялся сбоку к этому публичному восхищению командиром, как бы подтверждая факт, что командир, о чём бы ни рывкнул, всегда в десятку, а в целях консолидации всеобщего приличия в аудитории хихикал однократно и сжато. Вот так: «Хи» и снова смущённо краснел и опускал глаза. Сведениями о том, хихикал ли майор Василий Андреевич дома или в магазине, например, раскатисто или длинно, по правде думаю, вряд ли кто был в курсе.

В дружбе двух Василюев была некая чудаковатость, о которой даже сейчас вспоминается с чувством не-

доумения. Один без шутки не мог открыть и рта, другой глядел на неё, как голодный волк на морковку. Что их могло объединять? Одинаковое воинское звание или когдатошня многолетняя служба в качестве начальников соседних пограничных застав? Наверное, существенно лишь второе. Несомненно, майорам не раз приходилось друг друга выручать. Известно ведь, что пока у начальства чего-то допросишься, у соседа всегда можно занять, взять, сменять всё и на что попало, начиная от автомашины с водителем, тонны колючей проволоки или поросёнка и заканчивая стопкой крышек для закатки огурцов или книжкой про индийскую любовь и слёзы для жены, чтоб меньше донимала. Сколько раз они друг у друга были в гостях с семьями или без, тоже неизвестно, зато известно было даже партийной комиссии, что сиживали они многократно, продолжительно и в то заставское время, когда соседями были, недурно. С этой стороны фундамент для дружбы вроде был, и цемента в нем было замешано по норме. А с другой — посудите сами: уж больше чем первый майор Василий Григорьевич никто так не потешался над другим майором Василием Андреевичем. В этом неясность и состоит.

Однажды такое у нас дело случилось. После многолетней службы начальником заставы, кстати сказать, образцовой, Василия Григорьевича поставили начальником кадров всей нашей части, о чём я уже

вам сообщал в первых строках. Рванул он во Львов, где проворно понял кабинет и двери, и принялся вершить судьбы. А вскоре нам чего-то приказали переходить на усиленную охрану границы, что и требовало откомандирования на заставы офицеров для оказания помощи границе. У Василия Григорьевича была такая задумка, чтобы попасть в командировку на ту заставу, где пока ещё оставалась его семья. Это получилось, приказ на выезд офицеров он сочинял сам, но надо вам заметить, что на свою родную заставу он мог попасть лишь одним путём: через ещё более образцово-показательную пограничную заставу, которой по-прежнему продолжал руководить его сосед и практически друг Василий Андреевич. В обозреваемое время Василий Андреевич не просто отменно руководил заставой, но и ожидал перевода в штаб пограничного отряда, что в нашей стране, как вы понимаете, без отдела кадров никак не происходит. Так майор-кадровик очутился на плацу у своего бывшего соседа, выступив на допетровский асфальт из клубного автобуса-кинопередвижки «Кубань».

— Ну, здравствуй тебе, Вася, как долетел? — встретил его пожизненно учтивый и осторожный майор Василий Андреевич.

— Начало правильное, товарищ начальник заставы, меня поприветствовали первым, хвалю! Но неудачное начало, с уставом никак не пляшет, а там пишется про доклад и его содержание: «Застава, сми-

но! Товарищ майор, за истекшие сутки на заставе происшествий не случилось или случилось то-то, то-то, признаков нарушения Государственной границы СССР не обнаружено. Начальник заставы майор... Ну?.. Вспоминайте».

— Василий Григорьевич, так я же по-свойски, по-соседски...

— В свояки теперь ко мне все липнут, да у жены одни братья, а у меня шурины. А по-соседски, товарищ майор, это пачку соли или... бутылку, — тут он чуток задумался и продолжил, — ...да, ...бутылку подсолнечного масла, товарищ майор, до завтра по-соседски это ссудить можно. Дружба дружбой, а табак, сами знаете как дальше, хоть вы теперь сдуру и не курите...

План у меня такой намечен, товарищ начальник. Сейчас я подробно заслушаю Вас по обстановке на границе, затем обед, если додумаетесь предложить мне обед. Чтоб и ветчинка была, помните, Вы её на май коптели на вишнёвых ветках и ушица свеженькая... Да, и пусть ещё (тут он уже пошёл короче) твой Метюков, повар, поджарит хлебца с чесночком, на маслице, как тогда, помнишь, когда мы ещё эту долбаную радиостанцию с райисполкомом Пересолей и его бухгалтершами на рыбалке посеяли. Помнишь, потом ещё твой шофёр Андрюха еле-еле нашёл её у Петровича. На воротах чего-то мы её тогда повесили, тот их открыл, а она в бурьян упала, помнишь? Ты При-

хотько хоть наградил чем-то за это? Да, а рыбу ж сейчас ловите? А те девки приезжали ещё? А то та, что толще, мне комбайн с такой мясорубкой обещала, что и гвозди на кнопки перемелет.

— Да что ж вы, товарищ майор, кнопки глотать собираетесь? Ловим рыбу, наградил выходным вне очереди, если надо вызовем и толстую, я бухгалтеров знаю, где найти. Всё есть, и уха тоже, Василий Григорьевич, как раз сегодня Приходько и ловил рыбу со старшиной.

— А вот это снова, товарищ майор, не надо. Меня надо бояться, а не фамильярничать с кадрами, — остро отреагировал кадровик на свою метрику. — Потому что потом будет тебе ещё и обход территории, изучение содержания помещений для проверки порядка. Понимающие девки тогда были, хоть и бухгалтера, надо бы тебе им про мой комбайн, начальник, напомнить. Порядочные бабы, я бы их себе в кадры всех забрал.

— Да какой же обход территории, товарищ майор! Вы ведь знаете здесь каждый угол, как у себя дома, — мягко покраснел Василий Андреевич.

— Знаю-то, знаю. Дома у меня пока во Львове нет, не надо меня нервировать своим незаслуженным передо мной преимуществом. Ты меня тоже знаешь. У меня для тебя пакость сделать возможностей хоть куда! А контроль нужен! У нас в отряде все безобразия от бесконтрольности происходят, говорил на ин-

структаже командир. И это правильно! Я его поддерживаю в этом. Вот в этот журнал, — затряс он перед начальником заставы таким дипломатом, какой однажды Василий Андреевич видел только в райкоме партии, — все Ваши недостатки лягут по ста сорока позициям! Так нам приказано!

В общем, беда да и только наступила для нашего любезнейшего майора Василия Андреевича, и, что там, в канцелярии, происходило потом, до нас история в подробных деталях так и не донесла. Донесла лишь, что были они там долго, что недостатки в службе проявились на раскрасневшихся лицах, что начальник заставы всё-таки получил шанс исправиться, поскольку во время обеда потом бесконечно ссылался и многое обещал, как например: «Да разве это задача? Тьфу, на неё, товарищ майор. До утра вычешем и коня, и кобылу! Если хотите прямо щас позвоню в «Сельхозхимию», начальник, чтобы ко мне в баню лишний раз попасть, не пожалеет и жену парикмахершу! Возьмите-ка лучше кусочек гусиной печёночки, её Варвара Николавна жарила, очень вкусная, рекомендую я её Вам».

Василий Григорьевич брал гусиную печёночку, но напирал и твердил, что начальнику заставы для наведения порядка нужен уже не только терапевт. А глазник нужен, потому что куда не кинь, всюду недогляд. Хозяин заставы без конца оправдывался, аргументировал и отнекивался, но выпивали вместе.

Вечерело. Начался обход территории. Теперь Василий Григорьевич позволял себе называть Василия Андреевича уже строго на «ты» и без всякого апломба «Вася», как в почтенные годы многолетнего соседства. Тем не менее, он продолжал активничать, тщеславиться и утверждать, что подобных замеченным у него провалов не позволяют себе даже детсадовские завхозы. Начальник заставы продолжал свою оправдательную песню. Утверждал, что для устранения недостатков в хозяйстве ему врачи не нужны. Интересовался: для кого его Варя ужин готовила? Для кого баня давно истоплена? Сильно хвалил начальника отдела кадров, сравнивал его с какой-то знаменитой на всю область ясновидящей бабкой из Дрогобыча, что крепость водки угадывает сквозь стекло, а аппендицит и грыжу сквозь кофту, шубу и кальсоны. Согласился лишь с тем, что у него глаз, да и то разве что один замылился, а перевод его в штаб надо заметно убыстрять и без глазника. А у товарища майора из кадров отряда другой глаз, свежий, как у живого, и он этим глазом убыстрить перевод всегда может и должен это проверить, как надо и как полагается.

Как бы то ни было, но из бани они выбрались за полночь...

Конечно, Василию Григорьевичу можно было бы избрать самый простой путь домой: с десятков километров на автомашине заставы по тыловым просёлкам, но он лёгких путей никогда не выбирал. Он

предпочёл трёхкилометровый пеший марш на свою родную заставу по линии границы, для чего и получил двух солдат сопровождения с автоматами, потому что ночь, во-первых. А во-вторых, чтобы несли его дипломат и подарки для семьи. Тоже важно. Получил он и пароль для правильной встречи с пограничными нарядами, вроде как, например: «Мушка» — «Москва».

И надо справедливо вам сказать, что насобачились они с теми ста сорока пунктами, начальником заставы, банями да проверками за день так крепко, что пароль из головы у Василия Григорьевича чего-то сразу и вылетел. Пошёл он впереди своей команды лично, добро, что помнил здесь каждую кочку, ложбинку и места службы пограничных нарядов своего отечества в части касающейся его родной заставы. На дальних подступах к каждой из засад ночную тишину шинковал именем нового начальника заставы, своего сменщика по двадцать раз только он — Василий Григорьевич:

— Шелбыкин на заставе? Шелбыкин на заставе? Шелбыкин на заставе?.. — и так до тех пор, пока из-под куста не раздавалось:

— Так точно, товарищ майор! На месте!

— Хорошо-о-о-о, Биленко (Черненко, Красненко, Синенко и т.д.). Твоей службой я доволен!..

Голоса друг друга они знали, как Отче наш...

Эскиз II. ДАЛЬНОБОЙЩИКИ

Новый зампотех пограничного отряда майор Селиванов оказался редким педагогом. Самозабвенно раскуривая папиросу и смахивая древесно-махорочные опилки со своего кителя на мой, он вещал по церковному вкрадчиво, но доходчиво. Из его монотонной проповеди я уяснил, что автомобиль имеет привычку ломаться. Майор также отметил, снова закуривая «Буреломкэмэл», что автомобиль «Газ-66» практически железный. Водителей он назвал неприличным именем существительным во множественном числе, заметив, что те думают лишь о том, как бы сломать это железо или изловчиться и усыпить бдительность офицеров только для того, чтобы самим скорее и крепче уснуть за рулём. Констатировал, что делают это шофера неизменно, изобретательно и каверзно. Правдивость отрицательных примеров из безупречно положительной биографии майора вызвала некоторые сомнения. Казалось, что после тех переплётов, передряг и катастроф, в которых Селиванов, с его слов, уже побывал, человеку, будь он даже зампотехом, выжить было бы неосуществимо. Ему оставалось бы разве только что навеки оседлать инвалидную коляску или озаботиться идеей суицида во

благо своих же родных и близких. Но на майоре с виду не читалось отпечатков нахождения ни в горящем бензовозе, ни в сорвавшемся в пропасть танке, ни в пикирующем в трясиину грузовике, и это изумляло. Кажется, Селиванов мои сомнения сфотографировал, это ему сильно не понравилось, и он тут же атаковал меня через всяческие люфты рулей, уровни масел и иных жидкостей, ревизии тормозов, мыслимые и немыслимые скоростные режимы и др. Винить было некого. На всё это я нарвался сам, потому что в современную практику обнаружения симптомов «засыпания» солдата и его разоблачения в этом Селиванов был давно и беззаветно влюблён. Очевидно, что собаке Ивана Петровича Павлова, да и самому академику у майора здесь было чему поучиться. Поэтому я хмуро, старательно и безмолвно писал указания зампотеха в тетрадь, и такое отношение к делу теперь уже ему пришлось по душе.

— Красная строка, лейтенант, или, как говорит наш начальник штаба, полный абзац, — умничал Селиванов. — Пишем внятно и разборчиво, с каллиграфией и большими, ровными буквами. Перед каждым, каждым подчёркиваем, троганием с места показать левый поворот, и тут же, тут же подчёркиваем жирно, через зеркало заднего вида немедленно убедиться в отсутствии...

Отсутствие и присутствие, наличие и отличие, чередовались с уверенностью, неуверенностью и само-

уверенностью, а заканчивались одним и тем же словом «разгильдяйство». Голосом Левитана, снова поджигая свои вонючие опилки и стряхивая пепел в опасной близости к моим локтям, он заключил:

— Груз ты везёшь типа секретного, а его утеря несопоставима со службой твоей в нашей части прославленной. Усекай!

Машину я получил до рассвета и так рано, что своим появлением явно напугал дежурного по парку прапорщика, который в это время никого в целом на Земле видеть не собирался. Потом оказалось, что мы с водителем плескались на одной волне, потому что несколькими минутами ранее он уже успел немало перепугать неодетую в части касающейся отличного торса фельдшерицу санчасти, куда пришёл свидетельствовать о своей трезвости. Фельдшерица наводила себе всеобщую и секторальную красоту и потому без личного одобрения своего зеркала пока ещё не собиралась видеть никого из особей противоположного пола. Ни больных, ни водителя, ни дежурного по парку и даже не лейтенанта медицинской службы Аверьянова, в которого, как говорили, она была успешно влюблена уже четвёртое дежурство подряд.

Оперативным дежурным в этот день выступал тоже майор, тот ещё шутник, кадровик и, как мы его величали за глаза, «товарищ провокатор». Вы его однажды уже и до этого встречали на заставе у майора

Василия Андреевича и знаете, что начальник отделения кадров у нас — человек не одноклеточный. Он человек фактурный и не линейный. Но время брало своё, в кадрах он уже заматерел и стал многогранным, нечитаемым, опасным, хотя и по-прежнему равноудалённым от любых неприятностей, возникающих не без его участия. Буркнет, бывало, кадровик, и как бы невзначай буркнет мимо пробегающему лейтенанту: «Здоров, Пилюгин. Ты что ещё служишь, разве и не в каталажке ещё?» Пилюгин останавливается... А майор безразлично слушает его невнятный лепет, что-то выясняет, уточняет, выпытывает, потом уже называет лейтенанта Петькой и вдалбливает ему, что было бы с Пилюгиным, если бы не его забота и никем не осязаемая его бескорыстная помощь. Другого лейтенанта за необразцовый внешний вид сначала отругает поносными словами, пристыдит, пригрозит даже жёну в кадры позвать на беседу и сделать ей нахлобучку за это. Потом прикажет лейтенанту пойти домой и переодеться в парадку, а затем как бы великодушно простит его за допущенные оплошности, да и отправит в клуб фотографироваться для Доски почёта части, куда тот и так уже попал по приказу командира, но приказа пока ещё ни один человек в глаза не видел.

После бессонного дежурства майор выглядел разлохмаченным.

— Ну, что лейтенант, — начал предрейсовый инструктор дежурный, — допрыгался? Жалко нам терять молодняк, кто нас менять-то теперь будет?..

Сообщил с сожалением, как всегда нешуточно и безразлично.

— Что же ты дальше, соколик, думаешь делать-то? Как говорят у нас в политотделе: «Честь коллектива — твоя (здесь могло бы стоять, но уже не стоит нецензурное слово) честь». На гражданке сейчас совсем хреновое дело, да и кому ты там нужен, — подытожил майор и вопрошающе окаменел...

К неубиваемому авторитету Василия Григорьевича в отряде всем приходилось относиться осторожно и внимательно, как к импортному техническому устройству без инструкции и с незнакомыми кнопками управления. Мне в голову чего-то пришёл ефрейтор Чухвастов. Ночью обошли мы вместе с дежурным все закоулки — нет его!?! Снова заглянули в казарму, а тот уже дрыхнет и причмокивает. Утром ефрейтор заявил тогда твёрдо, что «стирал хэбэ в бане, на часы не смотрел и вырубился сразу». Старшина ехидно заметил, что брехня это полная, но на всякий случай по пустяку такому вверх мы, конечно, не доносили.

— Ну, если вы, товарищ майор, о самоволке, так её-то как раз у нас и не было, — осторожно подобрал я, как оказалось, совершенно неуместную и неудачную формулу защиты.

— Ха! А чем же ты теперь мне докажешь, что само-вол-ки, — равномерно распределил он тяжёлое ударение по всем слогам сразу, — не бы-ло?

— Так я же всех проверял, а Чухвастов, ефрейтор, вроде бы после отбоя стирался в бане, — вlepил я ошибку глупее прежней.

— Ну, «вроде» или «не вроде» — это уже нам решать, — мгновенно обрадовался кадровик. — Докладывать надо. У нас уши длинные, а руки всегда лежат на пульсе времени, — он картинно выпрямил плечи и победоносно обозрел дежурку.

Из пяти лампочек люстры в озарении напряжённой пограничной службы четыре — участия не принимали.

— Надо быть принципиальным, всем проявлениям недисциплинированности придавать особую остроту и звучание, — завёл известную всем свою заезженную песню майор. — Сидим мы как-то с командиром, чай попиваем: то о рыбалке, то про погоду, а потом о работе, даже не знаю, но с чего-то вдруг завелись. А полковник мне и говорит: «Надо, Вася, за этим лейтенантом присмотреть. Совсем зелёный, но, может быть, толк с него когда-нибудь в перспективе и получится». А я ему и отвечаю: «На этот раз ты прав, Паша. В этом я тебя, пожалуй, поддержу и займусь этим пацаном. Что-то в нём есть, пока даже и сам не знаю что. Но слово моё крепкое, и ты это, Паша, знаешь».

О тебе лейтенант говорили, заруби себе на носу, знай, кто у нас кто и с кем... В рейсе, — завершил он напутствие уже далеко не душевным тоном, — обо всём докладывать мне и только мне. Мы и Хвастухаева на губу загоним, и тебя (здесь во время корректуры или вёрстки выпало nereкомендуемое к использованию короткое слово, что теперь уже поправлять поздно) за сокрытие самоволки партийной комиссии отрекомендуем, чтобы не испортился. Всё сделаем, если меня не будешь слушать. Ха-ха-ха...

Утреннее солнце уже пробилось сквозь пелену облачности к параллелям и меридианам фруктовых садов, капустных полей и виноградников. На мостах машина вздрагивала дважды. Видимо, тех, кто укладывал асфальт, мало забавляло, совпадёт ли он с поверхностью моста или нет. Ощущение ответственности за успешное продвижение боевой задачи накладывалось на звуки бесперебойной работы двигателя. Водитель засыпать не порывался. Об этом его предупреждали и таблички на панели: «Водитель! Не спи за рулём!», «Сел за руль — получил боевой приказ!», «Скорость в населённых пунктах — не более 30 км/час, вне населённых пунктов — не более 40 км/час», что толкало на математику по части арифметики в пределах 200 километров до конечной точки.

Сельские магазины запомнились полками, где поглядывали друг на друга пряники и Сервантес, селёдка и галоши, халва и оцинкованные вёдра. Впереди

было ещё много километров, мостов и пряников. Под тентом кузова, в зелёных ящиках, затаилась радиолокационная станция под названием «изделие». Ему были противопоказаны чужие взгляды и дорожные кочки, а служба предстояла на берегу Дуная.

Мы знали, как ехать и куда ехать, но не знали Ильи. А доярки, как узрели его «крейсер» с мотором в лице кобылы Райки, так и соскочили с насиженных мест, потому что они Илью знали. Но начальница не трясла у него перед носом часами, а таскала бидоны наравне со всеми. Илья был колхозником одарённым. Его дар проявлялся в появлениях, а появлялся он там, где явление происходило. Мальчишек ли на колхозной бахче поймали с поличным, свадьба ли на хуторе у Матрёны или же кому-то автолавка телевизор по записи привезла. Илья знал толк во всём: как пионеров-расхитителей социалистической собственности наказать, какие слова сказать молодожёнам, в чём достоинства именно этого телевизора. Так сложилось, что Илья никогда не жил ни по закону, ни по совести. Он всегда жил по ситуации. Выпивал Илья мало, но часто, и если это были не поминки, то брал гармошку. За это его любили, а за то, что учащённо прикладывался, был он, несмотря на годы, Ильёй без отчества. Но даже и без отчества он сообразил сразу, что именины у начальницы уже начались. И Илья тут же вспомнил, как он её когда-то носил на руках...

Как рассказывали потом люди, в дороге Илья по началу пел, а когда песни кончились, то от усталости уснул. Известно точно, что только хомут не пустил его Райку в кабину нашего «Газ-66», безразличные к жизни бидоны веером раскатились вокруг перекошенной телеги. И лишь один из них сохранил преданность Илье, отдавая ему нежность своего молочного тепла. «Беларусь», что неведомо откуда взялся и произвёл на Райку столь яркое впечатление, какую-то минуту ещё тархтел вдоль обочины. Затем умолк и он, тарашась по сторонам своими растопыренными фарами. Мы с ужасом рассматривали Райкины полустёртые зубы и вдыхали дух её дыхания. Собаки взбунтовались, видимо, только потому, что сидели на цепях и хотели видеть то, что видела Райка. Думаю, что картинка, открывающаяся собакам, имеющим прописку в ближайших дворах и возможность приветствовать подлинных героев этой истории, стоила того, чтобы быть снисходительными к их великолепному лаю. Водитель сатанел по причине разбитого стекла и фары, на которые неподвижно и злобно косился, поскольку в опасной близости от кабины яростные па вытанцовывали большие небритые ноги в неаккуратной обуви с истоптанными набойками. Партбилет пока ещё лежал в кармане, и это радовало.

Удручённый покой, бесперспективность бытия и патриархальное равнодушие заполняли почтовое от-

деление от некрашеного пола до потрескавшегося потолка. Система заказа межгорода напоминала о спекулянтах, кучкующихся у мебельного магазина. Сперва молодая и не сильно соблазнительная рыжая телефонистка записала номер телефона, число минут и жёстко запросила предоплату. Потом от неё посыпались незнакомые словечки, междометия, цифры. Понятно было лишь то, что Даша должна была дать Наташе, а что дать и почему ей — непонятно. Но в кабинку с затёртыми, но читаемыми непристойными сообщениями и короткими характеристиками местных дамочек, скорее всего брачного и репродуктивного возраста, я попал раньше, чем надеялся на это.

— Товарищ майор! Извините, что звоню, Вы же сами сказали, кому докладывать... У нас с машиной чэпэ, — отрапортовал, представившись.

— Какое чэпэ, какая машина, — сквозь треск и скрип слышался недовольный голос уже сменившегося с дежурства майора.

— Ну, чэпэ, переднее стекло, фара и габариты... Остальное нормально.

— Почему чэпэ? где чэпэ? время? место? координаты? убитые? раненые? пути эвакуации? кому доложено? кем и когда?!

— Так целые все полностью. Там, товарищ майор, лошадь из-за трактора и водитель... Тьфу, ну в общем, старший повозки пьяный... Совсем, в нас въехал... Стекло и фара разбились...

— Пьяный наехал на нас, а мы на него не наезжали?! — почти обрадовался кадровик. — Хо-ро-шо-о-о!.. Ну, так расстрелять его немедленно!

— Как, расстрелять, товарищ майор?!

— Как обычно! Пьяного кучера с гужевого транспортного средства повышенной опасности расстрелять установленным порядком, — отчеканил уже проснувшийся майор. — Расстрелять за баней!

— Не понял, товарищ майор, связь плохая, не слышно...

— Расстрелять! Ещё раз говорю и повторяю по буквам, лейтенант: Раиса, Анна, Сергей два раза, Тимофей, Раиса, Елена, Лена, Яков и Тимофей с мягким концом, — отбарабанил, будто из пулемёта, майор.

После паузы он добавил ещё что-то про зампотеха, скомандовал, что сказать новому дежурному, как искать милицию, что подписывать нельзя, а что ни в коем случае не подписывать даже за ящик винограда и под пытками и, наконец, смилостивился:

— Ладно, кучера пока не расстреливай, я потом решу, что мы из него сделаем. Выдам тебе потом оружие для этого, именно, — смягчил он свою твёрдую позицию по ранее поставленной задаче с мягким концом.

Мне подумалось, что Райку майор вспомнил дважды. Повесил мокрую трубку, с облегчением вздохнул и подошёл к распахнутому окну.

На площади нарастала разноголосая толпа, и я подумал, что пытки состоятся, как и предрекал майор.

Некоторые из селян держали в руках садовые инструменты или твёрдые предметы домашнего обихода. Некоторые — ничего в руках не держали, а крепкие мужики держали рядового Сычёва, который путами на руках намекал на славные дела Прометея, хотя перед Зевсом он ни в чём не проштрафился и даже не жил в те давнишние века и годы.

В центре сквера на траве сидел и виновато крутил мокрой от молока головой Илья. Низкий женский голос с вкраплением для связки слов элементов дилетантского мата не толерантно транслировал своё мнение относительно взглядов нашего майора на Илью. Нестройная, несоблазнительная и противная рыжая телефонистка, а это была именно она, на самом деле обладала даром публичного красноречия. Она надрывно и громко цитировала нашего майора, добавляя всё новые и новые аргументы и факты, совершенно не представляя себе, на какой неубиваемый авторитет занесла свой злокозненный язык. Содержание речи выводило на мысль о том, что наш междугородний разговор её подслушан лишь фрагментарно. Но это дела не меняло, а людей прибывало. И лишь теперь я заметил, что здесь я один как перст, если не считать беспечно распахнутый ящик кассы...

Я подошёл к засиженному мухами и оттого кажущимся старинным стенду с ценниками и выстроенными стройными рядами открытками о праздниках и юбилеях, о женщинах, о пионерах, о партии и о Ле-

нине, почему-то в самом нижнем ряду. Праздник сегодня мне уже не светил, и я решил только для отвода взгляда посмотреть сначала в глаза партии, а потом уже и в свои усталые глаза.

Партии я был безразличен, Ленину, как казалось из его хитрого взгляда на детей поверх моей головы, тоже несимпатичен. Себе я пока ещё продолжал нравиться, но уже не столь беззаветно. И тогда я решительно ступил в дверной проём почтового отделения, где мгновенно поймал глазами взгляд рядового Сычёва. Здесь я понял, что назад у меня пути уже нет, а впереди меня уже скоро может и не быть.

— Мадам, у вас сейф и касса нараспашку, — всё-таки успел я вжаться в стенку входного тамбура, чтобы не быть сбитым с ног рыжей доносчицей и не погибнуть еще до начала центрального сражения.

Затем я спустился на ступеньку вниз, ещё и ещё ниже, обдумывая на ходу комментарии к тем словам, которые не произносил, а рыжая не дослушала до точки...

Эскиз III. У ОПАСНОЙ ЧЕРТЫ

Бывают ли такие расчудесно-прекрасные дни, когда у пограничников не все дома? Бывают. Командир и начальник политотдела укатили в Киев на Военный Совет, чтобы лучше понять, как поднимать эстетику службы. Штабной начальник — за экзотикой на границу, где что-то не так, а надо, чтоб наоборот было. А в гарнизоне главным один, как волк, засел разведчик. Ну что с него взять? Резидент, он хоть и полковник, даже и тогда, когда у нас все дома, сидит безвылазно в кабинете да плетёт себе всякие, как говорят, затейливые интриги со своими проплаченными шпионами против тех шпионов, что ему неподотчётны ни в рублях, ни в грамотах, ни в знаках воинской доблести. А может, просто сидит и уговаривает, склоняет, например, шпионок? Печенья и варенья у нас в солдатской чайной всегда полно, да и он мужик с виду волевой и симпатичный.

Пришёл я на службу, как обычно, спозаранку, где, ясное дело, нарвался на чуточку знакомого вам, но уже сосредоточенного и внимательного, впрочем, как обычно, труженика наших кадров. Тот маячил на плацу ровно между штабом и санчастью под видом интеллигента, дожидаящегося трамвая. В то же время

он и не абы как там стоял, а уже служил, хотя рабочий день ещё не начался. В этом начальника кадров выдавали майорские погоны, которые бывают и у интеллигентов, но редко. (Добавлю, что у нас среди майоров интеллигенты есть, но трамвай по территории части не ходит). А во-вторых, наш Василий Григорьевич в последний период был совсем без ума от увлечения фотокарточками тех, кто является на службу вовремя или, лучше даже сказать, чтобы это было не совсем. И в каком состоянии фотогеничных красок они приходят с утра, ему тоже важно было знать точно. Хобби такое у него сформировалось с недавних пор, но многие его уже на себе ощутили. Втянулся наш майор в фотодело, хоть службу бросай. Но плац бросить никак не может. Даже в дождь наискосок мимо вмурованных в брусчатку автопокрышек переместит свой силуэт под навес солдатской курилки, закурит там без всякого удовольствия чужую сигаретку, конечно, и треплет её бывшему владельцу о трудностях жизни. О том, например, как продуманно и последовательно он бросает курить. Как эта процедура у него материализуется, как растут его доходы от сокращения оптовых и розничных закупок табака, а сам щёлкает, щёлкает, щёлкает по сторонам глазами, словно затвором фотоаппарата, мигает шторками спаренных объективов и крутит плёнку дальше. Она у него никогда не кончается. Даже в метель и в туман.

Может быть, вы и так помните, но всё же черкну вам несколько слов о кратком содержании предыдущих серий. С начальником отделения кадров, а я к тому времени был уже помощником начальника политотдела по комсомольской работе, мы стояли друг друга. Он это понимал, но ничего с собой поделаться не мог. Причина в том, что я только недавно выбрался из первой лиги и переехал из заставы в отряд, а он играл в высшей лиге уже года полтора. Встреча с Василием Григорьевичем, будь то для кого, как правило, начиналась из ничего, с той же сигареты, например, но всегда завершалась при невероятном аншлаге. Харизматический мужчина и опытный полемист, он всегда знал себе цену. Знал всё и обо всех, но тайны хранил не хуже Мальчиша-Кибальчиша. То, что у кадровика в голове были только оглушающие разум идеи, а тормозами он не пользовался, я, конечно, уже всецело понимал и был, как мне казалось, настороже.

Вот и в тот день всё начиналось прилично. Для начала майор окинул меня наполненным подозрениями взглядом и сфотографировал. У него подозрительность, язвительность и самоуверенность всегда при себе.

— Ну, что, комсомол, чего так рано? Не спится тебе или дома не ночевал, может жена отставку дала? — спросил, целясь как-то вкривь, будто бы не в меня, а в кусты шиповника, что отделяли курилку от санчасти.

— Да нет, Василий Григорьевич, спится хорошо. Всё хорошо. А рано, так работа, поручения, дела, надо...

— Кой хрен тебе ещё надо, если из начальства сейчас никого нет? — с улыбкой удивления посмотрел на меня майор, словно на НЛЮ. — Лови момент. Мог бы сейчас чем-то более толковым и приятным заняться, а то стоишь тут ни свет ни заря, да ещё и чихаешь в мою сторону. Всю мою обороноспособность подрываешь на хрен в подлиннике. И на общее наше здоровье в коллективе тоже плюёшь, — крепко затянулся он дымом, закашлялся и озарил плевком сквозь зубы заросли стриженого шиповника.

— Так вчера под дождь попал, Василий Григорьевич, простыл, потому и чихаю. Вы же меня сами остановили, сейчас уйду, чтобы Вас не заразить.

— Э-эх, молодёжь пустоголовая, за что вас в армии таких бестолковых держат, откуда вас таких берут?

— Так здесь же всё ясно. В нашей части, Василий Григорьевич, всех бестолковых кадры подбирают. Они знают, «откуда взять», — смело пошутил я.

— Ну, ты орёл! Только гребешок петушиный. У нас кадры всем занимаются, выше кадров только начальник кадров — я и командир! А ты мне с самого утра мелешь: уйду, пройду, заразить, зарядить, засадить... Чёрте что. Да я в твои годы работал так, что земля под ногами горела! Я в твои годы, комсомол, если когда и болел, то только чем-нибудь для офицера

почётным! Полученными с большим риском от девок, например, причём в служебное время заработанными болезнями болел... Мы и служили, как надо, и не служили, когда хотели. А служил я так, что официантки и гардеробщицы друг дружке зубы выбивали только за то, чтобы сопроводить меня под своим зонтиком до такси, например, или до автобуса. А вы все на работу бредёте, как крепостные, смотреть тошно. Что за мода пошла?.. Ты хоть со мной советуйся чаще, я тебя всему научу. Один ум — хорошо, а два — сам знаю, тебе по штату пока не положено, а штаты у меня в сейфе, головой думать надо.

Судя по концовке можно было понять, что Василий Григорьевич мою дерзость насчёт кадров уже простил, хотя это на него и не было похоже. Вероятно, я бы узнал и другие подробности о шалостях юности нашего кадровика, его романтических похождениях и производственных заболеваниях, но тут на ступеньках штаба обнаружился уже известный вам офицер штаба майор Василий Андреевич.

Напомню вам, друзья, что майор Василий Андреевич тем всегда и отличался, что был уравновешенным и спокойным, как навага под маринадом. Одновременно он был скромным и абсолютно не чванливым человеком, лишённым всякого зазнайства, высокомерия, а его маниакальную осторожность впервые сталкивающиеся с ним люди иначе как за трусость и не воспринимали. И должен я вам здесь

также сообщить, что появление Василия Андреевича на ступеньках штаба, а затем и в курилке, произошло в полосе послевкусия горячо обсуждаемого в коллективе небольшого его приключеньца. Незадолго до этого майор Василий Андреевич осмотрел, а затем и получил в городе квартиру, поскольку после перевода с заставы жилья ещё не имел. Теперь он выдвинулся к будущему месту прописки уже со своими ключами, но родных квадратных метров там не обнаружил. Уму непостижимо, но даже такого сдержанного человека, как он, это сильно возмутило и расстроило.

— Дайте мне, пожалуйста, того водителя, что возил меня на мою квартиру в прошлый раз, — огорчённо выговаривал он тётенькам постбальзаковского возраста в квартирной службе тыла. Он даже не говорил, а даже требования к ним предъявлял, без устали протирая стёкла старомодных очков. — В прошлый раз тот водитель сразу нашёл мой дом. А это что за водитель такой у вас, если ничего не знает и не может найти мой дом? Мне нужен тот, что знает, толковый, а не бестолковый, а то я этого дома пока и сам не знаю, потому что я там ещё не живу и был всего один раз!

Народ посмеялся, но с машиной его выручил не кто иной, как кадровик майор Василий Григорьевич. Почему в этом участвовал Василий Григорьевич, понятно. Здесь карте место. Ему до всего было дело. А

потом — друзья есть друзья. Лишь только трубку он телефонную поднял, как на другом конце провода зампотех уже и того, что надо, водителя нашёл, и машину, и путёвка вне плана так быстро объявилась, что даже автороту жуткая оторопь охватила и со всех сторон сразу. Да и какое дело к этому автороте? Бери выше! Всё дело в том, что нашего зампотеха в последние недели очень трудно было заподозрить в симпатиях к трезвому образу жизни, и от непропорционального внимания к себе начальника кадров зампотех в те дни состоял в продолжительной печали и настороженной бдительности.

На фоне недавней братской заботы с результативными поисками машины для друга вот и обращается к Василию Андреевичу прямо в курилке Василий Григорьевич, а мы там стоим:

— А чего же ты, Вася, не в парадной форме сегодня припёрся на службу? Сегодня ж у вас тренировка, завтра репетиция, а послезавтра городское мероприятие на площади перед театром. А ты ж командир знамённого взвода, всё-таки думать-то головой надо? Строевой смотр с взводом надо проводить однозначно сегодня. Смотри, как бы тебя врио начштаба не взгрел, как он это умеет.

— Хи, — коротко рассмеялся службист Василий Андреевич в ответ кадровику, — я уже двадцать лет как под знаменем не хожу, молодых и стройных полно и без меня. А какое там мероприятие?

— А, я толком и не знаю, Вася. Что-то широко отмечается в нашем городе. Очень широко, видишь, даже знамёна потребовались. Вот у комсомола спроси, он точно знает, он из политотдела, умный, наверное, там все такие умные собрались, с утра тошно. Чихают тут вокруг, заразу разносят, смерти моей хотят. Но это он знает. 29 или 38 лет чему-то, такая дата у них. Юбилей у них намечается в городе, вон комсомол в курсе. Спроси, пусть расскажет. Только в сторону отведи его, а то он чихает. Командир из Киева звонил мне, сказал проект приказа на тебя заготовить, спроси вон у него, если хочешь, он как раз слышал мой разговор с командиром, мы с комсомолом всегда рано на работу ходим. Дел у нас с комсомолом, сам знаешь, всегда полно, мы с ним не из тех, что думают, день прошёл и ладно. Не приди я на службу или вот он в свой политотдел не явится вовремя, что там начнётся!? Это же катастрофа небывалого значения сразу же для всех вас будет. Да что тебе рассказывать, сам знаешь!

И так у него сильно прозвучали эти оценки, что я даже подумал, что если дальше дело и правда пойдёт без нас, то небо точно рухнет на землю и трава перестанет расти на плацу там, где в прошлом году ремонтировали канализацию, а теперь образовалась небольшая лужайка.

В общем, Василий Андреевич меня ни о чём не спрашивал, а я ему ничего и не объяснял, хотя в под-

тверждение слов кадровика я всё-таки пару раз глупо кивнул и хмыкнул. А ведь знал же, что у Василия Григорьевича всегда свой подтекст за пазухой, всегда и отовсюду у него торчат уши подтасовок и интриг на грани полного отказа от своих авторских притязаний. Да и Василия Андреевича тоже ведь я знал, знал, как он трепетно относится к указаниям начальства. А тут двойной трепет, ещё и знамя замешано. Но я всё же хмыкнул и лишь после этих необдуманных действий ускользнул в санчасть за таблетками, чтоб обороноспособность двух майоров и десятка свидетелей этого разговора, лейтенантов и прапоров, не подрывать, да и не допустить, чтобы насморк перерос во что-то типичное для юношеской биографии кадровика.

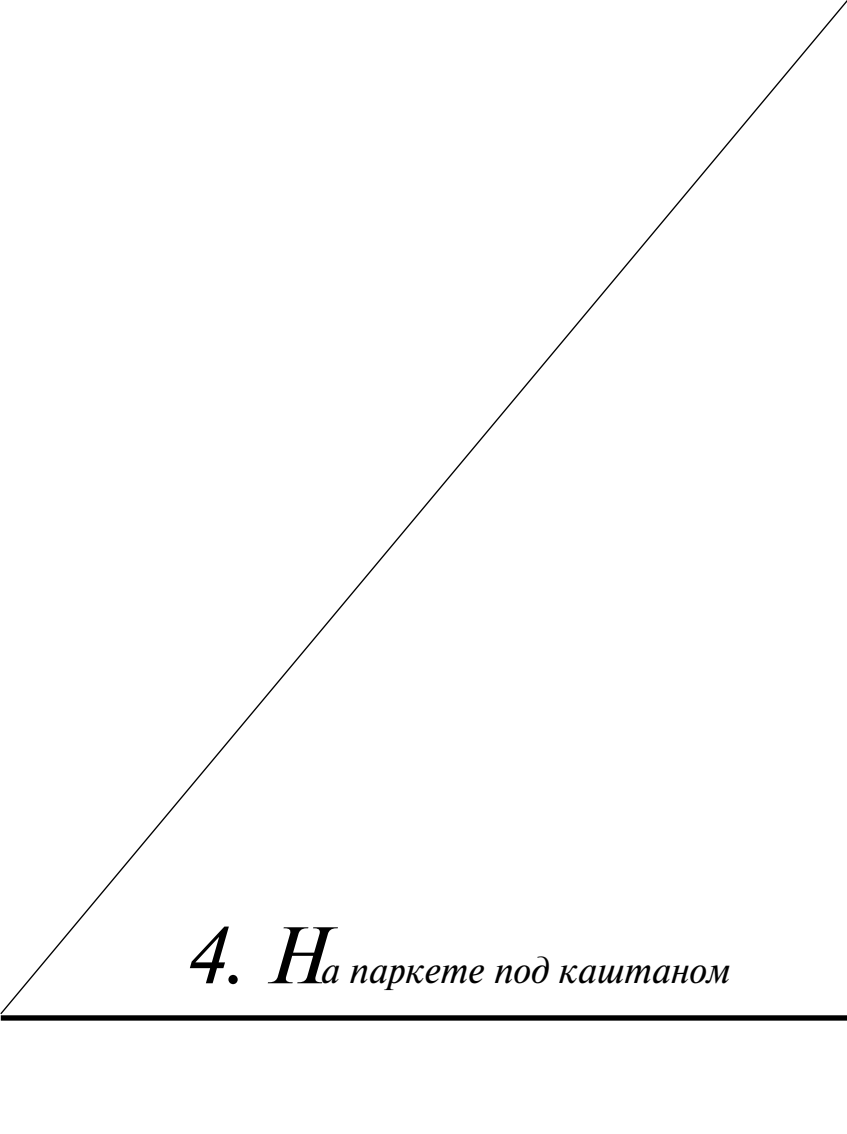
И что самое интересно?! Этот случай очень сильно сблизил нас с начальником кадров. Через день объяснения по существу заданных нам вопросов мы давали вместе с Василием Григорьевичем и на этой почве крепко прижались друг к другу, пока и служили плечом к плечу в этой прославленной части. Объяснялись перед начальством потому, что Василий Андреевич, как оказалось, съездил-таки домой, уж не знаю, с каким водителем на этот раз. Он-таки переоделся в парадку, но если бы только это. Он ещё и принялся требовать у коменданта знамённый взвод в парадной форме для проведения строевого смотра, что без указаний начальства и приказа встретило ожесточённое сопротивление не только коменданта,

но и всего знамённого взвода. Оставалось совсем немного до того, чтобы требование распространилось и на Боевое Знамя части. Тогда бы нам случилась крышка. И хотя подрыва могущества части путём незаконного завладения святыней не состоялось, наши лже-авторитет и фикс-репутация, благодаря свидетелям этого явления, взлетели высоко над флюгаркой и рубероидом курилки.

— С тобой, комсомол, вашу бога душу мать, надо всегда осторожней, — однажды задумчиво произнёс за чаем Василий Григорьевич, — вечно в какую-нибудь историю втянешь, будто мне больше делать нечего.

А ведь я всего лишь навсего дважды хмыкнул, и то в гриппозном состоянии. Можно сказать, что даже не отдавая отчёта своим действиям в силу пошатнувшихся в термометре градусов и нездоровых галлюцинаций.

P.S. Это крайняя заметка понуждаемого тщеславием автора о львовских подвигах по разделу «избранное». Спустя три месяца он стартовал к новому, ещё более опасному месту службы, под сенью каштанов города-героя Киева.

4. *На паркете под каштаном*

МАГИЯ УЖАСА

Счастье переполняло семейную чашу мелкими удачами, небольшими приобретениями и всевозрастающей любовью, однако участь первого парня на деревне меня уже не тешила. Хотелось добыть бо#льшего человеческого счастья и в службе. И оно выскочило, неожиданно, нежданно, как чёрт из табакерки, и кинулось в мои объятия. От столь непредсказуемой ласки я перво-наперво застыл в изумлении, а когда очнулся, обнаружил, что стал заметно выше. На крыльцо подиума, нависающего над всеми западными пограничными тропами, или в Киев за славой я явился, конечно, в пятницу, как того и вождедела Родина. Вокзал и кадры, стол и табуретка, стреноженный параллельными шнурами и изолянтной телефонный аппарат с отпечатками боёв без правил на корпусе, с наклейкой «Меня нет!» и антикварный графин с накарябанным чем-то острым инвентарным номером. Чемодан, что, разумеется, прописался меня पहले и правее под столом. Словом, влился я в новую семью плавно, чин чинарём как алюминиевая ложка в банку с горчицей.

В управлении войск округа, если вы о нём до этого ещё ничего не читали, инструкторов тёмный лес:

велеречивые дубы и разлапистые тисы, загорелые саксаулы и карагачи, вечнозелёные кипарисы и таинственно-полезные маклюры. Это полковники, слетевшиеся из Забайкалья, Кавказа или Средней Азии в Киев, чтобы перед дембелем чуток послужить в майорских каморках, получить квартиры и уволиться. Берёзы обыкновенные и липы сердцевидные — инструкторы партийного учёта и телефонистки на коммутаторе — девушки, знающие дело, славные, но невоенные, а в комсомоле — одни лишь старшие лейтенанты или поручики. Что им не поручи, если и не сделают, то причины поднесут так, что командиру даже об ордене придётся думать. По себе это знаю.

В стартовые мгновенья атаки на высокий пьедестал в центре управления всем комсомолом западной границы страны возник деловитый подполковник. Со строгим, но отеческим лицом, близостью к людям в прожигающих материю глазах, с дерзкими демократическими манерами, заметно опережающими эпоху. Отдельные люди в мгновенье ока умудрились таки задвинуть ящики своих столов или затмить их столешницы газетами во весь размах их линотипно-свинцовых крыльев. Товарищи, проморгавшие эту опасность, сильно опоздали, ибо подполковник, как потом выяснилось, состоял с реалиями бытия на предельно короткой ноге. Впоследствии этот подполковник оказался доступным, парадоксальным, афористичным, наполненным непрощеными сове-

тами и философией бывшего начальника не первой шеренги. Он легко отзывался на имя «Варламыш», что тоже изумляло, поскольку во Львове даже Акакиев Акакиевичей с такими погонами звали «товарищами» и кликали по числу звёзд на них, а то и на небе. Подполковник, например, не обижался на обращение «тварищ пковник».

Варламыш, как показалось, по-свойски продефилировал меж престолами, очутившись на давно уже натоптанной им тропе. Тем не менее, траектория его движения в обычную логику не вписывалась, а отдельные её отрезки иначе как эпилептическими представлялось обозвать трудно. Время от времени он стопорил свой взор на приглянувшихся ему материальных ценностях, не освящённых инвентарными номерами, а некоторые из предметов даже брал в собственные руки. Вот его внимание остекленело на авторучке с комсомольско-делегатской надписью сбоку. А вот уже авторучка после непродолжительных сомнений решительно скрылась в кармане подполковничьего кителя. А теперь уже в другом углу под его пронизывающий взгляд неосмотрительно подвернулся юбилейный комсомольский значок. Варламыш с удивлением и досадой отметил, что у него такой награды «почему-то до сих пор нет, хотя больше него для комсомола вряд ли кто-то свершил». Затем добавил к своему недоумению несколько никому не адресованных пристойных и в то же время разносных слов и прописал значок

авторучкиным соседом. Вероятно, первые симптомы предвестников зарождающейся в армии дедовщины в тот день могли бы найти и дальнейшее развитие. Возможно, Варламыш хотел бы и ещё что-то стырить из кабинета, тем более что все его действия сопровождались сладкоречием угодливых и гимнастически гибких старлеев, их заявлениями, что «всё это и не только» ему и так собирались торжественно поднести, но не успели... Здесь собралось много в тактическом плане нарочито лопоухих юношей, что, казалось, подполковнику было по душе.

И вдруг Варламыш с удивлением обнаружил меня и этим фактом жгуче заинтересовался... Для начала он взыскательно разобрался, кто я такой в целом. Прытко, но только по чемодану разгадал, когда бы я мог здесь появиться, и заметил вскользь, уже почти что у двери, что завтра, то есть в субботу, им лично доверено быть мне ответственным по отделу, потому как «всё равно тебе дома делать нечего, да и дома в Киеве у тебя нет». После мелкой паузы к этому Варламыш оптимистично приплюсовал и ещё одну мыслишку: «Жильё в Киеве у тебя будет не скоро, а в безразмерной очереди за ним у нас необъятная толпа людей числится. Заслуженных...»

Очень хотелось, но никак не удавалось кусать свои локти: у меня в Киеве ещё не было ни одной заслуги. И таким коленкором прояснилось, что быть мне в субботу умом, честью и совестью всего политотдела.

Трудиться мне от зари и до того часа, пока тётя Валя не расскажет солдатам вечернюю сказку, программа «Время» не перечислит наши очередные свершения и нокаутирующие удары по врагам, а радостные лейтенанты и прапорщики не прошипят это сладкое для солдатского уха слово: «Отбой».

Доверенное дело спозаранку я зацепил волчьей хваткой, но после встречи с мятым, невыспавшимся и потому неприветливым дежурившим по округу полковником хватку поначалу ослабил, однако по вновь открывшимся обстоятельствам стократно её усилил. Оказалось, что с борта рейсового самолёта в аэропорту Жуляны требуется немедленно снять жизненно важные лекарства и доставить их домой безнадёжно больному сослуживцу. У крылечка штаба, завидев мои звёзды, тонированная «Волга» презрительно фыркнула лошадиными силами и мигнула фарами. Возможно, она всего лишь напомнила мне этим о своём исключительно высоком служебном положении. Террористы тогда ещё находились на эмбриональном уровне, поэтому первая часть операции прошла гладко: не только на лётное поле, но и в кабину Ан-24 я проник так же легко, как обыкновенно попадал в магазины известной в стране торговой сети «Политиздата».

К заявленным требованиям о лекарстве для умирающего генерала пилоты отнеслись с околосезонным юмором, что можно было увязать с их счастливым

возвращением из столицы Молдавской ССР. Сквозь щели интеллигентного ящика меня с любопытством разглядывали гроздья винограда, яблоки, персики, другие витамины и полезные микроэлементы, уготовленные обстоятельствами для убитого службой товарища. Микстура булькала, а флаконы с каплями постукивали глухо и исторически выдержанно, вселяя своими литрами верность избранной тактике лечения и надежду на положительную динамику. Водитель оказался продвинутым малым. Он толково смоделировал, как использовать код квартиры, а как её номер. Слово «домофон» в транскрипции «демафон» впервые я услышал от него же.

— Товарищ генерал-майор, — отрапортовал я так торжественно и внятно, как мог бы это сделать лишь наиболее талантливый и чертовски перспективный инструктор политотдела округа, — лекарства встретил, прибыл без происшествий.

Генерал окинул поначалу безразличным взглядом установленную на сияющем паркете аптечку и без внешнего выплеска эмоций признал доклад объективным. Но поздоровался за руку приветливо и добросердечно. Потом вдруг вспомнил, что он-таки генерал и требовательно повелел: «Маша! У меня гости!»

Отполированная красота Маши сияла изяществом и милосердием. Богатый неземными цветами неслабо декольтированный халат и украшенные меховы-

ми помпочками домашние туфли на невероятных шпильках эталонную выправку акцентировали на задуманных ею местах. Щедро закольцованными ухоженными пальчиками с огненно-красным маникюром она, как показалось, привычно держала большой и возможно даже серебрёный поднос, увенчанный изящными хрустальными фужерами с тёмной жидкостью и тарелочками с ломтиками лимона и конфетами. Даже на расстоянии улавливался таинственно-меняющийся аромат чего-то зазеркального и воистину не «Красной Москвы», не «Гвоздики», не «Серебристого ландыша» и «Ландыша», не «Дзинтарса» и «Сигнатура» и, может быть, даже и не «Быть может». Её волосы были по-киношному уложены, обрамляя локонами безупречно мраморную шею. Поскольку такие штучки обыкновенно экспонируют на стендах парикмахерских и в витринах киосков «Союзпечати» в виде фотографий наших киноактрис, то последние компоненты её образа меня уже не задели.

— Ну, брат, давай лейтенант! С прибытием тебя к новому месту службы, — утомлённо обозначил тему генерал, чокнулся с мгновенно осиротевшим на подносе фужером и тут же осушил свой.

Твёрдой рукой я сжёг мосты и бесповоротно сорвал с серебряной площадки подноса Осиротевшего... В сознании хищно взмыл коршун внеочередного заседания партийной комиссии по персональному делу, а мозг заработал с тем же напряжением, что и у штан-

дартенфюрера Штирлица во время наиболее изощрённых козней бригаденфюрера Шелленберга и группенфюрера Мюллера:

— Экзамен?.. Испытание?.. Проверка?.. Провокация?! Что? Вроде бы не тот уровень?.. Но что тогда?! Что? — мысли неслись наперегонки.

— Товарищ генерал! Я не могу, спасибо Вам, конечно... Но... Я же, я же... сегодня же я... ответственный по политотделу... округа... я!..

Он нахмурился не по-детски... Пристально, будто впервые в жизни заметил, исследовал взглядом висящий на спинке стула генеральский китель с многоярусными планками наград, скользнул глазами по картине с батальной сценой на Черноморском пляже, по опустошённому и потому унылому хрустальному фужеру и, наконец, остановился на моих погонах.

— Такое заключение в целом я приветствую, молодой человек, и по сути дела Вы рассуждаете разумно, — перешёл генерал на «вы». — Однако в сложившихся сегодня условиях и обстоятельствах я — кто, по-вашему, кто? Безответственный генерал? Не так ли Вы сейчас думаете?..

— ...

— Так как мне изволите понимать Ваше заявление?! Или Вы уже где-то встречали безответственных генералов? Назовите мне фамилии этих безответствен-

ных генералов в нашем округе, в Киеве, в СССР?! — запустил он свой тезис в апогей прихожей.

Страны-участницы Варшавского договора генерал не вспомнил, но заметно было, что полированной красоте его речь попала не в бровь. Бабушка участливо сверкнула подкрашенными глазищами и по-девичьи обиженно надула чуть тронутые невыразимо благородного оттенка помадой губки, а её первоначально задорное личико трансформировалось в предостерегающе-тревожную маску.

С фужером я расправился по-генеральски, и тот потеплел. Его жёсткий взгляд заискрился всполохами одобрения, умноженными на чувства отеческого внимания и товарищеской поддержки. Нарастающее предчувствие дальнейшей нахлобучки бесповоротно затонуло в волнах Чёрного моря. Потом я получил от неё ещё одну конфетку, а уже на посошок — яблоко и шоколадку, но уже из глубины букета неземных цветов, что облагораживали её халат. Она была так внимательна и так добра!

А поскольку мускатный орех я при себе носил всегда, то на обратном пути прикупил лишь лавровый лист. Их-то и жевал вплоть до тётиной вечерней сказки в предвидении ужаса обнаружения кем-то из более ответственных офицеров доселе неизвестных ими паров.

Так закалялась сталь...

ИСКУССТВО МЕТАЯЗЫКА

Забота об олимпийцах — неувядаемая традиция нашей партии и правительства. В этом и состоит причина тому, что квартиру в Киеве я получил одним махом, хотя, правда, в олимпийскую сборную СССР попасть не удалось. Маршрут огня Олимпиады — 80 по городу-герою власти утвердили смело, но за его бордюрами обнаружился не Киев, а опасные даже для бездомных бродяг трущобы и свалки. И тогда трущобы поломали, свалки перевезли на прочие помойки и ровно к прибытию факела в кинжальных шеренгах улиц возвели отличное жильё. Так спустя три месяца из львовянина я перекувырнулся в киевлянина, да и факел на нашем асфальте ни разу не споткнулся и не погас. Повезло и в том, что о возможностях социальной защиты военнослужащих, ипотечного кредитования и жилищных сертификатов власти тогда были не в теме. Повезло, что, как и во Львове, у меня сохранилась возможность добираться на службу без всяких троллейбусов и метро. Для тех, кто не знает, скажу: Киев — изумительный город. Здесь под благоухающими кронами каштанов даже по пути на службу пройтись — получить истинное наслаждение: вдоль стен госуниверситета и по Владимирской улице, да-

лее мимо театра имени Леси Украинки и Золотых ворот, где по левому борту, если преодолете гипноз отчаянного Богдана с булавой, неизменно воткнётесь прямо в пограничный штаб.

С первого дня мне показались противоестественными и даже странными предпочтения коллег вышагивать на работу по противоположной стороне улицы. Переход на светофоре, два квартала по дальнему от нашего штаба тротуару Владимирской улицы и снова зебра-переход. Зачем? К чему эти лишние метры и риски? Умная голова указывала шустрым ногам более рациональный и безопасный маршрут. Ноги повиновались.

Возможно, что и в тот день меня донимали хаотичные размышления по существу нелогичных зигзагов сослуживцев. Не берусь утверждать это, но генерал-лейтенанта, начальника войск округа, с которым читатели уже знакомы по заставе имени «Обох», я засёк в самое последнее мгновение. Невзирая на фантастическое служебное положение, генерал перемещался собственными ногами. Для переключения «коробки передач» у меня уже не оставалось времени. Ценой немислимых усилий, поравнявшись с ним, я молодецкато отдал ему всю свою воинскую честь, а уже обгоняя генерала, верноподданно поприветствовал его голосом. Естественно, что в ту минуту командир мог размышлять лишь о чём-то судьбоносном. Естественно, что перспектива падения его взора на лейтенанта

мною оценивалась не в процентах, а в их долях. Поэтому и переход на форсаж виделся мне актом благо-разумным и своевременным.

Но генерал круто оборвал свои эпохальные мысли: «Стой, лейтенант, обожди...» Он ступал неспешно, но твёрдо. Не исключено, что я ему в ответ даже семенил, выражая этим готовность к подвигу, если генерал немедленно того потребует. По другой стороне улицы Владимирской вразвалку тащились наши соратники, извергая изо всех щелей табачный дым и цинично предвкушая скандальную будущность последствий встречи поколений.

После тягучей паузы пошла артиллерийская пальба по хутору: «Ну и чем вы там, лейтенант, занимаетесь?» Грохот залпов повторялся и после каждой моей фразы, сводившихся вместе к тому, что я работаю на износ, а завтра буду трудиться ещё лучше, на полях образовывались свежие воронки. Тем не менее моё вдохновение не истощалось, и в отчёт заползали новые аргументы в пользу убийственной эффективности неутомимой деятельности.

Много лет спустя я с удивлением узнал, что все наши слова составляют лишь малую толику общения. Что истина познаётся через понимание подтекста и обстоятельств разговора. Что в беседе слушается лишь половина сказанного, а запоминается половина услышанного. Что манипулятивный метаязык всегда подталкивает к тому действию или бездействию, кото-

рого один собеседник добивается от другого. Что именно метаязык обычно скрывает истинный смысл содержания и точнее всего передаёт оттенки сказанного или услышанного. Тогда я ничего этого ещё не знал, зато учтиво и подобострастно плёлся в полушаге от задней кромки каблуков полководца, которого живьём встречал лишь однажды, а в газетах — почти всегда.

Казалось, что генерал и не собирался слышать текст моего жизнерадостного рапорта. Ни фамилии моей, ни подразделения, где я так виртуозно исполнял свой благородный долг он, разумеется, не знал, что в условиях повышения температуры общения мне было на руку. Однако вскоре сносная ситуация переросла в несносную. Это случилось тогда, когда у меня с языка соскользнули такие симпатичные парочки из специфических словечек: «комсомольский актив» и «комсомольский слёт». Соскользнули они тогда и ни к селу и ни к городу..

Генерал будто бы перепутал одеколон с нашатырём, и на смену моей встревоженности подоспело предчувствие неотвратимой беды. На его недовольном лице проступили приметы свирепости и злорадства. Моргающие всполохи арсенала невербальных средств общения через мимику, интонацию, жесты и взгляды теперь пульсировали учащённо... Показалось, что усиливающийся с его стороны ледяной ветер теперь безжалостно уничтожает утреннюю кра-

соту города. Казалось, что его взгляд, хотя я его глаз и не видел, стал ещё колючее, а голос, что действительно так, стал ещё скрипучее. Улица Владимирская потеряла, как говорил во время трансляции матчей Николай Николаевич Озеров, «едва ли не половину своей зрелищной привлекательности» и, сдавалось, что даже пролетающие мимо нас студентки КГУ им. Т.Г. Шевченко бросились нервно и одновременно застёгивать все пуговицы на кофточках и блузках и поспешно переходить на прекрасный строевой шаг.

— Откровенно говоря, — проревел генерал, подчёркивая этим, что сегодня от него ни честности, ни откровенности не будет, — я постоянно думаю о том, что мне с вами уже давно пора разбираться серьёзно. У вас в комсомоле одни слова! Куча слов, а дел, порядка и результатов нету! Его, этого порядка в комсомоле никогда и не было, — продолжил генерал после уже привычной для меня бесконечно-мучительной паузы и тем самым снова подчеркнул свою беспомощность во влиянии, — и, похоже, что с вашим личным участием порядка не будет никогда. Ваши комсомольцы постоянно пьют. Они, эти активисты ваши, без конца по самоволкам бегают и только лишь для того, чтобы найти ещё одну бутылку самогону или распутную комсомолку лишней раз тиснуть перед сном в пограничном наряде. Больше они ничего толком не умеют!

— Так ведь мы... ж, товарищ генерал-лейтенант, проводим... мобилизуем... — каждый мой смертельно обмороженный тезис натыкался на всё возрастающую порцию охлаждающего гнева. Ситуация уже сорвалась с цепи и уносилась не пойми куда и дальше...

— Мы постоянно думаем, как улучшить положение дел в комсомоле, — тем временем продолжил генерал, видимо, о себе, но уже в третьем лице, а у меня к тому времени уже не было ни первого лица, ни второго. — Мы много работаем. Мы работаем днём и ночью, а комсомольцы эти ваши всё это время спят. Они спят как раз именно и днём и ночью, лёжа и сидя, стоя они спят! В дозоре и в секрете они спят, и мы никак не можем найти такого лейтенанта, который смог бы их разбудить! Вы сами на ходу спите, и даже я не надеюсь на то, что сумею это сделать, — завершил он вступительную часть, окончательно признав своё полное поражение и бесперспективность усилий.

Мы подходили к штабу. Генерал резко сменил пластинку, теперь уже зачислив меня в свои единомышленники, и принялся методически добивать, расстреливая утвердительными предложениями, требующими однозначного согласия: «Ведь они же у вас пьют, не так ли?», «Ведь вы же понимаете, что это факт?», «Разве это не ясно даже солдату?», «Ведь вам же и ста лет не хватит, чтоб переломить ситуацию при такой работе? Да? Да или нет, спрашиваю? Отвечайте коротко!»

— Вас вместе с этим, как его там у вас, главным комсомольцем (имелся в виду мой начальник — помощник начальника политотдела округа по комсомольской работе) на полезные дела и бульдозером не столкнёшь, краном не поднимешь. Не рвётесь вы на работу, да и не умеете вы ничего, как я вижу из вашего доклада. В десять часов всем ко мне, я сам попробую наконец заставить вас хоть на копейку принести округу пользы, — злобно пугнул он уже на пороге своей приёмной и травмоопасно бухнул дверью.

В десять часов у начальника войск округа собрались крупные и очень крупные руководители, имеющие, как оказалось, колоссальную страсть к тому, чтобы научить нас, как отвадить комсомольцев от вредных привычек, разбудить, мобилизовать, сплотить и нацелить их на нужные дела.

— У меня складывается такое впечатление, что вы живёте в Киеве, а служите на Марсе, — начал генерал совещание, и вся разнокалиберная публика съёжилась, потому что пока ещё не могла сообразить, кого эти слова касаются: присутствующих здесь генералов или лейтенантов и какие льготы существуют на Марсе. — Вы думаете только о том, как бы скорее...

Ну, в общем, вы когда-нибудь пургу видели? Нет? Жаль, что на том совещании вас с нами не было. Но и без этого вступления, без последующей за ним речи в тот день и ещё до совещания я уже твёрдо понял, что на работу следует передвигаться по дальней сто-

роне улицы Владимирской и не такая уж это и проблема для лейтенанта — парочка лишних светофоров и зебр. Там даже асфальт ровнее и газоны лучше подстрижены. Там, кроме каштанов, есть ещё и душистая акация, и памятник поэту Т.Г. Шевченко. А ещё там стоит ресторан «Лейпциг», что благодаря Михаилу Афанасьевичу Булгакову и его роману «Белая гвардия» под именем кондитерской «Маркиза» вошёл в историю русской литературной классики. Да и студентки по той стороне улицы при встрече, вспоминалось мне, чаще всего расстёгивали кофточки и блузки, а не наоборот.

А напоследок вам скажу. Подумал было, как бы реабилитироваться перед начальством, да заодно и защитить добрую память ВЛКСМ, набравшись смелости перед генералом тридцать лет спустя, и вспомнил Гоголя Николая Васильевича. А он, восхищаясь гренадёрской статью помещика Михаила Семёновича Собакевича, ещё тогда замечал, что «...на Руси начинают выводиться богатыри». А словами помещика Костанжогло Гоголь ещё и заявлял, что юноши «...стали тряпки, а не люди, и болезней чёрт его знает каких понабрались, и уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив...»

Вот они, основы кривого фундамента призывного контингента, подмеченные Н.В. Гоголем более 150 лет назад в поэме «Мёртвые души»!

Смог бы лейтенант проворно излечить эти закоренелые пороки? Почему бы хоть сейчас не попытаться добиться снисхождения? Правда, специалисты мета-языка пишут, что слово «пытаться» чаще используют люди, которые привыкли к неудачам и тем сообщают: «Удачи ожидать не стоит». И всё же... Недостатки в организме армии были всегда под прицелом общества. Но пороки, своего рода «инъекции» общества в армию, образно говоря, через нестерильный шприц, неумелую медсестру или неправильный диагноз используемые при лечении самого общества остаются. И какая же разница, кого у нас лечат: рязанского мужика в лаптях или члена ВЛКСМ с тогдашнего автогиганта имени Ленинского комсомола?

К сожалению, нередко лечили, да и теперь врачуют не так, да и не тем...

ПАТРУЛЬ ОТКЛЕИЛСЯ И ОТСТАЛ

Один сильно немолодой и умный воин давно и удачно командовал окружной газетой. И не только ею. Кто бы ни брался за сочинение тезисов докладов для начальников по утончённости виражей речи и приятности метафор, главреда газеты перешеголять никак не мог. Конечно, свои речи начальники могли бы себе выдумывать и писать сами, но так поступать в их кругу не полагалось. Не приветствовался у них такой метод и всё! А потому они сидели молча и ожидали, когда им принесут эти прекрасные тезисы, чтобы затем обсуждать их и углублять ещё больше. И надо отдать им должное, начальники никогда не меняли эти правила, поскольку они приносили докладчикам славу и свидетельствовали о глубине их ума и редкостном таланте. Во-вторых, в чём был бы смысл их самопальной прозы, если мудреца из редакции с его возвышенным стилем и парчовым убранством речи не затмить, не обскакать и не победить, а поражений военачальники любой армии, что ни для кого не секрет, страх как не любят.

Редактор состоял в звании полковника, в ореоле беспрестанной востребованности, непоколебимого авторитета и вечного почёта. На службе пребывал в

состоянии неизменной готовности предвидеть то, о чём бы начальники могли подумать, что придумать, а потом и сказать в связи с чем-то или вот с тем-то с любой трибуны. Статейки же и заметки возглавляемой им редакционно-газетной братии редактор обычно отделявал и марал чернилами так въедливо, ехидно и точно, что оставались в них одни лишь цитаты от генерального секретаря да фамилии авторов. Там же в адрес подчинённых ему журналюг он обычно царапал неразборчиво как курица лапой и подробно нестандартные слова, оценки их труда и лёгкие ситцевые оскорбления, вызывающие внимание к ним бо#льшее, чем к самим статейкам и даже к самым ехидным фельетонам в киевском журнале «Перець» или в московском «Крокодиле». В этой связи редакционная машинистка являлась эксклюзивной собственницей сокровищницы редакторской мысли, имела неснижаемый запас шоколадок и конфет с оброка за добавочные сведения и возросшие усилия. Она вечно перепечатывала то, что ею накануне уже было отпечатано, постоянно угрожала увольнением халтурным и неусидчивым творцам — майорам и капитанам редакции, отвязно шантажировала редактора, но получала очередной отгул или грамоту и продолжала трудиться. Являлась в редакцию обычно на час раньше за очередными каракулями главного редактора, россыпями его садистских замечаний и ситцевых претензий в адрес журналистов и держала

ящики письменного стола для знаков уважения к ней нараспашку.

Вместе с тем редактору нечасто удавалось своими оскорбительными сравнениями возбуждать у подчинённых неуверенность в своих творческих способностях и силах. Офицеры-газетчики на всех редакционных летучках цитировали энциклопедии и справочники, доказывали, что их перья не самые тупые в Киеве, а письменные оплеухи и моральные ругательства в свой адрес считали беспочвенными. Таким манёвром они нарывались теперь уже не на изошрённые оскорбления редактора, а на цитаты из решений пленумов ЦК КПСС, а то и из стенограмм выступлений т. Цицерона и других известных греков на первых в древней истории заседаниях греческого правительства. В результате таких перепалок от очередной порции политически и исторически обоснованного позора далее повергнутым журналистам приходилось прятаться за больничными листами либо скрываться в дебрях фикусов популярной у офицеров средней руки рюмочной, что на площади им. Б. Хмельницкого. Во втором случае, что случалось даже чаще, чем того бы хотели их жёны. В рюмочной всегда кипели нескончаемые мозговые штурмы, анализировалась складывающаяся ситуация и выковывалась стратегия очередных крестовых походов на главного редактора. Да, и ещё одно упустил — типографское сообщество. Оно метило каждый день календаря до отпуска

шефа-редактора в мечтаниях попасть домой хотя бы одновременно с людьми из числа рабочих строительных профессий, городского транспорта и торговли.

Испепеляюще требовательный к своим подневольным редактор в то же время был абсолютно доступным человеком для чужих подневольных: доброжелательным, либеральным и к тому же ещё по складу — решительно не военным человеком. К чести его будет сказано, правила воинской вежливости он свято соблюдал и мог трижды на дню поздороваться за руку даже с самым щупленьким солдатиком комендатуры или взвода обеспечения без учёта его служебного положения, национальности и места призыва. Мог подполковника Ивановича по рассеянности назвать Никифоровичем либо промахнуться и прийти на совещание минута в минуту ровно и точно за сутки до начала его проведения. Стабильностью он отличался лишь в том, что погоны полковника, как считалось, носил даже дома, но вряд ли от гордости этим высоким званием. Вряд ли он помнил об этих погонах, так как пришивали ему погоны давно и, скорее всего, без его личного участия.

Повествование о нашем боевом товарище завершаю истинным происшествием, опираясь на слова очевидцев, заслуживающих определённого доверия. Людей перепроверенных даже тем, что не единожды занимали автору этих строк пять рублей до зарплаты, а на инспекторской проверке в особо опасных или

экстраординарных случаях, рискуя собой, смело выступали под его фамилией.

Как-то раз солнечным осенним утром главный редактор газеты, а других редакторов в ней больше не значилось, высадился из станции метро площадь Октябрьской революции, что теперь в Киеве оранжевым Майданом Незалежности значит, чтобы продолжать свой путь к месту своей нелёгкой службы. Здесь к нему и подскочил спортивный и энергичный с виду комендантский военный патруль в составе двух образцовых солдат и мотострелкового начальника патруля — старшего лейтенанта с идеально подстриженной головой. Отдельным очевидцам в тот миг даже показалось, что, несмотря на классическую выправку, на уставных физиономиях патрульных военных блуждал бледный и несобранный вид внутренней озадаченности, душевного смятения и отсутствия гордости за службу в Киевском военном округе.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Разрешите обратиться, начальник патруля старший лейтенант... — козырнул статный и энергичный мотострелок.

— Не разрешаю, — сурово махнул полковник от козырька и в сторону старшего лейтенанта, будто отгоняя привидение или какого-то чёрта, и резко свернул к улице Ирининской, где когда-то подлый хан Батый без участия офицеров его редакции и нашего управления тем более довёл древнейший Иринин-

ской монастырь до состояния послевоенного Берлина.

Патрульные товарищи стройно замедлили шаг, остановились, замерли и принялись даже о чём-то оживлённо совещаться. Затем они по боковой дорожке площади, между фонарями, заново и так же стройно «вырулили» теперь уже в лоб движущейся акуле пера и повторно отчеканили свой дерзкий и стремительный приём:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться, начальник патруля старший лейтенант..

Главный редактор снова напустил на себя бровями сверху важную занятость, потом безразличие, равнодушие и ледяное презрение к окружающему его миру, но, как показал ход дальнейших событий, был неправ, хотя и сообщил:

— Я же объяснил вам, товарищи военнослужащие, что категорически не разрешаю, — повторил ещё более раздражённо полковник, по-военному взмахнул правой рукой теперь уже в сторону козырька и набавил шаг.

Патруль растерялся, задумался, отклеился и отстал...

Уже на краю площади виртуоза пера догнали наши офицеры, чей маршрут на службу естественным образом с его траекторией движения совпадал. (До этого они с воодушевлением обсуждали настойчивость старшего лейтенанта и его соратников, хотя и для них

встреча с комендантским патрулём таила в себе непредсказуемую опасность, если даже не сказать непредсказуемую неприятность). До этого они шагали за полковником по-карацуповски след в след, а теперь вынырнули из-за его спины в образе весьма необходимого, но запоздалого подкрепления.

И уже здесь, на самом краю площади, они, наши офицеры, безо всякого спросу обратились к нему, нашему полковнику. Захлёбываясь от восторга прямого общения с классиком и авторитетом, кладезем эпистолярной мудрости из древнегреческих протоколов, поражаясь его находчивостью и смекалкой в битве с комендатурой Киевского гарнизона, они обрадовали солнце нашей публицистики тем, чем сочли в данную минуту уместным. Сообщили товарищу полковнику, что его мужественный облик уместно украшают не только и не столько погоны, петлицы и орденские планки, но и замечательные зелёные домашние тапочки на прекрасной толстой резине, что великолепно гармонирует с его зелёной фуражкой и свежими газетами, торчащими из потрёпанной деловой папки...

ДУША МЕРУ ЗНАЕТ

Анекдоты о пьянстве наши люди всегда любили и любят. Когда-то много популярных было о тех временах, когда М.С. Горбачёв оказался генеральным секретарём, а Е.К. Лигачёв – вторым человеком в ЦК КПСС и в стране. Например, этот. Сидят вожди после пленума и обмывают победу. Нежданно-негаданно заглядывает к ним супруга генерального. Увидела багровые лица, бутылки, стаканы и устроила скандал. Тогда-то соратники и поклялись ей: алкоголя больше и в рот не брать. А чтобы не обидно было, придумали: «А пусть вместе с нами страдает и весь наш народ!» Так и обрушился на страну «сухой закон». Знатное партийное постановление 1985 года «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» осталось в памяти забавными картинками.

Так как в наш коллектив младших офицеров, футбольных болельщиков, неудержимо ворвался один чрезвычайно авторитетный полковник, первая из картинок имеет культурно-развлекательный фон и социально-экономическую подоплёку. В молодости полковник сильно хотел стать центрфорвардом, но его служба в Забайкалье затянулась эдак лет на двадцать пять-тридцать, и от своей мечты он, скрипя зу-

бами, отказался. Тут мы ему и подвернулись. Полковник действительно что-то о футболе слышал, имел прогрессирующую склонность к гешефтмахерству и жёстко требовал, чтобы прямо перед носом линии билетного контроля, чуть ли не у углового флажка, а именно в ближайшей к зрительским трибунам точке общепита, все члены нашего трудового коллектива располагали потенциалом откусать капелечку хоть какой-то, но русской водки. Только для победы. Как правило, суть замысла хоть и несостоявшегося, но неоспоримо талантливого центрфорварда предполагала наличие не более двух-трёх бутылок на четверых, изредка пятерых фанатов. Таким образом, в дни большого футбола, а полковником, к счастью, приветствовались лишь международные кубковые матчи, а также встречи известной киевской команды с московскими клубами и донецким «Шахтёром», один из старших лейтенантов откомандировывался на поиски и добычу этой известной жидкости, отсутствующей на полках торговой сети. В такие дни наш ведущий коллега-фанат первым делом обещал когда-нибудь проголосовать своим личным рублём за предстоящую подготовку к матчу, а во-вторых и далее, тоже повторялся: «Ну что ж, друзья! Неважно, какой счёт будет. «Селтик» и «Баварию» мы уже обули и этих обуем! Наливай!..» Полковник был к себе строг и требователен. Выпивал лишь только два стакана, после чего констатировал: «Я пас, душа меру знает». На ста-

дионе мы чувствовали себя отлично, великолепно, весело, взволнованно и счастливо. Тогдашнее «Динамо» с В.В. Лобановским (царство ему небесное) умело радовать людей, невзирая на трудности, которые у народа имелись. Как же мы тогда хорошо жили, пока нам не объяснили, что так жить нельзя! Полковник свои долги всем простил.

Продолжая рассказ об историческом партийном решении, можно было привести множество занятных эпизодов о хвостатых очередях, одеколонах, лосьонах, аптеках или денатуратах, что к нам, слава богу, тогда не прилипли, а я расскажу вам лишь скупыми мазками другой праздничный случай, участником которого повезло отметить в истории.

Это событие запомнилось тем, что в ноябре того самого «сухого» года одному нашему пограничнику из Киевской области за храбрость и доблесть в Афганистане было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Этот факт, как и вручение награды, в духе того времени были опоясаны непробиваемой стеной тайной секретности. Помню, как первый секретарь Киевского горкома партии на встрече с героем вручил тому кучу подарков, а затем чистый лист бумаги и сказал: «Напиши здесь в столбик то, что тебе надо». И парень принялся сочинять. Я сидел с ним рядом, а герой начал с фразы: «Мне нужны импортные туфли 42-го размера...»

Так вот некоторое время спустя, когда юноша, назовём его, например, Виктором, задумал женить-

ся, то из Москвы политотделу нашему было очень строго и категорически велено устроить безалкогольную свадьбу.

И политотдел решительно принялся за дело...

Представляете? Это Украина. Лето. Тепло. Сухо. Несёт Галя воду. Тут тебе и коромысло гнётся, и чорнобрывци насыяла маты, и ничь яка мисячна, и ты ж мэнэ пидманула. В целом ситуация: ой, дивчина, шумить гай. А по гамбургскому счёту: распрягайте, хлопцы, коней... Гнутя ветки в садах, колосятся поля и огороды, по зелёному ковру лениво перебирают копытами коровы и овцы, из каждого двора доносятся песни индюшат, частушки петухов, голоса кур, кряканье уток, хрюканье поросят... В магазинах пусто, но у всех всё есть.

А вы можете себе представить безалкогольную свадьбу на (в) Украине в целом. Или, например, в частности, в Мироновском районе Киевской области летом? Молчите, я и без вас знаю, что скажете. «Вечера на хуторе близ Диканьки», конечно, все ещё в школе читали. В центр мы, разумеется, доложили, как надо. Нас не перепроверяли. Сами понимаете, в Москве трудились нормальные здравомыслящие люди, а сладкий стол для детей дошкольного возраста на свадьбе, и правда, был: прямо на улице раздавали всем подряд конфеты и печенье (всё — сладкое). Кто бы ни заходил взглянуть на героя и его невесту, тоже всё получали, как там и принято, но малолетним детям, и это точно, даже пустой стакан в руки не давали...

Ещё один случай произошёл в ресторане на улице Владимирской, что почти напротив теперешней СБУ. Это уже трагедия. Или комедия? Один подполковник, назовём его Иваном Ивановичем, спустя уйму лет беззаветной службы в этом звании в городе-герое Киеве стал вдруг полковником и так обрадовался этому, что позвал, как того и требовалось протоколом, честью и его совестью, в питейное заведение ресторанного типа друзей и сослуживцев. Немало сил он, конечно, потратил и на то, чтобы известным лишь советскому народу образом заполучить портфель необходимых для такого случая напитков, поскольку в ресторане можно было надеяться лишь на две-три бутылки на всю честную компанию. Последним приглашение на товарищеский ужин получил славный своим искромётным хохмачеством полковник, что трудился на ниве партийного секретаря.

— Что Вы себе позволяете, — взорвался в ответ на душевное приглашение к ужину секретарь. — Вы понимаете, кому Вы это говорите? Вы представляете себе, чтобы в те минуты, когда вся наша партия ведёт решительный, бесстрашный и пока ещё неравный бой с пьянством и алкоголизмом, секретарь нашей партийной организации сидел рядом с Вами и со стаканом вина в руках?

— Водки. Стаканом водки. У меня будет только водка и ничего больше, — нашёлся уточнить вчерашний подполковник.

— Тем хуже для Вас. Теперь вижу, что Вы точно не даёте отчёт своим словам о тяжести персонального проступка коммуниста и офицера. Я даже задумываюсь теперь, как мне Вас удержать от недостойных действий. Видимо, мы в Вас ошиблись, произведя в полковники.

В общем, вечер прошёл прекрасно. Народ собрался организованно и вовремя. За стол сели минута в минуту. Тамадой за столом был тот хохмач секретарь. Дружно подняли два-три тоста за партию и Родину. Параллельно проводили экспресс-совещание, в результате чего снарядили и отправили чрезвычайную депутацию за виновником торжества полковником Иваном Ивановичем. Еле-еле уломали его отправиться на подготовленный им и оплаченный товарищеский ужин. Уламывал его глава депутации, наш секретарь, лично, а затем в три круга поочерёдно все остальные, конечно, искренне и сердечно извиняясь перед Иваном Ивановичем за такую изуверскую шутку и мудрую политику партии вплоть до часа закрытия ресторана.

Недоразумение всё-таки уладили, а портфель виновника торжества опустошили до самого дна. Смогли, добились своего! Вы и без меня знаете, что Украина это роддом талантов. Что там скрывать, я и сам от туда...

ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ

Олег позвонил через коммутатор и попал точно на этаж общежития с насмешливо-оптимистической и сиротливой красной звездой и табличкой под стеклом: «Гостиница «Заря». Девушка-дежурная примчалась без дипломатических хитростей и предупредительного стука в дверь. Помню хорошо, что в тот день я спал плохо, беспокойно и не вовремя. И девушка очень вовремя выдернула меня из этого тревожного состояния. С помощью медовых оборотов речи и неуставных движений фривольного характера она умело подняла меня и с нажимом, достойным восхищения, устремила на Олега, а потом, продолжая будто бы исподволь набивать себе цену, ещё и подчеркнула, что болтать по служебному телефону — удел небожителей. Как приятно, чёрт побери, иметь льготы и привилегии! Видно, ей моя выправка сильно понравилась, о чём впервые я подумал ещё тогда, когда получал ключ от комнаты, а она строила мне глазки и со сверкающими на моём кителе значками кокетничала открыто и неабстрактно. Впрочем, возможно это всего лишь моя мнительность виновата, а не девушка.

— Ну, что, — говорит Олег, не подозревая даже, что за трубу я прислонил к уху, — поменял билет в Хохляндию?

— Почти, но не совсем. Полдня вашим вокзалом любовался и теперь уже никуда не спешу и сегодня уже не еду.

— Ну, так ты там хоть в музеи ходи, что ли, или столичной цивилизацией упивайся. Наверное, за салом с горилкой и слов таких не слышал? Может, на театры, допустим, оперные, налегай, чай в Москве ж торчишь! Вот я, например, это дело обожаю без памяти и люблю это, как жареную картошку. Без ума я от культуры. Без культуры я как рыба без воды, как свадьба без невесты. Сегодня, например, снова задумал наведаться в театр. Буду «Волоколамским шоссе» упиваться до самого отбоя. Может, вместе двинем? Я угощаю!

— А билеты?..

— Бёру вопрос билетов на себя, тем более что они уже куплены. Я своих воинов, вместо того чтоб хотя бы отоспаться, по заданию нашего чокнутого замкомбата поволоку на шефский спектакль. С тобой вопрос партера порешаю на месте, лично всё порешаю. Зацени...

Как в однозвёздной гостинице меня научили, так я и поступил. Попал вовремя и точно во МХАТ. Девушку с собой не приглашал. Олег явился из Дмитрова и первым делом заявил, что приехал на личной электричке. С ним солдат — не меньше взвода, зато билет — один на всех. Заняли целый ряд с сержантами по краям, чтобы никто не убёг. Олег устроил свою армию тем, «что там можно, что нельзя», как вести себя в буфете, в перерыве, в туалете. В его напутствии не оказалось ничего нового. Бросил напоследок ещё

кому-то фразу: «Байрама одного не отпускать и водить только за руку!»

– Ничего себе, – думаю и говорю, – стражи воздушных границ Родины?!

– Да нет, – говорит Олег, – это отличный солдат. Добросовестный и не ленивый. Да вот он сидит, посмотри, сразу за ефрейтором, коренастый такой и без переднего левого зуба. Но, ты не подумай, зуб ему у нас не выбивали, это ещё до армии сделано. Байрам – азербайджанец, а по-русски не рубит ни слова. Мы с ним говорим только через его земляков, как через переводчиков. Командир батареи приказал Кулиева взять с собой, а то полтора года в лесу сидит и даже на метро ни разу не катался. А так после дембеля расскажет что-нибудь родителям про вокзал или про электричку, да и самому будет что о столице вспомнить. Парень-то правильный.

Окинул взором ряд и беззубого Байрама на всякий случай запомнил. Затем мы погрузились сначала в свои офицерские будни, а потом и в события, происходящие на сцене. А там немцы совсем обнаглели, пёрли к Москве направо. И, кажется, Дмитров, откуда Олегу только что удалось вырваться последней электричкой, уже заняли. Наглые такие немцы, поначалу гонористые, пока не начали понимать, что наша дивизия всё это время тоже не капусту полола.

В антракте Олег притворился директором МХАТа и пустился в непомерную щедрость по части бутербродов. Меня это устраивало. Наши бойцы тоже поня-

ли, что их старший лейтенант — владелец буфета и театра при нём. Хотя поначалу они осторожничали, косились на своего командира, присматривались к ассортименту и шептались по существу циничной ценовой политики заведения. Вокруг сновали стриженные головы и сопровождающие их танкистские, артиллерийские, пехотные и лётчицкие капитаны и лейтенанты, лился рекой лимонад и трещали рогалики. После первого звонка разношерстные очереди, словно по приказу, рассыпались и боевыми расчётами, экипажами или обыкновенными тройками и парами унеслись в зал... Вот она, дисциплина, мать порядка!

После антракта я равнодушно скользнул взглядом по ряду защитников воздушных границ Родины. Олег же, словно через рентген-аппарат, математически выверенно прогонял в памяти дислокацию защитников своего куска небесной твердыни в зале и вместе со вторым звонком объявил пессимистический диагноз:

— Хероватенькое дельце, Кулиева нет..

— Придёт твой Кулиев, ему в буфете лишняя ватрушка досталась, — успокоил я друга.

— Ты ни черта не понимаешь. Кулиев где-то остался совершенно один, а это уже сильно опасно и предсказуемо тем, что стопроцентно непредсказуемо...

Здесь Олег сильно загнул речь, загнул как сантехник трубу, но без ругательств и не для среднего ума им всё это было сказано. После всестороннего анализа фразы я-таки понял, что дело, как могли бы сказать наступающие на Москву немцы, — «швах».

Блиц-опрос умиротворённых буфетом младших сержантов вывел Олега на старшего сержанта — «надзирателя», безответственно потерявшего в антракте Кулиева. Тот с огорчённым жизнелюбием что-то живо и путано пролопотал дважды. Олег прокомментировал его ротозейство коротким и злобным рыком, высказав обобщающее мнение о дисциплине. Затем он уменьшил звук до угрожающего шипения, но оказалось, что старший сержант эти глухие шипящие мелодии отлично разгадывает, иначе бы он не сорвался с места и не бросился бы в сторону фойе, как красноармейский кавалерист на фашистскую танковую колонну. На всякий случай я тут же принялся на той же ноте шипеть своему другу, что все солдаты одинаковые и балбесы. Думаю, что успокоил его весьма условно.

По мере угасания люстр в заполненном бойцами зале внимание нашего сержантского состава переключилось на плафоны с трафаретными надписями «Выход». Курносые и чубатые профили рядового состава перенацелились на защиту Москвы от врагов. Олег по инерции ещё какое-то время шипел насчёт своей дурости, а затем аналогичных и других им подобных качеств этих составов, что было доступно лишь моему слуху...

Языки колеблющегося пламени, вырывающегося из латунной гильзы, бросали неровные тени на стол, где она стояла, на слабо освещённую сцену и генерала Панфилова: в шинели внакидку, с мучительными размышлениями о складывающейся на фронте ситуации.

Конечно, Георгий Бурков, будучи Панфиловым, верил в мудрость Ставки и лично товарища Сталина. Он не сомневался, что теперешняя ситуация хорошо известна Кремлю. Но даже комдив вряд ли надеялся на столь скорую помощь, а на войска ПВО он и подавно не рассчитывал. И, тем не менее, как раз в этот момент из-за кулис на театральную сцену выступил простой и скромный советский комсомолец и солдат, сын азербайджанского народа, рядовой Байрам Кулиев...

Кулиев сделал несколько шагов вперёд, в нерешительности остановился и замер, опасливо изучая генерала и как бы оценивая, в ту ли он попал дивизию. Генерал Панфилов-Бурков с заинтересованностью анализировал состояние молодого пополнения дивизии, мысленно отмечая понятную робость не нюхавшего пороха бойца.

— Ну, чего же ты, сынок, стоишь? Подходи ближе, — пригласил его Бурков, — не бойся.

Зал притих ещё и потому, что с такими погонами и петлицами на сцене до этой минуты пока ещё никто не появлялся, а в происходящие здесь события они не вписывались. Если бы я не знал, что перед генералом стоит Байрам Кулиев, то, несомненно, задумался бы об оригинальности художественного приёма театральных сценаристов и постановщиков.

А Кулиев сделал один шаг вперёд, ещё шаг, ещё. После очередного шага из нашего ряда уже вразнобой понеслось: «Байрам!», «Байрам, иди к нам!», «Бай-

рам, сюда!» Постепенно клич подхватил весь зал: взревели артиллеристы, ракетчики, танкисты и лётчики, пришедшие ротами и взводами на этот шефский спектакль: «Байрам, мы здесь!», «Байрам, генерал наш, не бойся!» Кулиев услышал своё имя, знакомые голоса командиров и повернулся в сторону кипящей полутьмы. Вглядываясь в зал, подслеповато щурясь и боязливо озираясь на генерала, он медленно двинулся к нам. Ещё секунда, и Байрам... с глухим грохотом рухнул в оркестровую яму. С первых рядов на выручку Кулиеву туда сразу же по-кошачьи скользнули несколько танкистов или, может быть, десантников...

Генерал Панфилов задумчиво подсчитывал то ли пополнение дивизии, то ли её потери по вновь открывшимся обстоятельствам...

И если когда-то потом Кулиеву говорили в части: «Байрам, культпоход?», тот уже понимал этот призыв даже по-русски. Как рассказывал Олег, Байрам Кулиев сразу же принимался испуганно мотать головой из стороны в сторону и обязательно пытался куда-либо сбежать: копать, подметать или грузить. Что делать вместо культпохода, для него не имело никакого значения... На Курской дуге ли или под Рейхстагом, лишь бы там не было театра. На полигонах и стрельбах Кулиев оставался надёжным воином. Его усердие в труде всегда побеждало затеи замполита и оставляло культурно-массовую работу полка на коленях.

СЛУЖБА ПО НОТАМ

Зенитом комсомольской славы округа всегда считалась конференция. Вот и прибыло в Киев полтысячи молодых делегатов с границы от Гродно до Тамани, которым в канун высшего форума организовали экскурсии по республиканским музеям и театрам, кормёжку заметно привлекательнее той, что на заставах и кораблях, и ночлег в отдельном батальоне связи. И всё было бы у них как в сказке и дальше, если бы там оказалось незаурядных единомышленников и творческих натур хотя бы на одну компанию меньше. Но их там оказалось ровно на один коллектив больше. Этим гармонически целостным коллективом были тоже люди, соратники и единомышленники, достойные освещения не только в заметке, но и в опере, а то и в оратории.

Офицерам, вожакам комсомольской работы, гостиница в образе казармы с солдатскими кроватями душ и сердец натурально не согревала, что и побудило их к обсуждению сложившейся ситуации в одном из углов батальона. Сделали они это без какой-либо сердитой и вредной цели, отдавая всего лишь должную дань укоренившейся традиции верности дружбе и войсковому товариществу, впервые и наконец-то встретившись после целого дня разлуки, связанной с бурной экскур-

сионно-музейной деятельностью. (Возили они в тот день своих матросов и солдат по музеям столицы).

Чем комсомольские офицеры-вожаки занимались на старте в том чудесном углу этого уютного отдельного батальона, воистину неизвестно. Но утром, уже ни для кого не являлось секретом, что наряду с неизвестно чем исполняли они там не своим голосом популярные песни советских композиторов в сопровождении духовых, клавишных и щипковых музыкальных инструментов как сольным способом, так и в хоровом и даже в акапельном формате. Сами того о своих замечательных способностях не ведая, о талантах не подзревая и теперь уже находясь не в дружбе с памятью, а от других лиц утром узнавши, что в ту ночь они меняли всё. И голоса, и жанры, и формы с куплетов на попури, и отдельную колбасу на квашеную капусту и огурцы солёные в столовой, и даже слова и ритмы в песнях и очаровывали своим репертуаром весь батальон связи ровно до двадцати пяти минут пятого. Произошло именно то, что, как свидетельствовали знающие лица, казалось неизбежным и не произойти не могло. Они ведь уже съехались в батальоне, встретились, что ж теперь делать? Со вчерашнего утра, оказалось, эти люди точно не встречались, соскучились друг по другу, а конференция — это, во-первых, праздник, а во-вторых, и это главное, искали молодые офицеры у связистов хоть какую-то душевую комнату, чтобы освежиться перед сном. Батальон не согревал

их душ без душевой комнаты, схватываете ситуацию? Вот и я уловил, что здесь у них поначалу заварилось дело справедливое, как и у людей.

Следует известить вас, что душевую комнату им удалось обнаружить только в одном месте: в расположении ансамбля песни и пляски пограничного округа, что квартировал в одной из казарм этого же батальона. А там, сами понимаете, музыкальных инструментов страсть сколько, а на них никто даже гамму не наяривает. Лежат они себе (инструменты) или стоят в том углу батальона, где ансамбль, или даже просто по стенкам на гвоздях развешаны, потому что у артистов в это время продолжается ночь и это позволяет им сделать мелкую паузу в изнуряющей концертной деятельности и перевести дух от оваций. А наши вожаки молодёжи — ребята неугомонные, настырные и озорные такие, что прям-таки терпеть такого легковесного отношения к мировой и отечественной музыке выдержать не могут. Ещё в первом часу ночи они уже не смогли молчать, потому что знали: работа с молодёжью — это непрерывный процесс, и чем сложнее ситуация, тем громче и смелее нужна их сила в музыкальном развитии комсомольцев. Они уж если за что-то брались, то мёртвой хваткой, и шли, невзирая на лица.

Ясно, что картина получилась у них прекрасной во всех отношениях и в творческом касании к музыке, хотя прапорщику, дежурившему по батальону, сквозь ноты и по инструкции смотреть на это было невыноси-

мо. Пустился он с ними в разные ласковые речи в отношении силы звука, глубины ночи, распорядка дня и на­мёков на их злоупотребления. Но музыканты его не до конца услышали, а может, и в отместку за замечания, идущие в разрез с советской музыкальной культурой, перешли с децибел Ан-24 на децибелы Ту-154. То есть, образовавшийся ранее музыкальный киоск у них раздвинул стены несколько шире. А затем они ещё попытались, и небезуспешно, спровоцировать этого дежурного юношу откусать с ними, чего бог дал, но, как это и принято у людей культурных, закусывать ему не предлагали. О закуске, и вы это знаете, у интеллигентных людей даже говорить непристойно. Дескать, каждый сам себе волен взять на зуб конфетку или ущипнуть халву, либо высокомерно и твёрдо, как в известном рассказе М. Шолохова, заявить, что после первой и далее не закусываю. Да, в общем-то, закуски у них к тому времени практически и не было, даже конфискованная в столовой капуста кончилась, а дежурный по батальону прапорщик, если бы и захотел затонировать рецепторы, мог бы и сам себе чего-то найти. Не маленький. Броского безумия офицеры-комсомольцы в ту ночь совершенно не планировали и не допускали. А ужасный хаос и шатания для этого прекрасного батальона исполнили, хотя и стоял он между железнодорожным и автобусным вокзалом на обычном месте и никого в ту ночь не трогал.

С рассветом оказалось, что истина уже поступила в последнюю инстанцию. Наш генералитет, не таясь,

осведомился у меня, куда я глядел этой ночью? До этого он уже поинтересовался абсолютно тем же у комбата, замкомбата, начальника связи округа и других влиятельных мужчин города. Правду генералитету консолидированно не сказал никто, а по озвученным версиям оказалось, что все куда-то смотрели вполне внимательно и зорко, но песен не слышали. Кто ещё у кого-то спрашивал и что, сказать трудно, а придумать не хочется. Под влиянием тех допросов и я аналогично строго выпытывал у певцов и композиторов о содержании их ночного репертуара. Судя по их объяснениям, офицеры в ту ночь не занимались ровно ничем, а если по виду, то показалось мне, что это правда. Они даже и не спали. А вот если делать выводы и рассуждать, учитывая только запах, то офицеры скорее всего той ночью тестировали вкусовые качества одеколонов и других ароматических средств, таких как духи, суспензии, масла и гели, чтобы отогнать от себя в ходе конференции пустую критику и наветы нечестивцев.

Конференция состоялась и прошла просто замечательно, что и сказал на подведении итогов генерал из Москвы. Понятно, что генерал не мог приехать из Москвы и обойтись без тонких требований. Его ведь два полковника тоже из Москвы все эти дни окружали! Их критика была устроена на полутенях. Дескать, выступления яркие, но дикцию не потренировали, приветствие пионеров красочное, но по времени затянули, свободных микрофонов много, но перед кон-

ференцией и в перерывах патриотические песни звучали не так часто и громко, как им бы того хотелось.

Но наш генерал был тоже будь здоров, как самолюбив, обидчив, в оценках и выводах самодостаточен, непреклонен и явно не лыком шит. После слов благодарности в адрес москвичей за практическую помощь он многозначаче и смело посмотрел на нашего нового начальника войск округа и твёрдо заявил, что в наших рядах сосредоточены лучшие музыканты и исполнители страны. Что, возможно, на конференции наши самородки, как и советские спортсмены на Олимпиаде, даже где-то уже и перегорели. А вот накануне в нашем батальоне связи случился грандиозный смотр комсомольской песни с заключительным гала-концертом до двадцати пяти минут пятого утра, где они уже сразу и завоевали все без исключения лауреатские премии и поделили их меж собой. Затем он выразительно посмотрел на присутствующих участников совещания из числа комсомольских работников округа. Те раболепно писали слова генерала и ободряюще смотрели на меня как на художественного руководителя и дирижёра образцового, академического окружного хора ВЛКСМ, а начальник войск посмотрел без удивления на всех, не исключая даже московского генерала и его верных полковников, и угрожающе крикнул два раза. Вот так: «Кхм-м, кхм-м», что можно было бы разгадать: «Да, уж! Лауреатские премии меж собой поделены, но пока ещё не все». Так оно потом и получилось...

КОВАРСТВО ТИХОНИ

Служили два товарища Гриша и Вася. Они сильно любили шутки и потому служили долго и счастливо. А может, им это удавалось, так как местом службы был Киев, где, как известно, офицеры обычно вкалывают с превеликим наслаждением и до последнего куска сала. Порой создавалось впечатление, что друзья, а они были не только товарищами, но и друзьями, никогда не копили друг на друга зла. Оно у них и так никогда не переводилось и время от времени выплёскивалось в драматических шутках, что безраздельно оккупировали все информационные потоки местного канала ОБС. Несколько пятилеток кряду приятели, точно фигуристы, синхронно носили майорские погоны, состояли в одинаковых должностях и, ясное дело, что шутки на пути к их очередным погрешностям и победам в службе добавочных барьеров не создавали.

Гриша, как правило, ежедневно бессовестно опаздывал на службу, но никогда не скрывал этой мелкой своей слабости от соседей по кабинету и был перед ними, как и перед своей совестью, абсолютно честным офицером. В минуты и даже в часы задержек он с грохотом и треском врывается в кабинет и ликующе приветствовал друзей:

— Здорово, орлы! Что, видно, уже вырвались тут без меня в маяки соцсоревнования? Ну, кто у вас впереди? Ничего-ничего, на обеде сегодня всех вас обставлю, как детсад!

Затем он изящно запускал в полёт свой головной убор. И что интересно, вешалка ему неизбежно покорялась, летела ли его фуражка или в зимнюю пору шапка, повиновалась она ему даже независимо от воли и желания уже покоящихся на ней вещей четверых его соседей-сослуживцев. А потом Гриша взмахивал левой ногой, и его туфля уносилась далеко в угол, а ступня вслепую вонзалась в шлёпанец. За взмахом правой конечности следовали подобным образом отточенные практикой действия. Далее теперь уже сам Гриша вламывался в свой затемнённый угол, чтобы плюхнуться на стул и обосновать фатальную логику своего мелкого опоздания.

Так было до того момента, пока над ним искромётно не пошутил Вася, приколотив гвоздями к паркету его правый шлёпанец. На первый взгляд казалось, что друг даже рассердился на Василия, поскольку его шлёпанец получил несопоставимую с дальнейшей жизнью травму. Его владелец тоже получил не только синяк точно по центру лба, но и ушиб плеча, а также существенно повредил теми частями могучего тела письменный стол, а его столоначальника чуть было ли не внёс в список горячих поклонников логопеда. Строго говоря, Гриша весил прилично за сто, а стол ока-

зался спроектированным небрежно и рассчитан не более чем на восьмиклассников или первокурсников ПТУ. Говорили, что тогда столохозяин так обиделся на Гришу, что хотел было даже отмутузить его, но вовремя передумал, потому как вес, сами понимаете, да ещё и рост Григория сыграли в этом значение настояжывающее.

По прошествии времени коллеги заметили, что тот эпизод мало отразился на дружбе офицеров, потому как день зарплаты, получения грамот и праздники нашего народа они отмечали по-прежнему только вдвоём. И только в том самом заведении, что на площади, если обогнуть слева памятник Богдану Х., что сидит на коне с булавой. Праздники друзья чтили чаще календаря: партийные, советские, трудовые, боевые, религиозные чтили, но не афишировали, региональные и некоторые другие чтили, включая семейные, как относительно к мужской родне, так и по женственной линии. Не стоит уже и говорить вам о международных праздниках и календарных закладках и репликах, касающихся событий в странах социалистического содружества и в мировом международном коммунистическом и рабочем движении.

Гриша по определению не мог долго дуться на друга. От синяка он успешно избавился, плечо залечил, а вскоре, опираясь на глубокие знания спортивного календаря, в лыжи Василия набил кило гвоздей и канцелярских кнопок, чтобы друг его на зачётах по физ-

подготовке, развивая недопустимую для гонки скорость, не сорвался вдруг на повороте в овраг и случайно не погиб. К месту старта он нёс его лыжи вместе со своими лыжами очень бережно, да и на полосе старта проявил к другу отеческое внимание и сыновью услужливость, чем раньше никогда не шалил. Понятно, что в точке сбора спортсменов сослуживцы предстоящий проект приветствовали, поскольку о нём были оповещены заранее, а начальники даже воткнули Василия в число топовых стартёров. И только для того чтобы все смогли полюбоваться на его стартовый спурт, да и лыжником он был вполне скоростным, так что всё у них сложилось вполне разумно и правильно.

Яркий, однако, натужный старт Васю существенно не деморализовал, хотя впоследствии все телефонистки округа вне зависимости от их возраста и благонравия, похохатывая в кулачки и по-девичьи краснея, часто цитировали те слова, что Василий стгоряча произнёс в отношении Гриши и его ближайшей родни в постреволюционных поколениях. А едва услышав живой голос Васи в эфире, они разноголосо ржали и даже робко, правда, не все, но предлагали ему с игривыми намёками на десерт совместную лыжную прогулку на природу. Но в день зарплаты или получения какой-то самой захудалой грамоты или хотя бы взыскания, а также во все революционные, боевые и трудовые праздники народа друзья неизменно появ-

лялись в заведении, что на площади и слева от памятника Хмельницкому Б., что на коне и не с пустыми руками. Причём третьего мужчину или, допустим, ту же смазливую телефонистку или официантку из столовой они к себе в компанию ни разу не приглашали. Разливали поровну, платили по-честному.

Конечно, с годами качество совершаемых ими шуток и прощительных мелких глупостей заметно повышалось. В таких делах со спелым вкусом банальности и незаурядности абсурда однажды наступила и кульминация. Слегка покосилась их дружба тем июльским днём, когда у оперативного дежурного поломался холодильник, где обычно сберегались его личные бутерброды. Малюсенький такой холодильничек там у него стоял, вроде прикроватной тумбочки. Белый. Слегка поцарапанный. Интересно, что эту неприятность, кроме самого дежурного — подполковника и его помощника капитана, что и о своих бутербродах переживал и печалился, никто в тот день даже не заметил. А вот Гриша этот досадный в истории нашего прославленного округа факт известным лишь ему чувством зафиксировал и окольными путями дал знать о случившемся другу. То есть Василий теперь тоже знал, что холодильник к прямому его предназначению не пришёшь, хотя это его пока ещё не встревожило.

Понятно, что такая ситуация без движения сюжета сохраняться у нас не могла. Поэтому вскоре сюжет сдвинулся со своего места и начал ускорение. Около

девяти вечера из комендатуры управления тщедушный солдатик притащил в дежурку крепкий и аккуратный ящик с Васиной фамилией и его точным домашним телефоном на борту, а также и с обратным адресом из трёх слов: «Измаил, дары Дуная». Надо заметить, что Василий там недавно-таки был, что и позволяло ему такую посылку считать вполне логичной.

Капитан, исполняя волю дежурного подполковника, незамедлительно известил майора Васю об оказии с Измаила. А Василий, учитывая случайно повисшую на его ушах информацию об отвратительной службе бытовых холодильных приборов в округе и понимая, что дарами Дуная может быть лишь рыба, полтора часа спустя объявился в дежурке третьего этажа. А уже в три минуты первого разразился вселенский скандал, ибо, как потом оказалось, притащил Вася в ящике домой ровно четыре белых силикатных кирпича и пожелтевшие от старости газеты. В тот момент он пришёл в ужас, жутко расстроился и посылал по телефону в нашу дежурку всякие необоснованно грубые предположения и глупые слова. Однако его ужас был ничто в сравнении с негодованием супруги. Она подвергла его ещё более серьёзной обструкции, чем ему можно было бы надеяться по факту.

Болтали даже, что тогда над Василием чуть было не навис дамоклов меч импичмента. А всё дело в том, что Вася жил на первом этаже и, как говорили осведомлённые люди, именно в ту ночь к его заниженно-

му в осях балкону прибежала не только милиция, но даже и собаки на шум прибежали, чтоб понять, в чём дело. А когда собакам вместо сахарных косточек полетели через окно силикатные кирпичи, они тоже принялись скакать, неистово шуметь и ругаться, выражая недовольство Васиными неровными проделками, хотя виноватым в том, что собак так дерзко надурили, был только Гриша, проживающий совершенно на другом конце города.

Так женщина, супруга нашего героя, мало чего понимающая в многолетней боевой дружбе офицеров и их пылком войсковом товариществе, навредила отношениям этих двух прекрасных воинов. Почти что на месяц она им навредила и даже обеславила перед их командирами и чуть ли не перед всем районом по месту прописки, включая персонал одного столичного опорного пункта милиции.

Неясность в том вопросе до сих пор сохраняется. Кто бы мог подумать, что на это способна такая тихоня? Безобразие, да и только! Ведь супруга у Василия всегда считалась, и не без оснований, доброй, спокойной и уравновешенной женщиной, очень приятной в общении, хорошей хозяйкой. Она всю жизнь работала в центральной научной библиотеке города и, как говорили, ни разу не рвала на себе блузку или кофту, чтобы кому-то так дерзко и вызывающе качать свои права...

Так что будьте бдительны!

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ

Командировка в Измаил ничем не отличалась от других, если не считать состава проверяющих. Их было всего двое — полковник и капитан. Как вы можете себе представить, капитаном был я, а полковником ещё один крупный мыслитель из числа нашей элиты. Кто не понял: ха-ха-ха! (Смеюсь).

Многотрудная работа по подведению итогов привела к совещанию, где прозвучали выводы, рекомендации и советы: как надо работать на самом деле. Вначале, что естественно, на вершину верблюда славы взлетел сам полковник. Затем, что и коню понятно, сопровождающий его капитан вскарабкался. Роль верблюжьего горба досталась трибуне, с которой и посыпались наши добрые и недобрые слова. На мой мало просвещённый взгляд, здесь у наших военных в основном дела выглядели сносно, и доклады могли бы изливать сдержанный оптимизм. Но нет. Полковник в таких вопросах давно уже наблатыкался, и потому все его слова из речи падали за гранью добра и зла. Мне ничего не оставалось, кроме как развивать его идеи вширь, а именно: обо всём хорошем — суконым телеграфным языком. О том, что им до радости и счастья не ближе, чем африканским спорт-

сменам до хоккея и русской лапты. Всё это стилем мелодичным, метафоричным, с требовательной принципиальностью как в голосе, так в мимике и жестах. В общем, много чего у вас ещё не сделано и вот почему... Офицеры рисовали в блокнотах чёртиков. Некоторое оживление вызвал лишь один тезис. В выступлении прозвучала мысль о том, что командование части, окопавшись в этом городе, засело в обороне и устремилось в себя, а не в те проблемы работы с молодёжью, что здесь постоянно нарастают. Были и примеры. В последних аккордах совещания эти слова были с гневом опровергнуты, а на концевые аккорды, как известно, могут быть только реплики. Они были.

Полуфинал командировки выдался безрадостным: бесцветный стылый обед в душной солдатской столовой. Затем ...надцатый за время службы в округе, а потому и ненужный обзор полуразрушенных и неухоженных достопримечательностей, обломков и руин того, что оставили здесь рассеянные генуэзцы, что воздвигли когда-то недружелюбные к нам турки, что штурмовал Суворов или оберегал комендант крепости Кутузов. На сладкое подали заунывный монолог уморившейся экскурсоводши о приевшемся ей Измаиле примерно за месяц до ухода, быть может, в первый в её жизни, а потому так волнующий, декретный отпуск. Помню, что в тот день у меня накопилось немало претензий к окружающей действительности за

дерзкие надписи на древних крепостных стенах, залежи мусора и хаотично перемещающихся прямо по руинам полуголодных коз, козлят и козла с ними.

— Что вы от меня хотите, — парировала девушка эти публичные умозаключения чуть ли не со слезами в прекрасных глазах, — народ у нас безответственный. Что есть, то есть...

По сути, горожане ничем не отличались от «жителей» воинской части, которую мы проверяли. Я подумал об этом, и мне стало стыдно за свои претензии. Я сник, замолчал, и, кажется, будущая мама меня всё же простила.

Более эффективным показался финал командировки с неформальным товарищеским ужином в отеле с ароматными дарами полей и виноградников на столе и пафосными обетами безмерной благодарности отъезжающим товарищам за их беспрецедентный труд от лица провожающих их субъектов. Собственно, если бы до этого провожающие не додумались, то даже и даров природы в памяти отъезжающих сегодня бы и не осталось. Нечего было бы и вспомнить. Провожающие притащили в гостиницу даже местные партийные органы в двух лицах, боялись, что мы с провожающими без этих лиц на контакт не пойдём. Теперь пошли. Так провожающие и сделали погоду, чтобы не смазать впечатление о себе у руководителей из центра. Но в результате они всё равно его смазали, зато уже без всякой посторонней помощи.

Что ни скажет им наш полковник, а они ему в ответ сразу сто слов в минуту, как из ручного пулемёта Калашникова, обгоняя полковника и даже самих себя: «Правильно, товарищ полковник, сказали, бардак у нас, и это даже нам всем понятно. Давно собирались этим заняться и теперь уже ни перед чем не остановимся...» Горкомовские партийцы только налегали на стол и искрились анекдотами. А наши начальники, отлично помню, несмотря на внезапно расклюнявившуюся погоду, дождь и мгlistый и сырой воздух, сильно смахивали на жизнерадостных чукотских или колымских оленеводов, которых я многократно видел в кино. Судя по картинкам, там у них, что бы ни случилось — солнце зашло, пурга началась или оленя закололи, — всегда довольные такие лица на экране, как у измаильских провожающих. Они даже за столом, разливая вино, всё время суетились, шутили, подначивали друг друга, перепоручая эту работу или аннулируя её совсем с перестройкой прицела с вина на водку. Даже в этом серьёзном деле они бессистемно кувыркались вокруг стола, будто аляскинские лайки в снегу в таких же фильмах, но уже по Джеку Лондону.

Чего у них было не отнять, так это оптимизма. Дешёвый оптимизм у них был в большой цене. Мы им о недостатках, а те уже радуются, что они точно есть, а также тому, что устранят эти недочёты одним махом, хотя понимают, что наш самолёт уже через час и

больше им эту противную тему об итогах работы до следующего года никто и не вспомнит.

А что ещё? Помню, как провожающие свои речи такие агрессивные и наступательные вели, не давая нам сказать даже тост хотя бы один на двоих. (Неукротимые льстецы и словоблуды высочайшего класса!) Говорили, что не успеем мы и до Киева долететь, как выявленные нами недостатки ими уже будут блестяще устранены. (Видимо, какая-то гроссмейстерская комбинация у них в умах где-то сидела). Словом, у провожающих в оптимизме были не только мозги и языки, но и уши, потому что им даже самим нравилась та лапша, что они сами себе и вешали. Может быть, они уже и до того где-то немножко приняли, не знаю, но получалось, что наши замечания столь плёвые, что на их устранение хватит одного часа и сорока минут, пока наш самолёт будет в воздухе на пути к Киеву. Насчёт «плёвости» недостатков — это уже моё личное умозаключение, этого я там вслух не произносил, а полковник был на четыре звания меня умнее, поэтому такого по определению сказать не мог. Что думал полковник в эти минуты, я знал точно и не хуже Чумака и Кашпиоровского. Только за это и могу поручиться.

Воистину чудесен этот провинциальный оптимизм. Забегая наперёд, скажу прямо, что некоторое время спустя из аэропорта мы неожиданно вернулись в гостиницу, а когда пришли, провожающие и горкомовцы даже и не собирались покидать тот номер, где

звучали их горячие пионерские клятвы. Что уж тут говорить об устранении выявленных нами недостатков? Приходим мы в номер гостиницы, а почти сто минут уже позади. А они как сидели, так и сидят без всякого движения, если не считать перемещений по столу кое-каких объектов из категории тары и болгарского перца под винным соусом, потому как напиток разливался из нестандартной посуды. Кстати, от винного соуса стол только выиграл, потому что на скатерти теперь появились лиловые вензеля, которых раньше на панораме закусок и посуды не имелось.

А что же вышло-получилось? А всё дело в том, что наш самолёт поначалу сильно и смело разогнался и хотел было уже взлетать, когда оказалось, что один из его моторов позорно заглох. Таким вот оказалось «могучее средство научного прогресса», как когда-то самонадеянно характеризовал нашу авиацию Ленин. Не могучее, а сомнительное средство прогресса. Вскоре прояснилось, что по инструкции лётчики могли и дальше продолжать взлёт, потому что у них и другие моторы для этих целей имелись. Но пилоты другим моторам явно не доверяли, крепко забоялись, да и не думали они, что мы с начальником так сильно хотим в Киев, а на борьбу с недостатками командованию части в тот миг осталось времени всего один час и тридцать девять минут. И самолёт ведь рейсовым был, а потому, что с них, гражданских лётчиков, возьмёшь?

Это на военных пилотов наш полковник мог бы цыкнуть, дескать: «Ямщик, пошевеливай на Киев...» В общем, от неуверенности наших ямщиков трудящимся стало ещё хуже...

Во-первых, самолёт галопом проскочил всю полосу аэродрома, а потом и двор какого-то колхоза, явного аутсайдера в коммунистическом строительстве. Там он чуть было не зацепил крылом одну из разбросанных в вольном и сумбурном порядке сеялок, а уже после того остановился посреди свежевспаханного и обрабатываемого в эти минуты ливнем поля. Потом аэроплан погрузился в благодатную причерноморскую хлябь по ступицы колёс, чему все, включая лётчиков, страшно удивились и в то же время обрадовались. Впрочем, может быть, лишь тем они и восхищались, что в салон поползла пена и её оказалось намного меньше, чем конструкторам этого неудачного самолёта хотелось бы на самом деле.

Пассажиры, конечно, и, к общему сожалению, поразбивали себе зеркала душ. Но мы ведь уже коротке отужинали. Понимаете? Потому-то мы после неформального ужина в салоне излишней активностью не страдали. А во-вторых, у нас ведь фуражки с пружинами на головах имелись для таких случаев, так что сами понимаете — они же присутствовали там, на го-ло-вах! А вот уже остальным — да, пришлось валерьянку пить, таблетки кушать. Даже и не помню, что ещё: зелёнку йодом запивать или наоборот?

В-третьих, остолбенел наш самолёт так хитрозадуманно, что его задний и единственный трап открылся хоть и резво, но только в виде аккуратной щёлки, потому как колёса ушли в болото. Такая конфигурация оказалась неожиданной и забавной. Удивительно, но джентльмены ведь сразу поняли, чего ожидать дальше! Смекнули! Сильный пол сработал блестяще! Он засучил штаны до лохматых животов, щёлочку шустро, правда, на четвереньках, но легко преодолел с теми словами, что не для дам предназначены, а строго — для экипажа, самолёта, аэропорта, министра воздушного транспорта и их родителей по женской линии. Сильный пол весь в эту щёлочку юркнул, видимо, лишь для того, чтобы потом нашим дамам, пассажиркам, руку подать и чтоб всё интеллигентно выглядело. В школе ведь учили, что если подходишь к женщине, то подходи с душой и возьми на себя заботу, допустим, подай ей руку, потом уступи дорогу. Там решили начать с первого, дескать, зачем уступать дорогу, вот вам рука, владейте! Вот тогда-то наши милые дамы и лишились всякой скромности окончательно, и прежде чем лезть в эту щёлочку, принялись вязать свои сарафанчики и юбчонки узелками и на талиях, то есть прямо под восхитительными грудями, что заметно выше пупков. А после создания этих романтических бантиков с томными охами и ахами, в таком, как нам показалось двусмысленном виде, они затеяли эвакуацию из поломанного лайне-

ра прямо к нам в руки с замедленной демонстрацией всех своих несомненных достоинств и прелестей. Далее и первые, и вторые из числа победителей щёлочки, по колено погрузились в благодатный, но раскисший причерноморский чернозём и продолжили обмен мнениями относительно посещения этого захудалого колхоза, будто бы в Одесской области нет образцово-показательных хозяйств с асфальтовым покрытием промеж грядок. К нашей объединённой с полковником чести сказать, мы не причитали и не охали по причине твёрдости пружин, надёжности фуражек и неприкосновенности носов, чем другие похвастаться не могли, хотя наши форменные брюки и пиджаки не в полной мере отвечали уставным требованиям. Легко было рассуждать об уставе, но только не там, когда даже визуально не определить: что у тебя на ногах — туфли или сапоги? Какого цвета и фасона? Однако и в этих условиях мы вели себя мужественно. Даже тогда, когда все мужики и бабы, будто, и правда, скупленные Павлом Ивановичем Чичиковым крестьяне или придуманные Гоголем мёртвые души, брели в болотной каше к месту недавней регистрации и посадки. Каши было... э-э... В общем-то, если дамам, то там её было практически по пояс.

Дальше стало ещё смешнее, но уже не всем. Лётчики что-то дружно валили на аэропорт и путались в показаниях. В аэровокзале дикторша несла разную пургу и хрень о причинах нашей задержки и собственным языком шлифовала эту хрень до матового блес-

ка. В гостинице мы возникли, как колдуны на сельской свадьбе. (Это легко читалось даже в глазах её персонала). Там, повторяюсь снова, восседали наши провожающие, которые выявленные нами недостатки так и не устранили и, может быть, поэтому оцепенели, люто обрадовались и бросились к нам с новыми экстравагантными инициативами. До этого, как и требовал момент истины, они успели, перебивая друг друга, замечательно погоревать на тему понесённых нами издержек и даже отослали подвернувшегося им под руку невзначай таксиста в часть за утюгом и стиральными порошками. Тот с задания, правда, так и не вернулся. Потом, уже со второй попытки, они решили и этот вопрос, но уже без таксиста, которому ранее забыли сказать, в какую именно часть Измаила ему ехать, а надо было в задании указать, чтобы ехал именно в воинскую часть.

Зато на другой день всё стало на свои места и в салоне самолёта, убывающего в Киев, было не более десятка пассажиров и ни одной пассажирки, которые ещё вчера пытались приманить нас к себе своими прелестями в районе щёлочки. Слава богу, что мои истории никто не читает, а то ещё прочтёт, да, заподозрив себя в невыгодном свете, не на шутку обидится. Тогда на такие же слова, что и на крепостных стенах Измаильской крепости написаны, но уже в свой адрес, нарвусь точно.

Тяжела фуражка поэта...

СЕРДЦЕ ДЕВИЧЬЕ ЗАТУМАНИЛОСЬ

А на этих страничках почти ничего не происходит. Люди просто живут, живут, как все: ликуют, печалятся или страдают. Здесь вы не найдёте ни эпических событий, ни геройских поступков. И если вы уже начали забег по строкам, надеясь обнаружить подвиг, то ещё не поздно бросить эту затею и сохранить своё время. А что здесь, и правда, можно увидеть, так всего лишь недалёкие от трафаретов образы маленьких людей, их банальные проблемы, а также неумелые метафоры или сравнения от автора.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был один почтенный майор из числа заметных в селе мужчин и мечтал он о собственном автомобиле. Вернее, лично он мечтал об этом лишь эпизодически. На постоянной основе автомобилем грезила его любезная супруга, которой ездить в Унгены на грузовой машине за редиской и развесными мармеладками к чаю надоело, а власть её благоверного, к превеликой её досаде, на легковые авто не распространялась. Где обитали в те времена теперь уже до тошноты родные и близкие нам оптимизация с реорганизацией, чёрт их знает. Плохо тогда без них жилось так, что и помереть недолго, а обосновать в исключительном порядке вве-

дение в штат легковушки у майора никак не выходило. Вот и пилила жена свою жизненную опору различными инструментами из числа кухонной утвари, а потом ещё где-то раздобыла и водительские права, которыми бахвалилась перед всеми без исключения жителями Аушен. Ясно, что она рассчитывала на жизнь, окружённую шиком и красивыми привычками, но это не получалось. И хотя по численности изюминок и очарованию прелестных линий выглядела супруга майора в притягательной гармоничности, многие мужики, завидя её, постоянно чертыхались, вспоминая биографию и боевой путь одной известной греческой богини. Даже имя у жены майора было на ту же, что и у гречанки Мегеры букву «М». Но в отличие от той южанки наша деревенская прима никому, кроме своего хозяина, и ни за что не мстила.

С другой стороны, жена у майора была тетя огого! Весьма пикантная дамочка, эффектная, остроумная тётенька, и наряжалась она со вкусом и блеском. Если декольте, то уж до солнечного сплетения точно. Если юбка, то слегка выглядывающая из-под ажурного пояска с сияющей бляхой и камнями по периметру осиной талии. Многие мужчины не раз представляли себя с ней рядом в самых невероятных и смелых фантазиях, что подозревал даже и сам майор, но не обижался а, напротив, в этой связи ещё больше гордился ею и прижимал к своему терпеливому и отзывчивому сердцу даже на плацу утром.

Жена его тоже страх как любила, но никак не уни­малась, неизменно покусывала его зубками и царапала ноготками, в переносном смысле значения этих деяний, конечно, и только насчёт машины. Иногда она даже незлобиво ругалась с супругом, но теми словами, что меж собой употребляют лишь невоспитанные мужчи­ны. Нередко делала это в присутствии третьих лиц, чет­вёртых, пятых и остальных лиц, так что в курсе разви­тия их отношений состояло всё село. К числу других её безупречностей относился ещё и тот факт, что воин­ским званием «майорши» она страшно дорожила и в разговорах с подругами утверждала, что даже в обыч­ной устной речи оно превосходит «подполковничиху».

— По мне, так уж лучше бы моему чуть позже, но сразу генерала б дали, — говорила она, — потому что подполковничиха и полковничиха тоже звучат неваж­но. Звучат они, как Салтычиха, которой нас ещё в школе пугали.

Майор звёздных болезней и манер не имел, но звез­ду на плечах носил постоянно и даже чём-то напоми­нал тип воина, не склонного к выбору скорых реше­ний на атаку, и со своей славой при жизни пока ещё не встречался. В общем, был он обыкновенным подкаб­лучником, а потому перед супругой всегда таял и рас­плавлялся, как воск по паркету, меланхолично разга­дывая очередные её комбинации и называя её медо­вым голосом только Лапочкой или, в крайнем случае, Незабудкой. Он даже при солдатах и сержантах без муси-пуси эпитетов к ней никогда не ластился. Как

утверждали однополчане, после каждого такого мусипуси, как, например, «аллë, Машутка-незабудка, я тут-ка» их жены принимались неистово кусаться чуть ли не насмерть из-за отсутствия такой же неуправляемой ласковости и поэтичности в обращении к ним. И происходило это, по представлениям и выводам однополчан, исключительно по вине языка и проступков этого тяжело раненного любовью майора.

Однажды этот старший офицер изменил свою выжидательную тактику действий на активную стратегию и принялся думать о машине уже на постоянной основе. Допекли его обстоятельства. В тот день на него сильно накричала жена, и он окончательно убедился, что и на этот раз оказался не совсем прав. Жизнь без автомашины уже и для него становилась невыносимой, да и генерала ему никто не давал. Он изучил возможность приобретения машины через раймаги, сельмаги, кооперацию и военторг, а затем просчитал даже такой уникальный проект личного обогащения, как (в тот раз он разговаривал вслух только сам с собой, поэтому невнятно и о чём, вам сообщить не могу). Но вскоре он быстро понял, что последний вариант не соответствует высокому званию майора и создаёт этически затруднительную ситуацию не только для дальнейшего продвижения по службе, но и ведёт его прямо-таки в темницу. От уникального проекта майор бесстрашно отказался и даже выпил стакан вина для окончательной очистки своей совести. Чтобы вам понять, насколько это серьёзно, должен сообщить, что

до того дня майор давно уже ничего, кроме лимонада, даже не нюхал.

Всё было бы совсем несносно, если бы не выручил однокашник из Одессы. Тот уже успел получить в Одессе квартиру, стать депутатом. Потом распрощаться со службой и обогатиться знаниями, позволяющими ему на Привозе совершенно адекватно базарить с местными пацанами, связи которых заключали в объятия весь диапазон вопросов от первой клубники и вилковской селёдки до пышнотелых девиц потаскушного вида на пассажирских и грузовых причалах морского порта. Так у майора появилась иномарка с правым рулём, за которой он стремглав кинулся в Одессу, захватив с собою толкового прапорщика, поскольку лично за рулём автомобиля не сидел ни разу в жизни.

Автомобиль с однокашником они обмыли как новый. Прапорщик, надо заметить, стакан в руки почти что не брал и, как оказалось, был прав. Выехали из Одессы спозаранку, и что было всего интереснее нашему майору, так то, что сидел он на месте водителя и практически рулил автомашиной, правда, без руля. А водитель забился в правый угол салона и сидел там вроде бы и за рулём, но никто его даже из пешеходов не замечал, потому что, во-первых, не там сидел, а во-вторых, такую иномарку даже в этих краях видели нечасто. Все разглядывали машину, а к водителю, где бы он ни находился, интереса не имели. В-третьих, сам майор был за центнер весом, что не обнаружить, а

обнаружить и не удивиться его гренадёрской стати выглядело невероятно трудным, если не сказать даже невыполнимым делом.

После вина одесского разлива окончательно сознание к майору вернулось уже тогда, когда они под лучами славы въехали в Молдавию. И одолело им привычно-игривое настроение в преддверье встречи со своей изящной и милой половинкой. Выпрямился он гордо, поднял локти так, чтоб думали все, что именно он руль держит, а перед очередной встречной машиной как крутанёт понарошку руками влево, будто бы на встречу едет. Встречный водитель, разглядывая машину, как крутанёт себе вправо, будто бы увёртываясь, затем покажет пальцем у виска, если успеет, и разъедутся они, по-разному довольные друг другом. Во всяком случае, наш майор хохочет неостановимо, так ему нравится этот занимательный трюк. После второго хохота прапорщик пытался тактично и вежливо повлиять на своего боевого командира, да куда там! А в следующий раз, когда дело близилось к овалному изгибу дороги, прекрасной панораме открывающихся тучных яблоневых садов и предместий молдавской столицы, шофер встречного грузовичка с кукурузой вместо того, чтобы крутить пальцем у виска или, в крайнем случае, хотя бы просто материться, крутанул свой руль вопреки всем прогнозам и накопившейся практике. Тут кукуруза и посыпалась, тут початки и бросились под колёса, на капот, на асфальт... Такое вот случилось.

Но ничего страшного, всё обошлось и получилось прекрасно, потому что там изгибчик овальный, а скорость пустячная. И от этой кукурузы никто безнадежно не пострадал. Все только выиграли. На машино-тракторном дворе иномарку разглядывали, как приданое невесты. Всё село в смотринах участвовало. Затем колхозные слесаря хорошенько отрехтовали машинку, зашпаклевали её, зашлифовали, закрашили так, что сами японцы взвыли бы от зависти. Да и жена майорская с тех пор в Унгены за редиской и зефиром к чаю ездила без всяких неудобств и преград. Её подружкам от этого и от своей зависти стало совсем темно в глазах, хотя сами же в очереди к ней толкались и набивались в пассажиры. Без рынка-то не проживёшь! Раньше за глаза звали Машу только фифой, мужики даже именем греческой богини её ядовито подзуживали, а теперь уже весь женский коллектив поменял позицию и обращался к ней только по имени, а лейтенантши даже отчество «Владленовна» добавляли.

— Ничего себе, как классно, — обсуждали подруги, которых у неё стало заметно больше, — Машутка наша за рулём как богиня (в смысле гречанки, но уже другой, позитивной), только страшноватенько, когда разделительная полоска между ногами трётся. Тревожно себя чувствуешь, особенно в первый раз, волнительно: то прерывистая полоска, то сплошная и опять точно между ног проносится, дух захватывает! Страшно! А когда там шуршит двойная линейка, так всё аж сжимается!

Да и мужики её теперь Мегерой не считали, так как она по правде хорошей женщиной оказалась, поэтому самые смелые фантазии с ней они в голове удерживали по-прежнему, да и сигареты у Маши в бардачке не переводились. Крепких слов Маша уже чуралась, но междометия понимала, а вот в лаконизме те высоты, которые Эллочке-людоедке и ночью не снились — в себе для дела сохранила. Они ейгодились. Скоро она на работу устроилась то ли в торговлю, то ли в пожарную охрану: сейчас уже никто не помнит. Словом, своя в доску баба, таких бы нам баб да больше.

Потерпел убыток в этой истории только прапорщик. У него тогда некоторая напряжённость с милицескими органами всё-таки образовалась на почве несвоевременно доставленной куда-то кукурузы, но его сам майор без напоминаний выручил, используя огромные силы своего влияния и без всякой коррупции и блата. Забросил он два ящика солдатской тушёнки и канистру коньяку кому-то вверх и делу конец.

Майор ещё долго потом служил в этой части. Однажды у него даже дочь родилась, а вскоре после этого его даже повысили и избрали в партбюро. А потом и оптимизация к ним подоспела, и так появились Уазики. Как я вас и предупреждал в самом начале, здесь никаких героических подвигов не случилось: простая жизнь, простые люди. Только прапорщика теперь в селе Ан-2 называли, а в воинской части ещё и Кукурузником...

ДЕРЗКИЕ ЗАМЫСЛЫ ПАРТИЙЦА

На этот раз, уважаемые господа, я соскальзываю почти что на публицистику, и не случайно. Кто-то, безусловно, помнит такую популярную в СМИ рубрику: «Время, события, люди». В этой зарисовке именно об этом, но действующих героев повествования вы найдёте в самых последних строках. Строители коммунизма в СССР, несомненно, помнят ту пору, когда жизнеописание Леонида Ильича Брежнева вдохновляло и окрыляло советский народ. И даже боевая карьера, как оказалось, Ильичу удалась на славу. Не будем ёрничать. Брежнев — фронтовик и уже за это его стоит помнить, хотя и здесь его роль по «законам его эпохи» была поднята до немислимых высот и послужила рождению сотен анекдотов. Можно было бы и здесь один из них пересказать, но мы обойдёмся. Поведаю вам маленькую минорную и в то же время анекдотичную историю, что могла бы оказаться печальной. Речь пойдёт об эпизоде, случившемся в Днепродзержинске, куда наш путь пролегал, в том числе и через Львовщину.

Вначале преамбула. Одна из традиций советских пограничников состояла в проведении комсомольско-молодёжных эстафет. К съезду партии, напри-

мер, или к юбилею революции. Вы можете подумать о спортивной эстафете: четыре по сто, двести и более метров, что легкоатлеты бегают. Нет! Здесь на этапы дробилась дистанция шестьдесят тысяч километров вдоль государственной границы СССР. В эстафетные группы назначались юноши и девушки из приграничья, наши солдаты и офицеры. Менчендайзеры, супервайзеры, менеджеры и прочие работяги туда, конечно, не попадали. Если доярка, то стахановка и рекордсменка, если тракторист, то уж точно с медалью «За доблестный труд» или с наградой ЦК комсомола. Группы перемещались вдоль границы на автомашинах, катерах, вертолётках, лошадях, оленьих упряжках. А в таких местах, как Брестская крепость, Малахов курган или именные погранзаставы, этапы стартовали и финишировали на многолюдных митингах с возложением венков и гирлянд славы, с участием ветеранов и местных начальников. Лозунг был такой: «Границу СССР охраняет весь советский народ!»

На границе Львовской и Закарпатской областей и границе с Венгрией, а именно близ украинского села Сянки, что на Ужокском перевале, Л.И. Брежнев не служил. Но во время Великой Отечественной войны там даже и без его участия шли тяжёлые бои. Венгерские и немецкие войска задолго до них здесь вырыли и забурили в камни так называемую «Линию Арпада» из непреодолимых, по их мнению, многокилометровых траншей, каменных завалов, железобетон-

ных бункеров и дотов. На высоте 889 метров над уровнем моря этого сурового, но живописного поднебесья, наверное, и сейчас стоит памятник воинам, освобождавшим Карпаты. А может, его уже и нет? Не знаю. Но тогда на его табличке были слова, что в танковом батальоне, успешно штурмовавшем перевал, замполитом в годы такие-то доблестно служил именно он — наш полководец и дорогой товарищ Л.И. Брежнев, Генеральный секретарь ЦК.

Камни Ужокского перевала, вероятно, и сейчас помнят отважных солдат А. Суворова и М. Кутузова, ожесточённые бои с австро-венгерской армией и знаменитый Брусиловский прорыв. О них напоминают и кладбищенские захоронения, могилы, памятные знаки, звёзды и кресты в честь погибших русских, советских и австро-венгерских офицеров и солдат. Ясный перец, что в эстафетные дни в число знаковых для посещения мест в нашего округе попадал и обелиск однополчанам Леонида Ильича Брежнева на том перевале. Там же эстафета передавалась от Львова Закарпатью и ступала себе дальше до Севастополя и Керчи, до прославленной в прозе и кино Малой земле и Кушки, по казахстанской целине к Даманскому, Владивостоку, Сахалину, Петропавловску-Камчатскому и острову Ратманова. А однажды нам подсказали ещё одно заметное место. Велели от границы с города-героя Одессы повернуть и направить дальше,

но уже через Днепродзержинск, где проходила городская партийная конференция.

Для участия в мероприятиях, связанных с эстафетой, туда даже направили военным бортом из Киева группу офицеров во главе с генерал-лейтенантом. (Деньги на патриотическое воспитание молодёжи считать тогда ещё не научились). И группа зашагала по судьбоносным тротуарам родного Л.И. Брежневу города и завода. Приостановились на площади, чтобы сфотографироваться возле прижизненного бюста Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, неоднократно Герою Советского Союза и Социалистического труда Леониду Ильичу Брежневу, а затем пересечь площадь и возложить цветы к памятнику В.И. Ленину.

Наш генерал и один из секретарей Днепродзержинского горкома партии к месту намеченной акции подкатили в последнюю секунду, а милые девочки сразу же «вооружили» начальников цветами для того Ильича, что с фамилией Ульянов. Но наш генерал, как вы себе можете думать, и правильно, привык к самостоятельным решениям. Он привык брать ответственность на себя и во всём не казаться, а быть. Быть первым. Неожиданно он развернулся к бюсту Леонида Ильича Брежнева и начал решительно возлагать цветы к основанию бюста Генерального секретаря. И хотя в этой затее генерал тогда действительно ока-

зался первым, но в стремлении этом, скорее всего, первопроходцем не был. Секретарь горкома партии среагировал мгновенно. Он вцепился в могучую генеральскую руку и отвёл её от подножья постамента: «Рано, пока ещё рано, цветы нужны будут потом», — услышал я голос секретаря.

«Потом», когда лидер партии покинет наш подлунный мир или «потом», у памятника В.И. Ленину на другой стороне площади? К тем словам прислушивались только дорогой Леонид Ильич и его многочисленные звёзды на отутюженном каменном лацкане.

Серьёзная оплошность получилась, хотя сейчас на такую мелочь никто бы и не посмотрел.

НИКТО ВЫСОВЫВАТЬСЯ НЕ СОБИРАЛСЯ

Рабочий день теперь финишировал. Тотчас стартовало партийное собрание. В 18.01 – начали пунктуально, как и требуется за чертой рабочего времени. Прямо со старта уточнили кворум, и дело покатилося предсказуемо плавно и так складно, как и задумано. Никто высовываться не собирался. Умаявшиеся за день коммунисты сходу примирились с повесткой, составом президиума и ФИО докладчика, достоверно представляя себе, кто выступит после него, о чём скажет, и, судя по всему, принялись дожидаться окончания дебатов. У каждого хватало и своих дел в голове, и главным среди них теперь уже было скорее смотаться домой. Тем временем единодушие не моросило и не капало, а в обстановке всеобщей озабоченности положением дел и качеством выполнения планов лилось полноводным потоком. Поток аккуратно пронизывал всю площадь и атмосферу просторного начальственного кабинета, местами заливал актуальность и злободневность, густел и выжимал из уст ранее согласованных спикеров рубленые формулы и фразы, удачно иллюстрирующие важность гласности, критики и самокритики, воистину требовательно прозвучавших на XXVII съезде КПСС. Коммунисты прели

с выдумкой и не по-детски (в том смысле, что участвовали в прениях). Выступать против курса партии никому в голову не приходило, тем более что, как теперь выяснилось, курс уже проложен.

Стрелки часов настырно подползали к единодушному вердикту. И вдруг на трибуне неожиданно возник крепко тёртый партиец, отражатель гласа народа и его чаяний, красавец мужчина с шитыми на погонах золотой канителью звёздами в форме короткого журавлиного клина. То ли он по своей рассеянности пошибал боковые столбики кулуарно согласованного списка выступающих, речей и реплик, то ли выбился из специально наезженной к собранию колеи регламента, поддавшись лишь собственному задору, этого пока ещё никто не понял, но действия осудил каждый.

Говорят, наукой доказано, что те люди, что превосходят середняков, в службе чаще всего высокомерны, капризны и не ходят строем. Обычно они и без строя всегда заметны, особенно на трибуне. Тёртый калач в число середняков не входил. Внеплановый спикер не был ни спесив, ни капризен, но члены КПСС отлично и давно знали, что такие коммунисты, как этот спикер, на дороге не валяются. Он всегда с блеском побеждал любой блеск ради своей серости и делал это хорошо поставленным голосом немислимого тембра. Вся его биография десятилетиями плескалась в протоколах партийной работы,

тянулась успешно, и потому он свою верность замыслам партии сохранял в самых неожиданных местах, обладая ещё и неподражаемыми способностями артиста разговорного жанра.

— Всё это очень хорошо, — заявил партиец, не объясняя, что это «всё» и почему всему этому оценка «очень хорошо», а не «отлично». — Критика и самокритика — это острейшее и, я бы даже заявил вам, жгучее оружие партии. Но сейчас это непобедимое оружие я хочу нацелить на нашего начальника, товарищи! На начальника! — последнее слово он произнёс дважды, сильно налегая голосовыми связками на ударную гласную «а». Здесь он жадно отхлебнул глоток воды. — При этом я вполне понимаю, что нашему всеми уважаемому и высокоавторитетному руководителю не требуются советы даже такого опытного человека, как я. Хочу всерьёз покритиковать Вас, глубокоуважаемый Сергей Александрович! Да, да, именно Вас! — завершил он жёсткую заповку перед резко оторопевшими коммунистами и заломил продолжительную театральную паузу.

Вырисовывающийся в тонком блокнотике с пружиной какие-то мудрёные завитушки, а может быть, и кудряшки докладчик и одновременно наш начальник по служебному профилю полковник Сергей Александрович адекватно заметно оторопел и отложил свои художественные опыты для осмысления уже обнародованного текста.

— Партия учит нас, товарищи коммунисты, не бояться критики, лечить этим чудодейственным лекарством любого и каждого, невзирая на чины и звания. Поэтому разрешите покритиковать Вас, уважаемый Сергей Александрович. И я критикую! Я делаю это прямо в глаза! — смело пригвоздил он шефа по новому кругу, так пока ничего по существу и не сказав. А коммунисты резко оживились, переглянулись, внутренне напряглись и даже позабыли о своей усталости, отложив в сторону тетрадки и блокноты, где до сих пор что-то украдкой экспериментировали.

— Много Вы работаете, много Сергей Александрович! Много! Так нельзя, скажу Вам это по-партийному, — сообщил полковник и поднял очки, оглядывая оцепеневших товарищей. — Я всегда ухожу с работы уже в девятом часу вечера, а Вы ещё в кабинете. Работаете! Я прихожу на службу к семи утра, а Вы уже там, на посту: думаете, размышляете о чём-то, пишете, решаете! Это же неправильно... Так нельзя, Сергей Александрович, надо же хоть когда-то и отдохнуть!.. Силы у человека не беспредельны!

В ожидании заключительного слова докладчика народ задумался о характере его вероятной реакции на критику. И она прозвучала в первой же фразе: «Ну что ж, товарищи! Прежде всего, спасибо за критику...»

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ. «ЦВЕТЫ В НОМЕР!»

Шеф тем и отличался, что внезапные, но верные решения принимал молниеносно. При любой погоде, в любой местности, а особенно вечером. Этот выезд замышлялся по привычному для нас сценарию: офицерами-начальниками набился полный вагон. Далее Кишинёв, вымученно хлебосольная встреча с местными начальниками, недолгое совещание в штабе и выезд на пограничные заставы. После недельного пребывания на границе возвращение в столицу советской Молдавии, несколько трудодней с бумагами в том же штабе, подведение итогов, чемодан, вагон и Киев.

По приезду с границы всю инспекторскую группу радушные хозяева устроили на постой в только что распахнувшую свои двери для гостей столицы гостиницу, в чём без ЦК партии уж точно не обошлось. Кажется, она называлась «Кишинеу», но, может, и ошибаюсь. Не ошибаюсь в том, что в гостинице нас удивляло всё: непривычная свежесть и чистота, яркая униформа и понуждённые улыбки чудовищно учтивого персонала, пальмы, лифты, зеркала и люстры...

В один из поздних вечеров к месту ночлега мы возвращались вдвоём с шефом. Подъехали к крылечку из стекла и бетона, отпустили «Волгу», естественно чёрную «Волгу», неспешно поднялись по ступенькам

и устремились к лифтам. Думаю, что со стороны два офицера: молодой симпатичный полковник и стройный старлей, в форме с иголочки оба и с деловыми папками выглядели, по крайней мере, недурно. В ожидании лифта приткнулись к небольшой группке постояльцев, за ними же и взошли в сверкающую красотой и кнопками кабину и... И это ж надо!? Чудо расчудесное! Перед нами оказалась она, звезда всех концертных залов страны, очаровательница, чьими фотографиями и афишами сейчас оклеен даже этот унылый город! Прима эстрады, на чьи концерты в любой точке страны билеты распределяются через магазин, гастроном, горком и тот же ЦК...

Дива о чём-то перешёптывалась с такой же непростой, как и сама, спутницей, а случайные соседи по лифту безмолвно пялились на обеих див. Этим занимались все. Кроме моего шефа, которого вы пока ещё не знаете. А тот внезапно вспомнил, что он прежде всего командир и создан для того, чтобы приказывать и вертеть своими подчинёнными так, как это ему вздумается, а не просто вышел погулять с кем попало или, например, с теми же дивами. У него даже поговорка такая была: «Если ты не будешь управлять ситуацией, то ситуация будет управлять тобой». Другими словами, в нём прямо в лифте вскипела энергия руководителя масс, свыкшегося с нуждой принятия неожиданных, но метких решений. Или человека, не привыкшего откладывать на завтра то, что ему было бы логичным свершить незамедлительно. Лёгким взглядом полков-

ник тяжело скользнул по мне, и я понял, что нажимать кнопку нашего этажа в складывающихся условиях нецелесообразно, бесполезно и даже опасно. Я понял, что без маски сегодня моя дальнейшая работа обречена на провал. И я мысленно её нацепил.

— Девочки, — шеф в ту же минуту снял фуражку и преклонил колени к линолеуму пола так, что казалось, безупречно отглаженные на брюках стрелки, несомненно, нанесут гостиничному комплексу ущерб. — Девочки! — патетично повторил он. — Вы, конечно, не представляете себе, как мне перед вами стыдно! Как мне тяжело в этот прекрасный вечер незабываемой встречи с вами, как мне сегодня совестно перед вами и невыносимо больно. В столь ужасном моём положении лишь фатальное отсутствие личного оружия не позволяет мне поступить сейчас так, как поступают настоящие офицеры. Ах, какая же я шляпа! Доверился... Кому? И это в моём-то преклонном возрасте! Какой позор пал на мою древнюю голову! — он вынул белоснежный носовой платок и театрально промокнул поочерёдно глаза.

В этот час лифт остановился на одном из этажей гостиницы и его с явным нежеланием покинули наши случайные попутчики. А «девочки» продолжали с нескрываемым изумлением и заинтересованностью разглядывать пышущего здоровьем гренадёра, щегольски увенчанного атрибутами именитого полковника. Поначалу они, казалось, как-то даже немного пугливо вжались в угол лифта, в частности тогда, когда раз-

дался пассаж об оружии. Однако после выводов о «преклонности» возраста и «древности» головы расплылись в очаровательных улыбках, тем более что на последней у полководца ни седины, ни лысины, ни других признаков античной древности не присутствовало.

— Где цветы, лейтенант! — взревел шеф и переключился на меня.

— Старший лейтенант, товарищ полковник, — вспомнил я о своей маске.

— Я сказал лейтенант, значит, лейтенант! Теперь лейтенант! Почему я не вижу роз? Много роз! Где они? Я Вам приказывал сегодня весь вечер дежурить с розами у лифта!? Нет! С меня хватит! На гауптвахту, под арест, под статью, в Читку, к декабристам! — повышал градус полковник. — Нет, такого позора я не заслуживаю. Я с честью выбирался из горящих самолётов и торпедных катеров, под камнепадами поднимался в жерла огнедышащих вулканов и спускался в мёртвые ущелья Тянь-Шаня. Сегодня вы перечеркнули всю мою биографию и жизнь! Вы уволены, лейтенант! Я не позволю Вам бесчестить наши войска! Хватит спекулировать моей сердечностью и милосердием! Прошу вас сдать табельное оружие сегодня же и снять погоны! Прощайте, лейтенант, прощайте! Пусть вам повезёт в цеху или на ферме!

Лифт остановился, полковник широким жестом пригласил дам к выходу. Когда они продвигались по коридору, он не преминул ввернуть какую-то шутку, чем вызвал их неподдельный хохоток. Здесь же при-

нялся вспоминать, как когда-то билеты на концерт певицы он то ли выиграл у генерала ошеломительной для всех стрельбой из пистолета, то ли выменял их у одного из знакомых министров какой-то промышленности за медаль, которых у него и так не счесть.

Я уныло плёлся позади разогревающейся компании и мучительно осмысливал проект бюджета на краткосрочную перспективу. Командировка близилась к завершению, и, по моим представлениям, в кармане оставалось несколько рублей.

Как оказалось, работа над бюджетом проводилась не напрасно. Ловко открывая оказавшимся уже у него в руках ключом чужой номер, шеф снова снизошёл к тому, чтобы повторно устремить на меня своё внимание.

— Что Вы здесь стоите, как памятник Македонскому? Цветы в номер! Много цветов в номер! Вы что, письменного приказа ожидаете?

Затем он скользнул взглядом по двери и повторил:

— Цветы в 819 номер! — и широким жестом любезно пригласил дам в их апартаменты так, будто бы они ещё сомневались: удобно ли им сейчас заходить в номер к незнакомому мужчине.

Надо сказать, что памятника Македонскому я к тому времени себе ещё не представлял, но от этого ассигнаций в кармане ни больше, ни меньше не стало. Ясно стало лишь одно — в этой же гостинице проживали и другие офицеры из нашей киевской инспекторской группы. Поэтому найти займы немножечко рублей до возвращения в Киев оказалось делом пустячным...

Конечно, полусонная теневая торговля в тени городского сквера теплилась и боязливо предлагала публике ограниченный ассортимент товаров и услуг, как то варёную кукурузу, персики, семечки или виноград. Из-под другой полы предлагалось домашнее вино мировых марок и даже цветы из маскировочных картонных коробок. Здесь же, как выяснилось позднее, опасно, будто из тумана возникали и так же внезапно таяли в вечернем полумраке субтильные девушки в вызывающей боевой раскраске, с распутными глазами и безнравственными принципами на лицах. Много чего там было ещё, но не для всех. Завидя контуры моей форменной фуражки, что я понял далеко не сразу, бабушки-продавцы сворачивали сумки либо растворялись в полутенях сквера, чтобы избежать встречи с местной милицией, чем они представляли себе меня. Прелестницы, напротив, как оказалось, прекрасно ориентировались в особенностях военной формы всех родов и видов Вооруженных Сил СССР и норовили к сокращению дистанции огневой поддержки до физического контакта за рубли. Лишь третий-четвёртый заход на торговые зигзаги принёс мне требуемый результат по цветам и пару презентаций с перспективными предложениями, адресами и телефонами.

Когда я объявился пред очами начальства, шеф посвящал мастериц искусств в пикантные подробности пребывания поэта А.С. Пушкина в Молдавии. Говорил с таким пылом и жаром, что мне ничего не оста-

валось, кроме как застыть в двери памятником Александру Македонскому. Очевидно, букеты алых роз в эти минуты символизировали благодарность македонцев за покорение их земляком Сашей Персидской империи.

Впрочем, вскоре памятник полководцу утратил основную часть своей красоты, ибо букеты у него были решительно экспропрированы и тут же галантно вручены прекрасным девам. Но шеф просчитал не всё, ибо на него без предупреждения заварилась атака в пользу лейтенанта с погонами старшего лейтенанта. Столь сильных преувеличений о своих положительных качествах, красочных эпитетов, метафор и других приятных слов о себе я вряд ли мог где-то одновременно услышать. Упрёки и штрафные санкции моего начальника под ожесточённым нажимом дам рассыпались в пыль, словно неприступные бастионы на пути армии Македонского. Мне вернули погоны, затем звание и табельное оружие, потом отменили арест и сняли судимость, вскоре отозвали перевод в Читу к декабристам и дезавуировали обвинение в неисполнительности.

К тому времени, когда я уже находился за столом с бокалом, шефа тоже реабилитировали. С него мягко сняли абсолютно все предположения относительно «преклонности» возраста и «древности» головы. Но на остроту ума и языка никто не покушался.

В южном небе загоралась утренняя заря...

О ПРИРОДЕ КАНИТЕЛИ НА ЛОШАДКАХ КАРУСЕЛИ

*Если у офицера есть взыскания,
значит, у него есть характер.*

*(Из доклада генерала,
г. Мукачево, 1982 г.).*

Этюды, нашедшие себе место в этой книге, можно было бы провозгласить записками либо дневником. Приём не новый, смутила мелочь. Напиши «Записки старшего лейтенанта», к примеру, и сразу же потянутся за этой «нетленкой» призраки. Я и сам вижу, что от самолюбования местами не избавился. Здесь и без того уже страсть сколько нескромных «ячеств». Их можно было бы избежать. Какой-то там лейтенант задумался, далее он строго нахмурился, затем ему показалось, а в завершение юноша тот внезапно (резко, решительно, смело, победоносно, неостановимо — здесь на выбор) полез в карман у сердца и вытащил партбилет. А потом почесал себе затылок и трижды перекрестился...

Не в том суть. От старшего лейтенанта такие записки ожидать было бы фантастикой. Какие дневники мог сочинить тот летописец, хоть он и старший? В

тех чинах подобные ему «полководцы» не выдумывали мемуаров, а большей частью мечтали, как бы по-человечески выпасться или довести детей до лужайки и рассказать им о травках да букашках. В лейтенантские годы эпистолярные усилия круговерти жизни отражались лишь в тех жанрах, что прозе и поэзии неведомы: в планах охраны границы, боевых стрельб или в конспектах для политзанятий. И только память бережно сохраняла то, что вызывало радость или разочарование, что получалось пережить или перетерпеть.

Так с обложки ушли «записки», «дневники», «воспоминания» и другие объединяющие термины. Так появились не лишённые иных выкрутасов, сразу не пойми что за карусель и канитель, да ещё и зелёная. Так, когда отправлялся за одним, точно в сказке С.Т. Аксакова «Аленький цветочек», мне приглянулось нечто другое.

Карусель с деревянными лодочками и лошадками или без них, это всё равно, что наша жизнь. Она вертится и кружит, но не всегда с той скоростью, как мы того бы желали. В условиях канители скорость карусели замедляется вплоть до точки остановки. Канитель — дело затяжное, очень нудное и скучное, а если оно даже и случается полезным, то всё же монотонное и однообразное. «Тянуть канитель» — зря терять время или растягивать работу. А в главном значении французское «канитель» — золотая или серебряная нить для золотошвейных работ. Её изготовление всегда являлось трудным делом.

Офицер любого ранга может привести немало примеров из своей службы, когда ему доводилось крутиться каруселью или канителиться. При этом вспомним канитель и в смысле золотой нити, что используется также и в изготовлении звёзд, погонов и других элементов воинского отличия. Звёзды всегда сопровождают человека. Звёзды на небе или на знамени. Звёзды разные: светозарные и сребролистые, мерцающие и подмигивающие, недосыгаемые или падающие, холодные и безмолвные, несчастливые и везучие... Точно такие же они и в офицерской жизни.

Этим и завершаю свои рассуждения о блеске, гордом сиянии или тусклом мерцании тех звёзд, которые когда-то носил сам и видел их на плечах друзей в лучах радостного умиления и бескрайнего восхищения от надвигающегося коммунизма, с верой в грядущее страны на многие дистанции вперёд. В рассказах немало дмения звёзд, а в дмении и тревога, и несбыточные ожидания, и разочарования, и надменность, и гордость. Как правило, они в разных пропорциях. Воины в зелёных фуражках всегда стремятся к тому, чтобы границы нашей Родины были в безопасности, а люди могли жить спокойно. Эти слова можно было бы подкрепить тысячами примеров мужества наших офицеров и солдат.

Вам предложены самые короткие, очень простые, нередко весёлые, а может быть, даже в чём-то и неожиданные наблюдения, но не о подвигах, а об обыден-

ном бытии, пропущенном сквозь призму бытового сознания.

Уже в наше время прочёл, что сейчас классика не современна, а то, что пишут современники, не классика. Так оно и есть. В ваших руках бывальщина, которую мог бы по свежим следам точнее и правдивее записать лейтенант или старший лейтенант, прикинувшись писателем, но не записал...

Все герои вымышлены, совпадения случайны, роль автора в рассказах и заметках нескромно приукрашена. Берегите своих солдат.

С уважением, Георгий ДЗЮБА.

СОДЕРЖАНИЕ

Аршак Тер-Маркарян. На страже слова.....3

1. БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

«Над Тиссой». Кино и немцы.....	9
Голод не тётка.....	15
У Калинова моста.....	25
Презент от короля и кадров.....	35
«Глаза поили душу красотой».....	41
Аргументация бесперспективности.....	47
Цена крепкого слова.....	57
К юбилею готовься!	66
С лёгкостью в мыслях.....	73
О месте диспута в подвиге молодёжи.....	80
Курочка Ряба.....	88
Шуршание текстильного брака.....	94
Сапог лаптю не товарищ.....	100
Призыв в атаку из трёх букв.....	106
Рояль в кустах.....	114
Тень на плетень.....	120
Левый сосок.....	126

2. ОТ КАВЯРНИ ДО ЦУКЕРНИ

Мы сидели на бюро.....	137
Монолог о рыбалке.....	145

Политические моменты.....	153
За себя и за того парня.....	161
Шурин Миша.....	168
На минном поле.....	174
По военным дорогам.....	179
Капитальные вложения.....	188
3. ZELENAYA. КАНИТЕЛЬ. ТРИПТИХ	
<i>Эскиз I. Тыфу, на неё, товарищ майор!</i>	195
<i>Эскиз II. Дальнобойщики</i>	204
<i>Эскиз III. У опасной черты</i>	217
4. НА ПАРКЕТЕ ПОД КАШТАНОМ	
Магия ужаса.....	229
Искусство метаязыка.....	238
Патруль отклеился и отстал.....	247
Душа меру знает.....	254
Волоколамское шоссе.....	260
Служба по нотам.....	267
Коварство тихони.....	273
Провинциальный оптимизм.....	280
Сердце девичье затуманилось.....	290
Дерзкие замыслы партийца.....	298
Никто высовываться не собирался.....	303
Театральная жизнь. «Цветы в номер!».....	307
<i>О природе канители на лошадках карусели</i>	314

Георгий Евгеньевич Дзюба.
Карусель и канитель.
Рассказы

ISBN 978-5-91642-137-8

Редактор Н.И. Дорошенко
Технический редактор Е.И. Косырева
Подп. в печать 9.01.2015 г. Формат 60x90^{1/32}
Бумага офсет № 1. Гарнитура Newton C.
Печать офсетная. Печ. л. 10.
Тираж 1000 экз. Заказ № 109.

АНО РИД «Российский писатель»
119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13.
Тел.: 8-962-965-51-64, факс: +7(499)246-53-11.
sp@rospisatel.ru www.rospisatel.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного издательством
электронного оригинал-макета
в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы,
пер. Богунского полка, 4а.
Тел.: 8(48336) 4-24-56; 4-04-18; 4-35-89.
E-mail: kltip@online.debryansk.ru, zakaz-kltip@mail.ru